This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

NEDL TRANSFER
HN 57AE X
XLZ
353
20

Digitized by Google

XLZ 353.20

THE SLAVIC COLLECTION

Harvard College Library

GIFT OF

Archibald Cary Coolidge, Ph.D.

(Class of 1887.)

Received 1 July, 1895.

Digitized by Google

99-117

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

МЫСЛИ

о

НАРОДНЫХЪ МАЛОРУССКИХЪ ДУМАХЪ.

П. Житецкаго.

(Изданіе редакціи журнала „Кіевская Старина“).

Кіевъ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1893.

Digitized by Google

Digitized by Google

Cover

2.1233.20.5

Mysli o narodnyh malorusskih du-
iah

P. Žiteckij

Kiev 1893

(danie redakcii žurnala "Kievskaja Starina")

Thoughts on the popular Little
Russian dumas (songs)

P. Žiteckij

(Edition of the magazine "Kievskaja
Starina")

Kiev 1893

(Russian)

Digitized by Google

Digitized by Google

МЫСЛИ

о

НАРОДНЫХЪ МАЛОРУССКИХЪ ДУМАХЪ.

П. Житецкаго.

Pavel (Ignatevitch) Zhitetzki.

(Изданіе редакціи журнала „Кіевская Старина“).

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1893.

Digitized by Google

~~572 33.20.5~~
XLZ 353.20

Harvard College Library
Gift of
Archibald Cary Coolidge, Ph. D.
July 1, 1895.

Дозволено цензур. Кіевъ, 23-го февраля 1893 г.

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY
JAN 5 1979

Digitized by Google

ПАМЯТИ

Александра Александровича

КОТЛЯРЕВСКАГО.

Digitized by Google

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

Строй рѣчи и поэтическій стиль въ народныхъ малорусскихъ думахъ.

стран.

Вліяніе рифмы на образованіе стиха въ думахъ.—Отсутствіе метрической стопы въ стихотворномъ размѣрѣ думъ.—Неравномѣрность и подвижность стиховъ.—Мелодическій речитативъ въ музыкальномъ исполненіи думъ.—Построеніе предложеній въ думахъ въ связи съ стихотворнымъ размѣромъ ихъ.—Мѣсто сказуемаго въ предложеніи.—Сложное сказуемое въ связи съ второстепенными частями предложенія.—Слитное предложеніе въ связи съ синонимами.—Точность въ изображеніи мѣста и времени дѣйствія.—Нарощеніе рѣчи.—Скопленіе придаточныхъ предложеній.—Инверсія.—Періодическое теченіе рѣчи.—Раздумье въ думахъ.—Лирическое изліяніе чувствъ: обращеніе, проклятіе, молитва.—Элегическій тонъ въ думахъ.—Суровыя краски въ изображеніи степной природы.—Образы битвы и смерти.—Сатирическій тонъ въ изображеніи борьбы козаковъ съ поляками.—Ироническое самообличеніе.—Архаизмы въ лексическомъ составѣ думъ.—Рифмованная проза. . . . . 1—38

II.

Странствующіе школьники въ старинной Малороссіи.

Дьякъ въ старинной малорусской школѣ.—Предметы и способы обученія молодиковъ школьныхъ.—*Ман-*

Digitized by Google

стран.

дованные дьяки.—Автобіографія одного изъ нихъ—Ильи Турчиновскаго.—*Пиворѣзы* въ интерлюдіи Митрофана Довгалевскаго.—Отношенія народа къ *пиворѣзамъ*.—Сатирическія вирши о *пиворѣзахъ*.—Взаимодѣйствіе народныхъ и книжныхъ вліяній въ старинной малорусской школѣ . . . . . 39—56

III.

Старинныя малорусскія вирши.

1) Вирши нравоучительнаго содержанія.

«Лѣкарство роскошникамъ того свѣта» Кирилла Транквилліона.—Могущество смерти.—Скоротечность жизни.—Тщета благъ міра сего.—Картина страшнаго суда по духовнымъ стихамъ и церковнымъ изображеніямъ.—Религіозныя воззрѣнія на семью.—Духовный стихъ о правдѣ.—Мать, какъ символъ правды въ поэтическихъ представленіяхъ народа.—Семейная мораль, основанная на чувствѣ родства.—Тоска по родинѣ.—Сиротство.—Добрая и лихая доля . . . . . 58—78

2) Вирши нравоописательнаго содержанія.

Рождественскія и воскресенскія вирши. Обрядное славленіе: вирши—орація и вирши—колядки.—Изображеніе въ тѣхъ и другихъ виршахъ грѣхопаденія прародителей, поклоненія пастырей и царей родившемуся Спасителю, встрѣчи царей съ Иродомъ и избіенія младенцевъ.—Юмористическій замыслъ и простодушно—наивное чувство въ этихъ виршахъ.—Главная тема воскресенскихъ виршей.—Вторженіе общественныхъ мотивовъ въ праздничныя вирши . . . . . 78—99

Рождественскія и пасхальныя интермедіи. Связь вертепной драмы съ праздничными виршами и діалогами всякаго рода. Крестьянинъ въ вертепной драмѣ и въ интермедіяхъ: отношенія его къ цыгану, еврею и ярыгѣ. Козакъ въ вертепной драмѣ и въ интермедіяхъ: отношенія его къ ляху и москалю. Запорожецъ въ вертепной драмѣ . . . . . 99—117

Digitized by Google

стран.

3) Вирши историческаго содержанія.

Острожскій ламентъ.—Обычная тема въ виршахъ о Богданѣ Хмельницкомъ.—Точки соприкосновенія этихъ виршей съ думами.—Duma kozackaia o woyni s kozakamy (1651).—Упоминанія о думахъ въ польской и малорусской старинной литературѣ.—Вирши, близкія къ народнымъ пѣснямъ, изъ эпохи гайдамаччины.—Составители этихъ виршей. . . . . 117—136

IV.

Отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ.

Пѣсни о плѣнницахъ въ неволѣ татарской.—Встрѣча дочери съ матерью.—Дума о Марусѣ Богуславкѣ.—Пѣсни о *рубаныхъ* козакахъ.—Думы о Ѳедорѣ Безродномъ и Ивасѣ Коновченкѣ.—Процессъ переработки пѣсеннаго матеріала въ думы.—Два типа думъ.—Народно-крестьянское и національно-козацкое настроеніе въ думахъ.—Народно-психическая ткань, лежащая въ основѣ думъ.—Творцы думъ, какъ сознательные представители поэтическаго искусства. . 137—156

V.

Творцы и пѣвцы думъ.

Идея матери-вдовы въ виршахъ, пѣсняхъ и думахъ.—Конструкція стиховъ въ виршахъ и думахъ.—Вымирающій типъ народнаго слѣпца-рапсода.—Обстановка, среди которой могли появиться творцы думъ: связь между шпиталями и школами въ старинной Малороссіи.—Кобза и бандура.—Войсковые кобзари или бандуристы.—Паденіе старыхъ формъ жизни на правой и на лѣвой сторонѣ Днѣпра.—Новое поколѣніе пѣвцевъ народныхъ думъ.—Смѣшеніе понятій о пѣснѣ и думѣ.—Пародія на думы. . . . . 157—176

Digitized by Google

IV

СТРАН.

VI

Старинная запись народныхъ малорусскихъ думъ съ обзоромъ варіантовъ къ нимъ.

Описаніе рукописи А. А. Котляревскаго.— Внѣшніе и внутренніе признаки ея хронологической достовѣрности. Варіанты извѣстныхъ уже думъ: 1) Вдова въ городѣ Чечельницѣ (въ Польшѣ); 2) Братъ да сестра; 3) Козакъ прощается съ сестрами; 4) Три брата въ плѣну въ Азовѣ; 5) Три брата самарскіе; 6) Федоръ Безродный; 7) Козакъ Иванъ Коновченко изъ города Черкасъ; 8) Иванъ Богословецъ, гетманъ Запорожскій; 9) Кишка Самыйло; 10) Пирятинскій поповичъ Алексѣй. Думы новыя: 1) Атаманъ Матишъ старый; 2) Вдова Сирка Ивана; 3) Разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ. Руководящія начала въ анализѣ текста думъ по разнымъ варіантамъ . . . . . 177—249.

Digitized by Google

I.

Строй рѣчи и поэтическій стиль въ народныхъ малорусскихъ думахъ.

Всякій разъ, какъ только мы останавливаемся мыслію на той или другой формѣ народной поэзіи, невольно представляются намъ готовыя категоріи, одинаковыя во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Сказка, пѣсня обрядная, пѣсня бытовая и историческая, пословица, заговоръ, загадка—таковы обычныя формы поэтическаго творчества, въ которыя отливается народное міровоззрѣніе съ постоянствомъ и правильностью періодически смѣняющихся явленій природы. Это, можно сказать, общечеловѣческая почва, на которой возникаютъ общія свойства народной поэзіи, общій типъ ея, соотвѣтствующій наивному настроенію народныхъ массъ, проникнутыхъ вѣрою въ чудесное и связанныхъ во всѣхъ проявленіяхъ личной жизни подавляющимъ авторитетомъ преданія.

Но подъ массивными сводами преданія всегда жила личная мысль, вызываемая личными радостями и страданіями человѣческаго сердца и сопровождаемая безконечной смѣной разнообразныхъ ощущеній, не всегда выражаемыхъ обычными формулами поэтическаго слова. Опираясь на эти формулы, личное творчество создавало новые пріемы и средства поэтической техники для выраженія новыхъ оттѣнковъ мысли, новыхъ движеній чувства. Это была работа вѣковъ, почти незамѣтная для смежныхъ поколѣній: едва пережитый моментъ, не отмѣченный именемъ своихъ представителей, не закрѣпленный письмомъ въ памяти потомства, быстро сливался съ прошедшимъ, увеличивая его поглощающую силу.

Digitized by Google

Такъ сглаживались въ народномъ поэтическомъ творчествѣ всѣ промежуточныя линіи до такой степени, что съ перваго взгляда народная поэзія кажется Палладой, вышедшей изъ головы Зевса.

Нужно сказать однако, что личная мысль не всегда опиралась на одну субъективную почву личной жизни. Нерѣдко она соприкасалась съ культурными вліяніями, проникавшими въ жизнь народной массы путемъ столкновенія ея съ другими народами, путемъ заимствованія разныхъ вѣрованій и преданій, которыя на чужой почвѣ имѣли уже литературную форму. Оказывается при изслѣдованіи мѣстныхъ сказаній, что они большею частью занесены изъ разныхъ мѣстъ, подобно оплодотворяющимъ сѣменамъ, которыя разносятся вѣтромъ изъ дальнихъ странъ.

Съ теченіемъ времени на помощь къ личной мысли является организованная сила науки и школы. Правда, не всегда это была зиждительная сила, нерѣдко она подавляла народную самодѣятельность. Бывали однако же случаи, когда воспринималась она безъ насилія, безъ ущерба для мѣстныхъ, народныхъ началъ жизни. Тогда появлялись особенныя формы поэтическаго творчества, народныя по міровоззрѣнію и языку, и въ то же время книжныя по особенному складу мысли и способамъ ея развитія и выраженія. Къ такому сложному роду поэзіи относятся, по нашему мнѣнію, народныя малорусскія думы. Онѣ представляютъ оригинальный плодъ народно-культурнаго творчества.

Считаемъ не безполезнымъ съ этой точки зрѣнія остановиться на языкѣ и поэтическомъ стилѣ малорусскихъ думъ, въ которыхъ явственно выступаетъ книжный строй рѣчи, доказывающій, что литературная дѣятельность малорусскихъ писателей не прошла безслѣдно для народнаго самосознанія.

Начнемъ съ рифмы и стихотворнаго размѣра думъ.

Прежде всего нужно имѣть въ виду, что въ обыкновенныхъ бытовыхъ пѣсняхъ есть много стихотворныхъ размѣровъ, но въ каждой отдѣльной пѣснѣ разъ принятый размѣръ не измѣняется отъ начала до конца ея. Признакомъ того или дру-

Digitized by Google

гаго размѣра служитъ однообразная группа стиховъ, равномѣрныхъ по объему, т. е. по количеству ударенiй и даже слоговъ, и связанныхъ между собою рифмой. Рифмуются обыкновенно сосѣдніе стихи, составляя такимъ образомъ стихотворный періодъ, заключающій въ себѣ опредѣленную мысль. Не только періодъ, но и каждый стихъ представляетъ самъ по себѣ нѣчто отдѣльное по смыслу. Поэтому въ чтеніи можно сдѣлать паузу послѣ каждаго стиха, не разрывая представленія въ сознаніи того, кто слушаетъ. Даже внутри стиха извѣстное количество слоговъ, примыкающихъ къ одному ударенію, представляетъ цѣльную синтаксическую единицу. Единство размѣра въ каждой пѣснѣ находится въ связи съ самымъ мотивомъ ея, который представляетъ музыкальное цѣлое, распадающееся на музыкальныя колѣна, при чемъ каждый стихъ и даже полустишіе соотвѣтствуетъ той или другой части мотива [1]).

Что же мы видимъ въ думахъ?

Видную роль играетъ въ нихъ рифма. Въ угоду рифмѣ иногда являются невозможныя формы словъ, напр.:

---

[1]) Въ послѣднее время выдвинуто въ наукѣ значеніе мотива въ построенiи пѣсеннаго размѣра. Нѣкоторые выводятъ размѣръ пѣсни изъ ритма, т. е. изъ музыкальнаго начала, отрицая всякое значеніе ударенiя. „Метрическую точку зрѣнiя русской народной поэзіи, говоритъ Вестфаль, нельзя назвать количественною, но она и не качественная (тоническая). Ее слѣдуетъ назвать музыкальною, такъ какъ ритмическія ударенiя русской пѣсни опредѣляются только напѣвомъ, и ничѣмъ не могло бы быть оправдано предположеніе, что русская пѣсня опиралась нѣкогда на другое основаніе". (О русской народной пѣснѣ, Русскій Вѣстникъ, 1879 годъ, Сентябрь). Дѣйствительно, мотивъ представляетъ нѣчто болѣе устойчивое, чѣмъ слова пѣсни, и нельзя отрицать громаднаго вліянія мотива на размѣръ стиха, особенно въ пѣсняхъ обрядныхъ.

Но въ изслѣдованiи Вестфаля о русской народной пѣснѣ дѣло представляется такъ, будто бы пѣсня состоитъ не изъ словъ, а изъ однихъ нечленораздѣльныхъ звуковъ. По нашему мнѣнiю, нельзя игнорировать словъ пѣсни, въ которыхъ выражается мысль, распадающаяся на отдѣльные моменты, отмѣченные логическимъ, или, лучше сказать, ритмическимъ ударенiемъ. Если и трудно допустить обратное вліяніе стихотворнаго размѣра на музыкальный, то, во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать соглашенiя между тѣмъ и другимъ, которое достигается при исполненiи пѣсни, то растяженiемъ гласныхъ звуковъ, то эвфонической вставкой междометій и союзовъ. Это обычные пріемы въ народной поэзіи, посредствомъ которыхъ стихотворный размѣръ пѣсни какъ бы отстаиваетъ свою самостоятельность при столкновенiи своемъ съ мотивомъ ея.

Digitized by Google

«Тее проповляе,
Виттиля *побиае*».
(Дума о побѣгѣ трехъ братъ въ изъ Азова) [1]).

«Ивась Коновченко молодого (козака) совстричае,
Стременемъ у груды *поторкае*».
(Д. объ Иванѣ Коновченкѣ) [2]).

«Старого козака конемъ побывае,
Меншого пидъ ноги *затоптае*».
(Д. объ Иванѣ Коновченко) [3]).

Нужно сказать впрочемъ, что, при всемъ пристрастіи къ рифмѣ, слагатели думъ не особенно заботились объ ея обработкѣ. Цѣнилась только та рифма, которая сама, такъ сказать, напрашивалась въ стихъ. Большею частію это глагольная рифма, неразнообразная и вообще скудная. Тѣмъ не менѣе она оказывала значительное вліяніе на образованіе самаго стиха въ думахъ. Вообще, какъ только появлялась въ ходѣ разсказа рифма, она тотчасъ выдѣляла стихъ:

«Первый старшый мижъ нымы пробувае—
Кишка Самийло, гетьманъ запорожскый,
Другый—Марко Рудый,
Судья войсковый,
Третий Мойсий Грачъ,
Войсковый трембачъ».
(Д. о Сам. Кишкѣ) [4]).

Четвертый и шестой стихи образовались подъ вліяніемъ рифмы, тогда какъ аналогическое приложеніе „гетьманъ запорожскый“ не составляетъ отдѣльнаго стиха, потому что не заключаетъ въ себѣ рифмы.

Непреднамѣренное и какъ бы случайное появленіе рифмы было до извѣстной степени причиной неравномѣрности самихъ стиховъ. Нѣчто подобное мы видимъ въ бытовыхъ пѣсняхъ:

---

[1]) Историч. пѣсни малор. нар. Антонов. и Драгом. I, 110.
[2]) Малорос. дум. и пѣс. Лук. 43,
[3]) Рукопис. сборникъ народ. малорус. пѣсенъ.
[4]) Малорус. дум. и пѣс. Лук. 15.

Digitized by Google

«Годи, маты, жалуваты, годи, маты, годыты:
Прысилы мене дяты,
Якъ калыночку квяты....
Годи, маты, жалуваты:
Було мене, маты, не виддаваты:
Було мене маленькою дытыною пидъ червоною калыною
поховаты» [1]).

Здѣсь количественное однообразіе стиховъ подрывается рифмой, совпадающей съ законченностью отдѣльныхъ моментовъ мысли, причемъ дается предпочтеніе глагольной рифмѣ, которая оттѣняетъ эти моменты. Но, собственно говоря, это не пѣсенный размѣръ: онъ составляетъ органическую принадлежность думъ, и возникъ онъ въ думахъ, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, подъ иными вліяніями. Обыкновенно въ думахъ рѣдко встрѣчаются стихи равномѣрные по объему: есть стихи болѣе, чѣмъ въ сорокъ слоговъ, и стоятъ они нерѣдко рядомъ съ стихами въ семь, восемь слоговъ, напримѣръ:

(41) «Эй не зъ гора—биды мойму пану Барабашу
схотилося на славний Украини зъ кумомъ
своимъ Хмельницькымъ велыки бенкеты всчинаты!
(13) На щобъ имъ кралевськи лысты у двохъ чытаты?
(8) Не лучче бъ имъ изъ Ляхамы,
(7) Мостывымы панамы,
(15) Зъ упокоемъ хлибъ-силь вичныи часы ужываты»?
(Д. о Хмел. и Бараб.) [2]).

Иногда стихъ въ двадцать слоговъ стоитъ рядомъ съ десятисложнымъ, и этотъ послѣдній съ пятисложнымъ и четырехсложнымъ:

(20) «Да ставъ же братъ найменшый, пишый пихотынець, зъ
байракивъ прыбигаты,
(10) Ставъ виты тернови знахожаты,
(5) У рукы бере,
(4) Къ сердцю кладе,

[1]) Чуб. V, 564.
[2]) Народ. южнорус. пѣсни, Метл., 388.

Digitized by Google

(7) Словамы промовляе
(7) И слёзамы рыдае»
(Дума о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова)[1].

Каждый стихъ думы, каковъ бы ни былъ онъ по своему объему, заключаетъ въ себѣ одно риторическое удареніе.

Отсюда ясно, что въ стихѣ думы нѣтъ стопъ, такъ какъ каждый изъ нихъ равняется отдѣльной стопѣ[2]). Въ помощь ударенію для болѣе отчетливаго различенія одного стиха отъ другаго является рифма, причемъ одна и та же рифма соединяетъ иногда болѣе десятка стиховъ. Такимъ образомъ, въ думахъ стопа какъ бы расширена до стиха, или, лучше сказать, она поглощается стихомъ, какъ въ аглютинирующихъ языкахъ предложеніе поглощается словомъ,—поэтому въ стихѣ думы нѣтъ надлежащей расчлененности, за то онъ представляетъ нѣчто болѣе массивное, чѣмъ обыкновенная пѣсенная стопа. Стихъ думы иногда возрастаетъ до того, что мы имѣемъ въ немъ вполнѣ развитую и законченную мысль, въ чемъ легко убѣдиться изъ приведенныхъ выше примѣровъ. Стихъ этотъ связывается со многими другими стихами большею частью однообразной рифмой, поэтому отъ цѣлаго ряда такихъ стиховъ получается впечатлѣніе текучей, плавной рѣчи, которая привлекаетъ вниманіе слушателя не столько внѣшней постройкой, сколько содержаніемъ своимъ. Давно уже называютъ этотъ размѣръ мѣрною прозою, и дѣйствительно, отсутствіе въ немъ мелкихъ единицъ обыкновеннаго стихотворнаго размѣра и полная свобода въ построеніи приближаютъ его къ одушевленной рѣчи оратора, который незамѣтно для самаго себя почувствовалъ въ своемъ произношеніи мѣрное теченіе рѣчи. Само собою понятно, что это такого рода стихотворная мѣра, которая не можетъ стоять въ полной зависимости отъ музыкальнаго ритма. Извѣстно, что всѣ думы поются однимъ напѣвомъ, чрезвычайно типичнымъ, но по музыкальному рисунку очень

---

[1]) Записки о Южн. Руси, Кулиша I 35.

[2]) Мы разумѣемъ только-риторическую, а не только-метрическую стопу, принятую въ литературномъ стихосложеніи.

Digitized by Google

незамысловатымъ [1]). Напѣвъ этотъ есть ничто иное, какъ мелодическій речитативъ, которому дается экспрессія, сообразная съ смысломъ стиха, то живая и быстрая, то спокойная и медленная. Кромѣ того, пользуясь подвижностью стиха, для котораго не обязательна соразмѣрность частей, обусловленныхъ однообразною правильностью музыкальнаго такта, исполнитель думы является истолкователемъ стиха, сообщая ему то или другое выраженіе, сообразно съ настроеніемъ собственнаго чувства. Отсюда лирическій, страстный тонъ, который вноситъ особую задушевность въ музыкальное исполненіе думы.

Такимъ образомъ, стихотворная форма думы находится въ полномъ соотвѣтствіи съ ея внутреннимъ строемъ, который выражается самымъ названіемъ ея.

Въ думѣ передается *продуманный* разсказъ о событіи, и оттого поэтическая рѣчь думы требуетъ такого стиха, который бы безусловно принадлежалъ мысли, который бы отзывался на всѣ ея малѣйшія требованія.

Всмотримся въ эту рѣчь.

Мы видѣли изъ предъидущихъ примѣровъ, что въ думахъ преобладаетъ глагольная рифма, и что она оказала свое вліяніе на построеніе стиха. Понятно отсюда и вліяніе ея на построеніе предложеній: заканчивая стихъ, она заканчиваетъ и предложеніе, которое получаетъ вслѣдствіе этого особенный видъ, существеннымъ образомъ отличающій его отъ обыкновеннаго предложенія, гдѣ сказуемое не отодвигается отъ подлежащаго къ самому концу. Любимой формой сказуемаго является въ думахъ сказуемое сложное съ глаголами: *маты, статы, моглы, буты* (послѣдній только въ будущемъ времени и изрѣдка во 2-мъ или 3-мъ лиц. единст. числ. настоящ. времени).

«Ой радъ бы я до тебе прибуваты,
Та не знаю, сестро, де тебе *шукать* уже *мать*».
(Д. о сестрѣ и братѣ) [2]).

---

[1]) О незначительныхъ видоизмѣненіяхъ этого напѣва см. „Кіевская Старина“ 1888 г. Іюль, Приложенія.

[2]) Рукопис. сборникъ народ. малорус. пѣсенъ.

Digitized by Google

Можно было просто сказать: *шукаты*,—рифма не была бы нарушена, но глаголъ *маты* въ данномъ случаѣ имѣетъ болѣе стилистическое, чѣмъ синтаксическое значеніе.

Чаще всего употребляется въ сложныхъ сказуемыхъ глаголъ *статы* при другомъ глаголѣ въ несовершенномъ видѣ:

«*Сталы* сыны до розума дохожаты,
Сталы соби молоде подружжа *маты*,
Сталы свою матиръ ридненьку, вдову стареньку, зневажаты».
(Д. о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ) [1]).

Такимъ образомъ, дѣйствіе, расширенное до неопредѣленныхъ границъ, ограничивается, ибо придается ему начинательный оттѣнокъ.

Глаголъ *моглы* употребляется иногда въ томъ же значеніи, какъ и *буты*.

«Иды ты, маты, въ свій домъ пробуваты:
Можемъ мы тебе за матку стареньку почытаты»
(Дума та-же).

Но большею частію этотъ глаголъ въ соединеніи съ *бы* сообщаетъ дѣйствію условное значеніе:

«Ой *моглабъ* мене отцева—паниматчына молытва на Черному морп рятуваты,
Уже бъ я знавъ, якъ свою матиръ шануваты, поважаты»
(Д. о бурѣ на Черномъ морѣ) [2]).

Особенно любопытна форма сказуемаго съ 3-мъ лиц. един. чис. наст. врем. вспомог. глагола *есть*, который соединяется не только по старинному съ спрягаемымъ причастіемъ на *лъ*, но и съ наст. времен. изъявит. наклон.:

«Не *есть* се насъ шабля турецька *порубала*,
Не *есть* се насъ пуля янычарська *постреляла*.
А *есть* се отцева и паниматчына молытва *покарала*».
(Д о. смерти трехъ братьевъ) [3]).

«Се *есть* давній бідный невольникъ, Кишка Самійло, изъневоли *утикае*».
(Д о Самійлѣ Кишкѣ) [4]).

---

[1]) Народ. южно-рус. пѣсни, Метлинск. 345.
[2]) Истор. пѣсни малор. нар. Антон. и Др., I, 184.
[3]) Сборн. украинск. пѣсенъ Максимовича, 1848 г., 18.
[4]) Ibidem, 47.

Digitized by Google

При помощи *есть* въ обоихъ примѣрахъ сказуемое выдвинуто на первый планъ: одною частію его начинается предложеніе, а другою заканчивается.

Обыкновенно составныя части сложнаго сказуемаго разъединены въ предложеніи: между ними стоитъ подлежащее съ второстепенными частями предложенія. Нельзя не видѣть въ этомъ стремленія замкнуть мысль въ одно неразрывно цѣльное предложеніе.

Особенно рельефно это стремленіе выдается въ предложеніяхъ сложныхъ.

«Рука наша не *здиймется*,
Сердце наше не *зосмилыться*,
Булатна шабля не *йме* тебе, найменшого брата, *рубаты*.
(Д. о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова) [1]).

Предъ нами три подлежащихъ и три сказуемыхъ, ибо каждый изъ личныхъ глаголовъ имѣетъ смыслъ только при своемъ подлежащемъ. Но всѣ эти глаголы тянутъ къ одному центру—неопредѣленному наклоненію, которое соединяется съ каждымъ изъ нихъ, какъ необходимый моментъ мысли и рѣчи, поэтому мы имѣемъ не три независимыхъ предложенія, но одно слитное особенной, искусственно-риторической постройки, съ выдвинутымъ центромъ рѣчи, которая вслѣдствіе этого представляетъ строгое единство мысли.

Изъ того же логическаго начала вытекаетъ особенная склонность къ употребленію слитнаго предложенія, въ которомъ однородныя повторяющіяся части связываются обыкновенно однимъ узломъ. Слитное предложеніе мы видимъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно описать предметъ со всѣми его признаками и особенностями или разсказать о явленіи въ послѣдовательномъ порядкѣ смѣняющихся моментовъ.

Встрѣчаются слитныя предложенія значительныхъ размѣровъ:

«И вже мени не честь, не подоба, по риллямъ спотыкаты,
Жовтпхъ чобптъ каляты,

[1]) Запорожская Старина, Срезневскаго, I, 53.

Digitized by Google

Дорогии сынку пыломъ набываты,
А хочеться мени, маты,
Питы пидъ городъ Тягыню гуляты,
Славы—лыцарства доставати»
(Д. объ Иванѣ Коновченкѣ) [1]).

Иногда въ формѣ одного слитнаго предложенія развертывается широкая картина. Такъ, въ одномъ изъ варіантовъ думы объ Иванѣ Коновченкѣ весь подвигъ героя выраженъ въ формѣ слитнаго предложенія, заключающаго въ себѣ 14 глагольныхъ сказуемыхъ.

«Тогди жъ то Ивась Удовыченко, якъ одъ Хвылона, Корсуньского полковныка, благословенне прынимавъ,
Самъ на доброго коня сидавъ,
Мижду козацькымы табурамы пробигавъ,
Шлыкъ изъ себе скыдавъ,
Хрестъ на себе злагавъ,
Отцеву й матчыну молытву спомынавъ,
Изъ усякымъ козакомъ сердечне прощенне мавъ,
Старого козака рыдным отцемъ узывавъ,
На турецьки табуры пробигавъ,
Турецькы наметы поперевертавъ,
Турокъ пьятдесятъ пидъ мичъ узявъ,
Девьятеро жывцемъ извьязавъ,
Передъ Хвылона, корсуньского полковныка, въ наметъ прыставлявъ» [2]).

Въ грамматическихъ свойствахъ слитнаго предложенія заключается важная стилистическая особенность малорусскихъ думъ. Мы разумѣемъ изобиліе въ языкѣ думъ всякаго рода синонимовъ, входящихъ въ составъ слитнаго предложенія. Больше всего въ думахъ глагольныхъ синонимовъ. Они воспроизводятъ всѣ оттѣнки дѣйствія или усугубляютъ идею его до такой выразительности, что оно становится для сознанія не только очевиднымъ, но и необходимымъ фактомъ. Таковы, напр., глагольные синонимы въ выраженіяхъ: *прокляты* та *благаты*, *знае-видае*,

[1]) Украин. народ. пѣсни Максимовича, 1834, I, 53.
[2]) Народн. южнор. пѣсни Метлин., 419—420.

Digitized by Google

плаче-рыдае, бижыть-пидбигае, жыве-прожывае, кляне-проклынае, квылыть-проквыляе, грае-выграваe,или же въ слѣдующемъ четверостишіи:

«Отець да й маты старшого сына *кляне проклынае*,
Изъ очей *зганяе*,
Середульшого сына *штыть, жалуе, поважае*,
За гостя прынимае».

(Д. о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова) [1]).

Не такъ часто употребляются синонимическія существительныя и прилагательныя: *сриблo-злато, кумы-побратымы, кайданы-зализо*, (молитва) *отцева-матчына*, (душа) *козацька-молодецька*. Тѣмъ не менѣе дѣйствующія лица всегда обрисовываются въ думахъ достаточнымъ количествомъ опредѣлительныхъ словъ и, такъ называемыхъ, приложеній, напр.:

«Ляхъ Бутурлакъ,
Клюшникъ галерський,
Сотникъ переяславський,
Недовпрокъ хрыстіянський».

(Д. о Сам. Кишкѣ) [2])

Еще рѣже встрѣчаются синонимическія нарѣчія: *рано-по-раненьку, мало-трохы-небагато, тяжко важко, смутно-жалибно* и т. п. Впрочемъ, мѣсто, время и другія обстоятельства, сопровождающія дѣйствіе, всегда опредѣляются въ думахъ самымъ точнымъ образомъ. Вотъ примѣры:

«Тры брата рыдненьки,
Якъ голубоньки сывеньки,
Изъ города, изъ Азова, въ тяжкой неволи, у землю хрыстіянську, до батька, до матери, до роду утикали».

(Д. о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова) [3]).

«Робылося те дило *въ суботу, проты воскресения, по заходи сонця*»

(Д. объ Иванѣ Коновченкѣ) [4]).

«*Якъ одъ Кумивщыны та до Хмельныщыны*,

---

[1]) Истор. пѣсни малорус. народа, Антон. и Драгом. I, 113.

[2]) Малор. думы и пѣсни Лукашевича, 15.

[3]) Ibidem, I, 106.

[4]) Кіевскій Телеграфъ, 1875, № 59.

Digitized by Google

Якъ одъ Хмельныщыны, та до Брянщыны,
Якъ одъ Брянщыны, да й до сею жъ то дня,
Якъ у земли кралевський да добра не було».
(Д. о возстаніи козаковъ при Хмельн.) [1]).

Тонъ выписанныхъ нами отрывковъ строго-историческій и, такъ сказать, документальный. Во многихъ думахъ эта документальность доходитъ до того, что кажется, будто иныя фразы цѣликомъ взяты изъ какого-нибудь историческаго памятника. Въ думѣ, напримѣръ, о Семенѣ Палiѣ Мазепа

«до короля шведського таки речи промовляе:
«Королю Шведський, добродию, найяснiйший мiй пане» [2]).

Слова Мазепы какъ будто бы внесены въ думу изъ оффиціальнаго письма его къ королю шведскому.

Этотъ, можно сказать, историческій реализмъ въ изображеніи явленій жизни сообщаетъ во многихъ случаяхъ языку думъ прозаическую реальность, которая встрѣчается обыкновенно въ дѣловой рѣчи писателя, обдумывающаго и исправляющаго каждую фразу своего сочиненія сообразно съ требованіями грамматической логики. Особенно рѣзко выступаетъ прозаическій складъ рѣчи при наращеніи ея, когда необходимо бываетъ повторить тѣ или другія слова и выраженія, чтобы устранить всякую сбивчивость въ пониманіи того, что сказано выше. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ:

«Ой на Чорному морi,
На билому каменi,
Ой то тамъ сидить ясенъ сокилъ—билозерець....
На святее небо, на Чорнее море iспильно поглядае,
Що на святому неби, на Чорному мори, не гаразд почивае:
На святому неби уси звизды потьмарыло,
Половына мисяця у тьму уступыло,—
На Чорному мори не гаразд почивае:
Изо дна моря сильно хвыля вставае,—
Судна козацьки, молодецьки на тры часты розбываю».
(Д. о бурѣ на Черномъ морѣ [3]).

[1]) Записки о Южной Руси Кулиша, I, 56.
[2]) Максимовичъ, Сборникъ украин. пѣсенъ. К. 1848 г.
[3]) Записки юго-западнаго отдѣла географ. общ. I, 3.

Digitized by Google

Видно усиліе мысли выразительно указать на то, что происходило на небѣ и на морѣ.

Послѣ общаго замѣчанія, что и тамъ, и здѣсь „не гаразъ почынае“, идетъ разграниченіе, что именно происходило на небѣ, и что на морѣ,—разграниченіе, которымъ и объясняется самое повтореніе словъ обстоятельственныхъ мѣста.

Тотъ же прозаическій складъ рѣчи слышится въ употребленіи придаточныхъ предложеній. Они скопляются иногда въ такомъ изобиліи, которое далеко переходитъ за предѣлы необходимости.

Безсоюзая рѣчь встрѣчается рѣдко; наоборотъ, даже независимыя предложенія снабжаются союзами, посредствомъ которыхъ обыкновенно соединяются придаточныя предложенія съ главными, напр.:

«*Якъ* иде украинськый козакъ, *то й* корчму мынае,
А жыдъ выбигае,
Та украинського козака за чубъ хватае».
(Д. о возстаніи козак. при Хмельн.)[1]).

«А *якъ* то бувъ жыдъ Янкель,
То винъ коло школы похожае,
Та по школи плаче-рыдае».
(Ibidem).

Отношенія придаточныхъ предложеній къ главнымъ не совсѣмъ сходны съ тѣми, какія мы видимъ въ обыкновенной рѣчи. Случается нерѣдко, что они вовсе не стоятъ въ непосредственной связи съ главными предложеніями, напр.:

«А сребро злато на тры часты паювалы:
Первую часть бралы,
На церквы накладалы,
На святого межыгорського Спаса,
На Терехтемыровськый манастырь,
На святую сичовую Покровъ давалы,
Котри давнимъ козацькымъ скарбомъ будовалы,
Щобъ за ихъ, вставаючы и лягаючы, мылосердного Бога благалы».
(Д. о Сам. Кишкѣ)[2]).

---

[1]) Историч. пѣсни малорус. народа, Антон. и Драг., II, 25.

[2]) Малорус. думы и пѣсни, Лукашевича, 26.

Digitized by Google

Въ думахъ гораздо чаще встрѣчается, такъ называемая, инверсія, чѣмъ въ обыкновенныхъ пѣсняхъ. Сравнимъ слѣдующія синтаксическія построенія:

«Есть у мене Иванъ Луговськый,
Который у мене дванадцять литъ за джуру пробувавъ,
Вси мои козацьки звычаи познавъ».
(Д. о смерти Б. Хмельницкаго) [1]).

Здѣсь главное предложеніе соединено съ придаточнымъ обыкновеннымъ способомъ.

«Который чоловикъ отця свого, матиръ, штыть-поважае,
Тому Богъ во всякый часъ помагае».
(Д. о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ) [2]).

Здѣсь изъ главнаго предложенія косвенное дополненіе (чоловикови) передвинуто въ придаточное, гдѣ уже является оно подлежащимъ.

«А который чоловикъ отцеву и матчыну молытву штыть-поважае,
То отцева-матчына молытва зо дна моря вынимае».
(Варіантъ той же думы) [3]).

Здѣсь подлежащее главнаго предложенія сдѣлалось прямымъ дополненіемъ придаточнаго, которое тоже образовалось изъ косвеннаго дополненія предложенія главнаго, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ.

«Якъ почалы друзи, панове—молодци, жыдивъ та лихивъ зъ Украины зганяты,
Та въ которого не було дранои, невирнои кожушыны,
То й той надивъ жыдивськи карпазыны».
(Д. о возстаніи козаковъ при Хмельницкомъ) [4]).

Союзъ *то* долженъ былъ бы стоять въ началѣ втораго стиха, но въ замѣнъ *то* стоитъ *та* для связи съ первымъ придаточнымъ: причина въ томъ, что главное предложеніе отдѣлено отъ сопоставляемаго съ нимъ придаточнаго другимъ

[1]) Народныя южно-русскія пѣсни, Метлинскаго, 397.
[2]) Ibidem, 354.
[3]) Ibidem, 394.
[4]) Историческія пѣсни малорус. нар. Ант. и Драг., II, 26.

Digitized by Google

придаточнымъ, включеннымъ въ главное тоже путемъ инверсіи. Такихъ примѣровъ въ думахъ множество, но мы выпишемъ еще одинъ для того, чтобы уяснить для себя стилистическое значеніе такого построенія рѣчи.

«Де булы въ поли стежкы, дорижкы,
Волоськымы головамы повымощувавъ;
Де булы въ поли глыбоки долыны,
Волоською кровью повыповнювавъ».
(Д. о походѣ Хмельницкаго въ Молдавію) [1]).

Исходною точкою мысли было намѣреніе выразить, что *вся* „стежкы и дорижкы повымощувавъ", поэтому придаточное предложеніе ставится на первый планъ, прямое дополненіе главнаго предложенія аттрагируется, превращаясь въ субъектъ придаточнаго, отчего придаточное получаетъ бо́льшую независимость и выразительность. Повидимому, въ этомъ и заключается причина широкаго распространенія въ думахъ инверсіи и аналогическихъ съ нею оборотовъ рѣчи.

Само собою разумѣется, что постоянное употребленіе сложныхъ предложеній, переполненныхъ предложеніями придаточными и всякими пояснительными словами, въ родѣ описательныхъ выраженій (*словамы промовляе, слезамы рыдае, добре дбае*), замедляетъ теченіе рѣчи. Она дѣлается тягучею и. что особенно важно, вполнѣ соотвѣтствуетъ логическимъ требованіямъ мысли, которая стремится къ выраженію всестороннему, законченному. Оттого въ думахъ преобладаетъ, такъ называемая, періодическая рѣчь. Встрѣчаются часто образцовые періоды, какъ будто бы составленные по всѣмъ правиламъ риторическаго искусства: только неподдѣльная искренность, присущая народному слову, заставляетъ вѣрить, что эти періоды созданы народомъ, а не написаны рукою опытнаго стилиста.

Чтобы не разбрасываться въ массѣ матеріала, для выясненія нашей мысли выпишемъ нѣсколько стиховъ изъ думы о сестрѣ и братѣ.

Содержаніе ея очень простое.

---

[1]) Народныя южно-русскія пѣсни, Метлинскаго, 394.

Digitized by Google

Сестра проситъ брата, чтобы онъ провѣдалъ ее на чужой сторонѣ. Братъ отвѣчаетъ отказомъ, потому что онъ живетъ

«За темнымы лугамы,
За шырокымы полямы,
За быстрымы рикамы».

Снова слышенъ голосъ сестры, сопровождаемый слезами:

«Прибудь же ты до мене:
Темныи луженькы ясненькымъ соколонькомъ перелеты,
Шырокыи поля малымъ—невелычкымъ перепелонькомъ перейды,
Быстрыи риченькы и озера билымъ лебедонькомъ переплывы,
Сядь-надъ у моимъ двори сывымъ голубонькомъ,
Головку склоны,
Жалибненько загуды,
Нехай я буду выхождаты,
Ой по голосу познаваты,
И на хлибъ, на силь заклыкаты,
И на здоровья тебе, брате, буду пытаты».

Братъ снова отвѣчаетъ отказомъ:

«Пойды, ты, сестро, до тыхого Дунаю,
Возьмы ты, сестро, писку у билу ручку,
Поспй ты, сестро, на каменю:
Колы той буде писокъ на билому камени зихожаты,
Сынимъ цвитомъ процвитаты,
Хрещатымъ барвинкомъ биленькый камень устылаты,
Разнымы краснымы цвитамы украшаты:
Тоди, сестро, буду до тебе въ гости прибуваты,
Твого жытти пры бидности доглядаты».

Тогда поняла сестра, что никогда уже не увидитъ она брата,—и вотъ изливаетъ она свое горе въ трогательной жалобѣ на безпріютное положеніе свое среди чужихъ людей:

«Якъ у нашого отця тай матки, говоритъ она, пылы та вдалы
Тоди насъ и кумы, и побратымы добре зналы,
А якъ насъ прышыбла недобра годына;
Одцуралася насъ блызькая и далекая, вся названая сердешная родына!

Тяжко, каже, братику.....

Digitized by Google

Якъ птыци пернатий въ чыстимъ поли безъ древа ночуваты,
Якъ тяжко, та важко жывий рыби безъ воды прожываты,
Якъ тяжко та важко билый камень зъ сыроп земли проты себе изнаты:
Ой такъ тяжко та важко на чужий сторони безъ кревной родыны
помираты» [1]).

Мысль о томъ, что братъ не можетъ преодолѣть препятствій, лежащихъ на пути къ сестрѣ, выражена въ аллегорической формѣ дѣйствій, которыя должна совершить сестра, чтобы убѣдиться въ безвыходномъ своемъ положеніи. Первое дѣйствіе сестры обусловливаетъ слѣдующее за нимъ, которое въ свою очередь служитъ условіемъ для послѣдняго. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, стройный *послѣдовательный* періодъ, въ которомъ всѣ члены состоятъ въ тѣсной и неразрывной связи между собою, и въ то же время каждый изъ нихъ представляетъ совершенно законченное цѣлое. Въ заключительныхъ словахъ сестры мы имѣемъ періодъ, такъ называемый, *противительный*, съ правильнымъ чередованіемъ повышенія и пониженія, изъ коихъ каждое распадается на два члена, при чемъ цѣлый рядъ синонимическихъ опредѣленій въ послѣднемъ членѣ усиливаетъ впечатлѣніе главной мысли,—а также *сравнительный* періодъ, не уступающій предыдущему по красотѣ и отчетливости рисунка, по полнотѣ и законченности выраженія.

Вся эта дума заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ обобщеній, вызывающихъ въ сознаніи слушателей размышленіе о судьбѣ людей, заброшенныхъ на чужую сторону, объ одиночествѣ и горькой долѣ ихъ вдали отъ своего рода-племени. Отъ народной малорусской думы именно вѣетъ *думой* пѣвца, которая располагаетъ слушателей къ размышленію, къ раздумью. Нерѣдко въ самомъ концѣ думы пѣвецъ прерываетъ нить своего разсказа, чтобы высказать свою мысль. Въ одной думѣ семейнаго содержанія рѣчь идетъ о томъ, что „лихый отчымъ“ прогналъ пасынка своего изъ дому. Скрѣпя сердце, покорилась участи родная мать его. Пошелъ козакъ на чужую сторону, женился тамъ, но мысль о матери не оставляла его. Ѣдетъ онъ на родину, чтобы провѣдать старую мать.

[1]) Записки о южной Руси, Кулиша, т. I, 24, 28.

Digitized by Google

Далѣе продолжаемъ словами думы:

«Ставъ вторый отець—названый на зустричъ его выхожаты...
Отъ же то, панове-молодци, якъ же то Господь чоловикови прывивъ,
Що зъ чужои стороны далекои прыбувавъ,
Свою матиръ старую пры смерты застававъ!
Скоро его стара маты на божий постели вздрила,
На свое лыце християнске хрестъ соби положыла:
«Чого жъ я бажала, того и дождала,
Сына свого пры смерты въ вичи повыдала!» [1])

Иногда въ самомъ началѣ думы пѣвецъ высказываетъ общую мысль, которую затѣмъ развиваетъ въ послѣдовательномъ ходѣ разсказа. Такъ начинается, напримѣръ, дума о семейной жизни козака:

«Не одынъ козакъ самъ соби шкоду шкодывъ,
Що видъ молодои жинки у вийсько ходывъ» [2]).

Иногда дума начинается вопросомъ, въ которомъ собственно и заключается основная мысль ея. Таково, напримѣръ, начало думы о возстаніи козаковъ послѣ бѣлоцерковскаго мира:

«Ой чы гараздъ, чы добре нашъ гетьманъ Хмельныцькый почынавъ,
Що изъ ляхамы, изъ мостывымы панамы, у Билий церкви замырывъ?» [3])

Иногда непосредственно за вопросомъ слѣдуетъ и отвѣтъ.

Такъ, въ думѣ о Семенѣ Паліѣ, цари и князи, съѣхавшись въ городѣ Лебединѣ,

«Велыкымъ дывомъ дывовалы,
Одынъ до едыного словамы промовлялы:
«Про що то, панове, у земли хрыстиянський не стало порядку ставаты?»
—«Про то, панове, що сталы проклятыи бусурмане хрыстиянъ братамы называты».
—«Хто жъ тее зачынавъ?»
—«Начынавъ тее проклятый Мазепа...» [4]).

---

[1]) Чубинс. V, 849—850.
[2]) Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 215.
[3]) Ibidem, I, 51.
[4]) Сборн. украин. пѣсенъ, Максимовича, 1849 г.

Digitized by Google

Раздумье царей и князей („велыкымъ дывомъ дывовалы“) изображено въ самомъ процессѣ его выраженія, т. е. въ совѣщаніи ихъ между собою.

Вообще въ думахъ дѣйствующія лица изображаются людьми размышляющими, думающими.

«Ставъ Алканъ-паша дороги напытки пыты-пидпываты,
Сталы *умыслы* козацьку голову клюшныка розбываты» ...
(Д. о Сам. Кишкѣ)[1])

И затѣмъ слѣдуетъ изображеніе самихъ умысловъ. Пѣвецъ любитъ заглянуть въ душу своихъ героевъ:

«Зажурылася Хмельныцького сидая голова,
Що пры ёму ни сотныкивъ, ни полковныкивъ нема:
Часъ прыходыть умираты,
Никому порады даты!» [2]).

Такъ начинается дума о смерти Богдана Хмельницкаго.

Мысль о смерти выводитъ пѣвецъ изъ души самого Хмельницкаго. Эта мысль и есть движущая сила всей козацкой рады, которая изображается въ думѣ.

Не всегда спокойно думаютъ герои думъ. Напротивъ того, въ ихъ размышленіяхъ большею частію прорывается горячее чувство. Не всегда спокоенъ и пѣвецъ, изображающій своихъ героевъ. Онъ принимаетъ слишкомъ живое участіе въ судьбѣ ихъ. Онъ радуется, когда они торжествуютъ, и страдаетъ, когда они гибнутъ. То и другое настроеніе заставляетъ его отступать отъ обыкновеннаго теченія рѣчи.

Иногда пѣвецъ какъ-будто бы не находитъ словъ для выраженія чувствъ, которыя подавляютъ его героевъ, и потому является невольно у него тотъ оборотъ рѣчи, который въ учебникахъ риторики извѣстенъ подъ именемъ фигуры *умолчанія*. Вотъ какъ изображаетъ онъ, напримѣръ, смерть въ степи одного изъ трехъ братьевъ, бѣжавшихъ изъ азовской неволи. Измученный бѣглецъ

«До Осавуръ-могылы прыбувае,
На Осавуръ-могылу зихожае,

[1]) Малорус. думы и пѣсни, Лукашевича, 19.
[2]) Сборн. украин. пѣснъ Максимовича, 1849, 44.

Digitized by Google

Тамъ соби безпечне девьятого дня спочывокъ мае,
Девьятого дня зъ неба воды—погоды выжыдае».

На девятый день пришлось ему «на безвидли, на безхлибьи погыбаты:

«Девьять день, говоритъ онъ, хлиба въ устахъ не маю
На безвидли, на безхлибьи погыбаю...
Тутъ тее промовлявъ»...

Не стало словъ у умирающаго, и пѣвецъ спѣшитъ къ изображенію самаго момента смерти:

«Не чорна хмара налитала,
Не буйни витры винулы,
Якъ душа козацька-молодецька зъ тиломъ розлучалась» [1]).

Но пѣвецъ не ограничивается внѣшними подробностями картины: онъ вводитъ въ нее самого себя, собственное свое настроеніе. Тяжело представить ему одинокую смерть козака, не оплаканнаго отцемъ и матерью, и вотъ онъ въ другомъ варіантѣ той-же думы воспроизводитъ похоронный плачъ собственной души своей въ жалобномъ куковани „сывои зозули“, которая

«Прылитала,
Да у головахъ сидала,
Да жалибно закувала:
«Ой голово-голово, козацькая-молодецькая!
Се жъ ты ни допыла, ни доила,
А ни хороше не сходыла...
А довелося валятыся,
Звиру-птыци на поталу податыся!»... [2]).

Вообще въ думахъ мы часто встрѣчаемъ лирическое изліяніе чувствъ самого пѣвца въ формѣ, такъ называемыхъ, *обращеній*, которыя онъ дѣлаетъ или прямо отъ себя, или же отъ лица своихъ героевъ. Особенно энергичны обращенія, вызванныя общей картиной страны, въ которой происходитъ дѣйствіе:

«Земле польска, Украино подольска!

---

[1]) Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 39.

[2]) Записки юго-западнаго отдѣла географ. общества, I; Матеріалы, 10.

Digitized by Google

Та вже тому не ричокъ и не два мынае,
Якъ у хрыстиянский земли добра не мае»[1]).

Такъ обращается пѣвецъ къ странѣ, измученной бѣдствіями войны, чтобы разсказать затѣмъ о новыхъ бѣдствіяхъ, вызванныхъ возстаніемъ козаковъ при Богданѣ Хлельницкомъ.

«Ты, земле турецька,
Виро бусурманська,
Ты, розлуко хрыстиянська!
Не одного ты розлучыла зъ отцемъ, зъ матирью,
Або брата зъ сестрою,
Або мужа зъ вирною женою» [2]).

Здѣсь настроеніе пѣвца высказываютъ томящіеся на каторгѣ турецкой невольники. Фактическаго седержанія въ этой думѣ нѣтъ. Стонъ невольниковъ—вотъ ея содержаніе, и это не только стонъ, но и проклятіе, обращенное къ ненавистной имъ землѣ турецкой. За проклятіемъ слѣдуетъ молитва, которая произносится отъ лица пѣвца, хотя непосредственно связана она съ проклятіемъ, составляя какъ бы продолженіе рѣчи невольниковъ.

«Вызволь, Господы, невольныка зъ неволи
На простыи дорогы,
На ясни зори,
На руськый берегъ,
На край веселый,
Мижъ мыръ хрещеный». [3]).

Глубоко симпатиченъ для пѣвца этотъ *мыръ хрещеный*, этотъ *край веселый*, который называется въ думахъ *русскымъ краемъ*, иногда *козацькою землею*, чаще же всего *славною Украиною*.

Но пѣвецъ смотритъ на свою родину печальными глазами. Безконечною гладью разстилаются передъ нимъ *степы шыроки*, по которымъ гуляютъ *витры буйни* или же ползутъ *туманы сыви*. На этихъ степяхъ растутъ *травы зелени* и синѣютъ *мо-*

---

[1]) Историческія пѣсни малорус. народа, Ант. и Драг. II, 25.
[2]) Ibidem, I, 89.
[3]) Ibidem, I, 90, 91.

Digitized by Google

шлы высоки. Озаряются эти степи иногда *пожарамы яснымы*, и тогда найти траву можно только по берегамъ степныхъ рѣчекъ, вдоль которыхъ тянутся *очереты воздобни* и даже *лугы темни.* Перерѣзаны степи *балкамы глыбокымы* и *байракамы зеленымы*, которые покрыты *тернамы густымы.* Жители степей *вовки сироманьци* да *орлы сызокрыльци.* На этихъ степяхъ происходятъ боевыя схватки козаковъ съ турками и татарами. Вотъ передъ нами козакъ—*нетяга*, по прозванію *Голота*, который

«Не боиться ни огня, ни меча, ни третёго болота....
На козакови шапка-бырка,
Зверху дирка,
Травою пошыта,
Витромъ пидбыта:
Куды вне—туды и повивае,
Козака молодого прохолоджае».

Онъ побѣждаетъ татарина на полѣ *килымськимъ* и высказываетъ желаніе, что бы оно

«Лито й зиму зеленило»

за то, что его

«при нещаслывий годыни сподобыло».

Торжествуетъ козакъ, но печальна была бы судьба его, если бы удалось татарину,

«Живцемъ его у рукы взяты,
Да въ городъ Килию запродаты»[1]).

Не смерти боится козакъ, а неволи турецкой: только въ неволѣ, среди ежедневныхъ истязаній на каторгѣ, онъ впадаетъ въ уныніе. Тогда онъ умоляетъ сокола *ясного*, чтобы онъ подалъ вѣсть о немъ отцу и матери:

«Передъ воритымы мого батька и матери, говоритъ онъ, сядь-пады,
Жалибненько проквылы,
Ще моему батькови и матери бильшого жалю завдай,
Та нехай мий батько добре дбае,
Скарбы збирае,
Зъ тяжкои неволи турецькои выкупае»[2]).

[1]) Записки о Южн. Руси, Кулиша, I, 17.

[2]) Историч. пѣсни малорус. народа, Антон. и Драг. I, 95—96.

Digitized by Google

Соколъ въ думахъ не только вѣстникъ, но и символъ вольной души козацкой. Въ одной думѣ говорится, что молодой соколенокъ попалъ въ неволю: запутали его тамъ въ серебряные путы, а около очей повѣсили дорогой жемчугъ, т. е. окружили всѣми приманками роскоши, что случалось не разъ съ плѣнниками, принимавшими бусурманскую вѣру, и особенно съ плѣнницами. Узналъ объ этомъ старый соколъ отъ орла-брата...

«На городъ-царьгородъ налитавъ,
На валу сидавъ,
Жалибно квылывъ-проквылявъ....
То соколя зачувало,
Смутно ся мало,
Головку склоняло
И крылечка опускало».

Чтобы разсѣять его тоску, турки сняли съ него и путы и жемчугъ. Тогда

«Соколъ налитавъ,
Та на крыла взявъ,
Та на высоку высоту пидносывъ....
«Эй, соколя мое, бездольне, безродне!
Лучше мы будемо по полю литаты,
Та соби жывности доставаты,
А нижъ у тяжкий неволи, у панивъ, прожываты:
Эй то жъ то у панивъ слава, що исты и пыты,
Та тильки неволенъ свитъ по свиту походыты» [1]).

Вотъ этотъ *вольный свитъ* и составлялъ для козака приманку, которая влекла его въ *степы шыроки*. Тамъ онъ дышалъ полною грудью, тамъ онъ сознавалъ свое человѣческое право жить, пока живется, пока есть убѣжденіе, что въ жизни не все еще потеряно. Онъ зналъ, что есть у него на родинѣ *отець* и *ненька-старенька* и *сестырци-жалибныци*, и *родына кревная, сердешная*, которые позаботятся о немъ въ минуту жизни трудную, ибо

Якъ-то бьеться птыця объ птыци,

[1]) Записки о южной Руси, Кулиша, I, 18.

Digitized by Google

А родына объ родыни:

Ой то такъ-то бьеться отець и маты объ своій кревний дытыни»[1])

Зналъ онъ также, что не оставитъ его въ бѣдѣ *товарыство кревне* и *сердешне*. Съ этимъ *славнымъ*, *войнымъ людомъ* привыкъ онъ

«Непріятеля пидъ ногы топтаты»,

Чтобы

«славы-рыцарства достаты,

За віру хрыстіянську одностайно статы[2]),—

а въ часы отдыха

«пыты и гуляты,

Хорошіи мысли маты»[3]).

Одною изъ этихъ мыслей, завѣтною мечтою его жизни, было умереть среди этого люда.

Только въ этомъ случаѣ онъ могъ надѣяться, что слава его

«Не вмре, не поляже»,

потому, что „лыцарство козацьке всякому роскаже[4]),—разскажетъ оно о томъ, какъ погибъ козакъ, какъ его похоронили. Утѣшится бѣдная мать, когда узнаетъ, что сына ея *по козацки поховалы*, что сами козаки приготовили и могилу ему,

«Шаблямы, надилкамы суходилъ копалы,

Шапкамы, прыполамы персть выбиралы,

И могилу насыпалы,

Въ семипьядни пыщали грымалы,

У сумерки жалибно выгравалы,

Славу козацьку выхвалялы[5]),—

---

[1]) Ibidem.

[2]) Малорус. и червонорусскія думы и пѣсни, Лукашевича, 36.

[3]) Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 13.

[4]) Ibidem.

[5]) Ibidem, 56, 57. „Высока могыла“ составляла обычную принадлежность козацкихъ похоронъ, о чемъ свидѣтельствуетъ извѣстный стихотворецъ Климентій, жившій въ началѣ XVIII в.:

„Звычаи козацкіе въ тыхъ ричахъ бувають,
Же въ поляхъ кладутся и могилы высыпають,
Того ради, же въ войскахъ бывали и въ полю
Изъ непріятелямы на потычкахъ въ бою,
Же бъ и по смертехъ щирость ихъ не запомынанна,
Дабы хвалебно людьмы честьнымы вспомынанна“.

Основа, 1861 г., Январь, 207.

Digitized by Google

а послѣ похоронъ

«цвиленькымы, сухенькымы вийськовымы сухарцямы помыналы» [1]).

Будетъ она

«козакамъ хусткы и рушныкы шыти даваты,
По церквамъ и по манастырямъ службы и панахыды наниматы,
Заразомъ по своему сынови похоронъ и весилля одбуваты»,—

будетъ она

«крамни платкы купуваты,
Та лырныкамъ даруваты» [2]),—

чтобы они сына ея поминали.

Такова была жизнь въ степной Украинѣ, которая ближе лежала къ славному Запорожью—центру борьбы козачества съ мусульманскимъ міромъ. Много было въ этой жизни порывовъ и увлеченій, манила она къ себѣ славою героическихъ подвиговъ, давала она чувству свободы и независимости полное удовлетвореніе. Но недоставало ей прочныхъ устоевъ, культурнаго быта, недоставало той полноты и уютности, которыя бываютъ плодомъ семейнаго счастья, семейныхъ радостей. Въ самомъ дѣлѣ, мы не видимъ въ думахъ, такъ называемыхъ, любовныхъ мотивовъ, которые занимаютъ, какъ извѣстно, выдающееся мѣсто въ обыкновенныхъ бытовыхъ пѣсняхъ. Есть у козака сестра и мать, которыя снаряжаютъ его въ походъ, которыя горюютъ въ разлукѣ съ нимъ, о которыхъ самъ онъ думаетъ въ походѣ. Но никогда не вспоминаетъ онъ о *дивчинѣ*, покинутой имъ въ родномъ селѣ, о любимой женѣ и дѣтяхъ. Не могъ не чувствовать онъ лишенія тѣхъ благъ жизни, которыя достаются въ удѣлъ простымъ смертнымъ, не обладающимъ ни мужествомъ, ни славою героя. Не могъ не чувствовать этого и пѣвецъ, который относился къ семейному очагу съ чувствомъ религіознаго уваженія:

«Де мужъ зъ женою живе-прожывае,
Тамъ святый Мыколай на радисть ухожае» [3]).

На этой семейной канвѣ пѣвецъ строитъ всю драму козацкой жизни: и борьбу козака съ матерью, которая умоляетъ его остаться дома, и одинокое скитальчество его вдали отъ роду-пле-

---

[1]) Записки юго-зап. отдѣла географич. общества, I, 21.

[2]) Изъ рукописнаго сборника народ. малорус. пѣсенъ.

[3]) Народныя южнорус. пѣсни, Метлинскаго, 355.

Digitized by Google

мени, и неудачи его, если забывалъ онъ *отцеву* и *матчыну* молитву, и предсмертныя минуты его жизни, когда онъ проситъ товарищей своихъ, чтобы они „тило его поховалы, звиру— птыци на поталу не далы".

Отсюда глубоко скорбный, элегическій тонъ, которымъ проникнуты думы о походахъ козака въ степи. *Жалощи*, плачъ составляютъ, такъ сказать, органическую принадлежность самой фразеологіи этихъ думъ, въ которыхъ обыкновенно *сестра брату словамы промовляе, слизно рыдае*, козаки *жалибно выгравають, славу козацьку выкваляють.*

Тѣ же *жалощи* въ царствѣ птицъ и животныхъ: голубь *жалибно гуде, жалю завдае*, орлы и волки *квылять-проквыляють.* Въ изображеніи природы преобладаютъ суровыя, темныя краски: *„ничка темная, хмары темни, лугъ темный, лисъ темный, туманы сыви, голубъ сывый, кинь вороный и сывый, зозуля сывая и сызая, орелъ сызый, вовкъ сирый, сироманецъ.* Всѣ эти образы входятъ въ составъ сравненій съ явленіями человѣческой жизни, причемъ въ думахъ нерѣдко употребляется, такъ называемое, отрицательное сравненіе, необычное въ бытовыхъ пѣсняхъ:

«Не сыва зозуля закувала,
То вдова (мать) заплакала (или) розмовляла»
(Д. о матери-вдовѣ и трехъ сыновьяхъ) [1]).

«Не сызи орлы заклекоталы,
Якъ то бидни невольныкы у тяжкий неволи заплакалы».
(Д. о невольникахъ) [2]).

Иногда сравненіе разростается въ аллегорическое изображеніе печальнаго событія, появляющагося въ сознаніи лица, о которомъ идетъ рѣчь, сперва въ видѣ смутнаго сновидѣнія, а потомъ со всею очевидностью неумолимой правды. Снится, напримѣръ, вдовѣ сонъ *чудный-пречудный, дывный-предывный*, будтобы сынъ ея въ походѣ женился, *понявъ соби туркеню чужоземку* [3]). Она

[1]) Народныя южнорус. пѣсни, Метлинскаго, 352.
[2]) Сборникъ украинскихъ пѣсенъ, Максимовича, 1849, 10.
[3]) Малорус. и Червонорус. думы и пѣсни Лукашевича, 45.

Digitized by Google

«Въ чорному оксамыти ходыть,
Билымы пидбийками пидбыта,
Сылу грошей мае,
Лику ихъ не знае,
Горда, пышна,
Панщыны не робыть,
Царевн, королевн головкы не склонить».
(Д. объ И. Коновченкѣ) [1]).

Долго не догадывалась вдова о значеніи этого роковаго сна, пока товарищъ ея сына не сказалъ ей горькой правды, что сынъ ея:

«Понивъ собп панянку—
У чыстому поли могылу-землянку:
На могыли травы зелененьки
И цвиты билеиькп [2]).

Тогда бѣдная мать

«Якъ стояла,
Такъ упала,
Свита божого не ввыдала» [3]).

Сближеніе смерти съ бракомъ и могилы съ невѣстой или съ женой представляетъ, какъ извѣстно, одно изъ общихъ мѣстъ въ народной поэзіи, какъ великорусской, такъ и малорусской, но въ думахъ оно развито съ такими подробностями, которыя ясно указываютъ на склонность пѣвца находить въ горечи разъѣдающаго чувства особаго рода утѣшеніе.

Иное настроеніе встрѣчаемъ мы въ думахъ о борьбѣ козачества съ „ляхамы, мостивымы панамы“. Широкою историческою кистью изображаетъ пѣвецъ эту братоубійственную борьбу двухъ родственныхъ племенъ, которыя далеко разошлись между собою въ соціальномъ и религіозномъ отношеніи,—борьбу двухъ міровоззрѣній, двухъ порядковъ жизни—шляхетско-аристократическаго и народно-демократическаго. „Уже жъ мы теперъ, го-

[1]) Кіевскій телеграфъ 1873, № 59.
[2]) Народн. южнорус. пѣсни Метлинскаго, 424.
[3]) Кіевскій телеграфъ, 1873, № 59.

Digitized by Google

ворятъ козаки, ни въ чому воли не маемъ", ибо „вси *шляхы*, и *торгы*, и *церквы*, и *рикы козацьки жыды зарандовалы*, *а паны ляхы*

«Велыкую станцию вымышлялы,
Одъ козацькихъ, одъ мужыцькыхъ коморъ ключи одбиралы».

(Дума о возстаніи козаковъ послѣ бѣлоцерковскаго мира и объ изгнаніи жидовъ арендарей изъ Украйны) [1]).

Распоряжались они чужимъ добромъ, какъ своимъ собственнымъ, не останавливались даже предъ оскорбленіемъ семейной чести женъ козацкихъ. И вотъ переполнилась чаша терпѣнія народнаго, и пролилась она цѣлыми потоками крови, подмывшими самыя основы польскаго государства.

Во главѣ движенія сталъ, какъ извѣстно, Богданъ Хмельницкій. Онъ обрисованъ въ думахъ, какъ вождь опытный и энергическій. Онъ пишетъ *лысты*, дѣлаетъ воззванія къ народу, даетъ козакамъ *порядкы козацьки*. Отношенія его къ козакамъ самыя искреннія и сердечныя: они для него *диты*, *друзи-небожата* [2]), онъ для нихъ *батько козацький* [3]). Думу думаетъ онъ тайно отъ всѣхъ:

«Тильки Богъ святый знае,
Що Хмельныцкый думае-гадае».

(Д. о походѣ въ Молдавію) [4]),

Но къ замысламъ *батька своего* козаки относятся съ полнымъ довѣріемъ. Они стоятъ предъ нимъ, *якъ малыи диты*. Они обращаются къ нему съ благожеланіями:

«Дай, Господы, щобъ мы зъ твоеи головы пылы и гулялы,
А неприятеля пидъ нози потопталы,
А виры хрыстиянськои на поталу въ вичный часъ не подалы!

(Д. о Хмельницкомъ и Барабашѣ) [5]).

Съ безпощадною жестокостью относится самъ Хмельницкій къ врагамъ своей родины:

---

[1]) Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 53, ibidem, 56—65; Сборникъ украинскихъ пѣсенъ Максимовича, 1849, 74.

[2]) Записки о Южн. Руси, Кулиша, I, 54.

[3]) Сборникъ украин. пѣсенъ, Максимовича, 1849 г. 75.

[4]) Украин. народ. пѣсни, Максимовича, 1834 г., 40.

[5]) Историч. пѣсни малорус. нар. Ант. и Драг. II, 15.

Digitized by Google

«Одъ сна устанайте», приказываетъ онъ козакамъ,
«Руськый отченашъ чытайте,
Ляхивъ, мостивыхъ панивъ, у пень рубайте,
Кровъ пхъ лядську у поли зъ жовтымъ пискомъ мишайте».
(Д. о Хмельницкомъ и Барабашѣ) [1]).

Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ торжества козацкаго оружія надъ польскимъ въ думахъ о Хмельницкомъ рѣзко пробивается сатирическій тонъ.

Пѣвецъ воспроизводитъ обыденныя сцены жизни, въ которыхъ ярко выступаютъ передъ нами типическія черты поляка и еврея. Тотъ и другой не скрываютъ своего презрѣнія къ козаку, и въ то же время чувствуютъ въ немъ присутствіе бунтующей силы, которая ежеминутно можетъ прорваться неудержимымъ потокомъ. Они подозрительно слѣдятъ за каждымъ его дѣйствіемъ, смутно понимая, что живутъ, такъ сказать, на вулканѣ и дышутъ сгущеннымъ, удушливымъ воздухомъ, который долженъ разразиться грозой... Но вотъ наступила гроза. Сцена быстро измѣняется. Суетливо метаются изъ одного мѣста въ другое евреи: и трусливый *Оврамъ*, у котораго

«Бунъ невелыкый крамъ—
Тильки голкы да шпилькы—
Що ходывъ по за Днипромъ да дурывъ козацьки жинкы» [2]),—

И богомольный Лейба, который «бижыть,
Ажъ жывитъ дрижыть,
Якъ на школу погляне,
Его сердце жыдивське зивьяне» [3]),—

и *Сруль*, и *Гершко*, и *Шмуль*, и *Ицыкъ*, который взялъ свой *бычыкъ*, что-бы „кони поганяты

Да одъ пана Хмельныцького утикаты» [4]).

Проклинаютъ они рабина Мошку за то, что бралъ

«На Вкраини одкупу не потрошку» [5]).

---

[1]) Народныя южнорусскія пѣсни, Метлинскаго, 938.
[2]) Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 60.
[3]) Ibidem, I, 228.
[4]) Историч. пѣсни Антонов. и Драгоман., II, 27.
[5]) Ibidem., II, 28.

Digitized by Google

Вмѣстѣ съ евреями бѣгутъ и поляки, и они

«Догадлыви бувалы,
Уси по лисахъ, по кущахъ повтикалы» [1])

Съ чувствомъ удовлетвореннаго мщенія посылаетъ пѣвецъ въ догонку бѣгущимъ врагамъ язвительное слово упрека и злораднаго смѣха.

Но „не всуе поляки, по выраженію позднѣйшаго лѣтописца, жалѣючи утраты Украини, раемъ свѣта польскаго ее наричаху и провозглашаху“ [2]). Много разъ потомъ они возвращались назадъ, и снова „счыналыся велыки войны на Вкраини“ [3]), какъ при жизни Хмельницкаго, такъ и по смерти его. Самъ Хмельницкій не рѣшилъ задачи своей во всю ширину требованій, поставленныхъ ему народомъ, — не всѣ добились воли, не всѣ сдѣлались козаками. Изъ среды самаго козацкаго сословія начали выдѣляться *дуки-срибляныкы*: это были свои домашніе *паны-ляхы*, которые начали стремиться къ порабощенію не только посполства, но и рядоваго козачества. Продолжалась такимъ образомъ жизнь, *смутками* и *печальмы* переполненная. Не было въ странѣ силы, которая могла бы разорвать этотъ заколдованный кругъ, гдѣ угнетаемые, опираясь на поддержку, получаемую не изъ народной среды, часто превращались въ угнетателей, сознававшихъ, что центръ тяжести не въ народѣ, а въ посторонникъ вліяніяхъ, враждебныхъ народному идеалу. Самый идеалъ этотъ не былъ поставленъ на почву правоваго порядка, обезпеченнаго матеріальной силой, которой обыкновенно располагаетъ государство.

До 1775 года жила еще запорожская Сѣчь, которая была слабымъ подобіемъ этой матеріальной силы,—и вотъ народъ создаетъ на этой, можно сказать, мнимой величинѣ фантастическій образъ запорожскаго гетмана, защитника бѣдныхъ и угнетенныхъ. Въ жалкомъ видѣ *козака-нетяги* слоняется онъ

[1]) Ibidem, II, 112.

[2]) Лѣтопись Величка, Предисловіе къ I-му т.

[3]) Историч. пѣсни. Антоновича и Драг. II, 10.

Digitized by Google

на путяхъ ордынскихъ, въ поляхъ киліимскихъ. Вотъ одинъ разъ приходитъ онъ въ городъ Черкасы, гдѣ была городовая знать, *значные* козаки, *дуки-срибляныкы*. Входитъ онъ въ корчму, а вслѣдъ за нимъ являются и *дуки*. Стали они пить и гулять, насмѣхаясь надъ оборваннымъ козакомъ, а затѣмъ приказываютъ „Насти Горовий, шынкарци степовий“, что-бы она вытолкала *нетягу* „у потылыцю зъ хаты“. Слѣдуетъ затѣмъ комическая сцена борьбы шинкарки съ козакомъ, который, повидимому, сознаетъ, что не рыцарское дѣло воевать съ женщиной; поэтому онъ ограничивается только тѣмъ, что

«Козацькымы пьятамы у порогъ зачипае,
А козацькымы рукамы за одвирокъ хватае,
Пидъ мыснымъ голову козацьку-молодецьку ховае».

Потѣшаются *дуки-срибляныкы*. Одинъ изъ нихъ—болѣе добродушный

«Изъ кармана людську денежку выймавъ,
Насти кабашний до рукъ оддававъ».

Онъ приказываетъ ей на эту денежку отпустить *козаку-нетяги* хоть плохого пива. Посылаетъ Настя свою *наймычку* за этимъ пивомъ. *Наймычка*, конечно, на сторонѣ *козака-нетяги*. Принесла она изъ погреба добраго пива, но, желая скрыть это отъ хозяйки, она

«Въ свитлыцю вхожае,
Свий нисъ геть одъ кившы одвертае,
Будто те пыво воняе».

Выпилъ козакъ пиво и сталъ бушевать:

«Эй вы, ляхове, вражи сынове», говоритъ онъ, «икъ порогу посувайтесь,
Щобъ було мени, козаку нетязи, де на покути изъ лаптямы систы».

Вынимаетъ козакъ свой кожаный *чересъ* и высыпаетъ на столъ кучу червонцевъ. Сцена быстро измѣняется, *дуки-срибляныкы* предлагаютъ ему угощеніе. Но козакъ, въ отвѣтъ на эту любезность, подходитъ къ окну, отворяетъ форточку и зоветъ своихъ джуръ. Прибѣгаютъ джуры и одѣваютъ козака въ богатое гетманское платье:

Digitized by Google

«Батьку козацькый», говорятъ они,
«Докы тоби тутъ пустуваты?
Часъ—пора иты на Вкраини батькуваты!»

Тогда только догадались *дуки-сриблянныки*, что это былъ никто иной, какъ самъ „Ганжа Андиберъ, гетманъ запорожськый". Дѣлаются они еще любезнѣе:

«Прысуньси ты до насъ, кажуть, блыжче,
Поклонымося мы тоби нижче,
Будемъ радыться, чи гараздъ-добре на славнии Украини
прожываты».

Козакъ не пьетъ, а проливаетъ напитки, предложенные ему дуками, *на свои дороги шаты*:

«Эй, шаты мои, шаты!» говоритъ онъ, пыйте, гуляйте!
Не мене шанують, васъ поважають».

Дума заканчивается тѣмъ, что онъ приказываетъ козакамъ своимъ высѣчь передъ окнами корчмы разжирѣвшихъ богачей, что-бы они его

«спомыналы
И до вику памьяталы».

Козаки исполняютъ приказанія гетмана, приговаривая:

«Эй, дуки вы, дуки!
За вамы лугы и лукы,
Нигде, нашому брату, козаку—нетязи, статы коня попасаты»[1]).

Рѣшеніе вопроса патріархальное и, во всякомъ случаѣ, неубѣдительное для одной стороны и безполезное для другой. Представитель безженнаго рыцарства, Ганжа Андиберъ, безъ сомнѣнія, не могъ найти выхода изъ того положенія, въ которомъ находились семейные козаки въ самой Украйнѣ, гдѣ гораздо было труднѣе стоять на высотѣ козацкаго долга,—не могъ онъ, конечно, и *батькуваты* на *Вкраини*. Здѣсь *козаки-нетяги* были безсильны въ борьбѣ за свое существованіе. Рано или поздно они должны были раздѣлить участь посполитаго люда, т. е. подчиниться домашнему закрѣпощенію.

[1]) Отрывки изъ думы мы привели по тексту, напечатанному въ Запискахъ о Южной Руси Кулиша т. I, стр. 200—209.

Digitized by Google

Многіе изъ этихъ *нетяг* оставляли семью и убогое хозяйство свое и приставали къ войску, чтобы искать счастья, котораго не находили дома. Въ думѣ „о козацкой жизни“ изображается это явленіе, получившее, какъ видно, свои типическія черты въ эпоху разложенія козачества.

„Покидаю тебе“, говоритъ козакъ, обращаясь къ козачкѣ, и прошу тебя, что-бы ты берегла „худобу“. Въ чемъ-же эта „*худоба*?“

«У комыни клочча смуга,
А въ запичку кишка муруга» [1]).

Выѣхалъ козакъ, не обращая вниманія на отчаянную мольбу жены остаться дома. Не сбылись заклятья ея, чтобы „побыло его въ чыстимъ поли тры недоли“: и добрый конь его не присталъ, и козаковъ онъ догналъ, и козаки его полюбили, и въ курень его пустили, да еще мало того „отаманомъ поставновылы“. Казалось-бы, онъ все нашелъ, чего искалъ. Но тянетъ его къ домашнему очагу. Пріѣзжаетъ онъ домой. Оказывается, что козачка

«Чотыри недили хаты не топыла,
Вона зъ шынку не выходыла»,—
Что «коло его двора нема и кола»,—
Что жена его «горшкомъ воду носыть,
Ополоныкомъ диты напуває» [2])

Съ тайнымъ сознаніемъ своей вины выбѣгаетъ козачка на встрѣчу своему мужу, но козакъ

«Ии келепомъ по плечамъ прывитае,
Карбачемъ по спыни затынае» [3]).

Этотъ суровый привѣтъ перенесла козачка безъ огорченія. Въ ожиданіи счастливыхъ дней она угощаетъ козака, а на вопросъ злоязычныхъ сосѣдокъ, что у нея за знаки подъ глазами, она отвѣчаетъ, что пошла она

---

[1]) „Кіевская Старина“, 1884 г., Декабрь, стр. 640.
[2]) Ibidem, 641.
[3]) Записки о Южной Руси, Кулиша, 1, 218.

Digitized by Google

«въ хливъ, по лучыну,
Та пидбыла соби очи на ключыну.
Оттакъ тая козачка добре дбала,
Свого козака покрывала» [1])

Что-же козакъ? Онъ сидитъ въ корчмѣ, да „медъ-выно кругляе,

«Корчму сохваляе:
«Гей корчмо наша, корчмо-княгыне,
Чомъ въ тоби козацького добра багато гыне?
И сама еси неошатно ходышъ,
И насъ, козакивъ-нетягъ, пидъ случай безъ свытокъ водышъ» [2]).

Въ этихъ словахъ, исполненныхъ ироническаго самообличенія, мы узнаемъ того-же пѣвца, который воспѣвалъ нѣкогда славные дни козачества... Перестроилъ онъ теперь струны своей кобзы, чтобы извлечь изъ нея иные тоны, близкіе къ отчаянію...

Таково въ общихъ чертахъ поэтическое настроеніе въ народныхъ малорусскихъ думахъ со всѣми его видоизмѣненіями. Свидѣтельствуетъ оно о томъ, что пѣвецъ стоялъ на высотѣ народно-національнаго самосознанія, представителемъ котораго было въ свое время козачество,—на высотѣ идеаловъ козацкой жизни съ ея шумною славою, съ ея недолговѣчной волей и измѣнчивой долей. Самое слово *козацкій* для него равнозначительно было со словами: *родной*, *свой*, поэтому онъ употребляетъ это слово для того, что-бы отличить свое отъ чужаго: *козацькая земля*, *вира*, *душа*, *голова*, *козацькее тило*, *козацьки церквы*, *шляхи*, *торги*, *рики*. Но, независимо отъ этого козацкаго міровоззрѣнія, онъ чувствуетъ въ себѣ способность отзываться на всѣ радости и печали козацкой жизни живымъ творческимъ словомъ, въ которомъ слышатся самыя разнообразныя и притомъ сложныя чувства: есть въ этомъ словѣ всѣ оттѣнки смѣха, какъ и всѣ оттѣнки горя, переплетающіеся между собою въ самыя разнообразныя сочетанія. Это слово могъ сказать только

[1]) Ibidem, 219.

[2]) Записки о южной Руси, Кулиша, I, 220.

Digitized by Google

пѣвецъ, усвоившій опредѣленный методъ мысли и чувства, тотъ методъ, который вырабатывается подъ вліяніемъ культурной привычки къ самонаблюденію, къ анализу пережитаго и передуманнаго. Мы думаемъ, что въ распространеніи этой привычки немало важную роль играла южно-русская школа. Внутренніе признаки школьныхъ вліяній въ языкѣ и поэтическомъ стилѣ малорусскихъ думъ мы видѣли выше,—теперь укажемъ внѣшнія черты, сближающія думы съ старинными произведеніями южнорусской литературы.

Нельзя не замѣтить въ языкѣ думъ книжныхъ, церковнославянскихъ элементовъ рѣчи. Они встрѣчаются въ значительномъ изобиліи не только въ поучительныхъ, но и въ историческихъ думахъ.

Во многихъ случаяхъ, напримѣръ, пѣвецъ отступаетъ отъ обычнаго русскаго полногласія, замѣняя слова: *голосъ*, *голова*, *золото*, *городы*, словами: *гласъ*, *глава*, *злато*, *грáды*,—или же прямо употребляетъ церковно-славянскія слова вмѣсто народныхъ: *персть*, *прахъ*, *устá*, *смиреніе*, *собраніе*, *возлюбыты*, *воздыхаты*, *вкушаты*, *аще*, *паче*, *найпаче* и проч. Даже формы церковно-славянскія нерѣдко онъ предпочитаетъ народнымъ: *одъ суставъ*, *пидъ ноги*, *будеши*, *рече*, и т. п.

Желая сохранить церковно-славянскій колоритъ рѣчи, пѣвецъ передѣлываетъ иногда слова такимъ образомъ, что они получаютъ не то книжный, не то народный видъ, напримѣръ: *опрощеніе*, *олаты*, *у руцяхъ*, *олци*. По поводу послѣдняго слова извѣстный исполнитель думъ Вересай замѣтилъ: „усе одно *вовки*, тильки тутъ не можно такъ казать“ [1]).

Другой кобзарь, Ѳедоръ Кононенко, пѣлъ одинъ разъ:

«Шапку изъ головы знимае»,

а въ другой разъ:

«Шлыкъ изъ головы знимае»,

но предложилъ записать это послѣднее выраженіе, объясняя первое тѣмъ, что онъ „по простому спивавъ“ [2]).

[1]) Записки юго-зап. отдѣла геогр. общества 1873 г., Матеріалы, стр. 13.

[2]) Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 179.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, въ сознаніи позднѣйшихъ кобзарей языкъ думъ не есть обыкновенный, простой языкъ. Безъ сомнѣнія, такъ же смотрѣли на него и древнѣйшіе кобзари въ эпоху созданія самихъ думъ. Можно полагать даже, что въ старину онъ менѣе отшлифованъ былъ въ народномъ духѣ, чѣмъ теперь,—по крайней мѣрѣ, не забыты были въ немъ старинныя слова, забытыя нѣкоторыми позднѣйшими кобзарями [1]). Изъ словъ этого разряда особенно любопытны тѣ, которыя въ самомъ построеніи своемъ представляютъ слѣды творческаго искусства въ сочетаніи церковно-славянскихъ особенностей рѣчи съ народными. Мы разумѣемъ такія сложныя слова, какъ *домодержавець*, *злосопротывна* (хвыля), *людославне* (Запорожье), *златоглави* и *златосыни* (киндяки) и т. п.

Очевидно, подобныя слова могли явиться въ думахъ не иначе, какъ подъ вліяніемъ особеннаго умственнаго настроенія, которое искало для своего выраженія соотвѣтствующихъ красокъ не только въ народномъ, но и въ книжномъ словѣ. Во всякомъ случаѣ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что творцы думъ были люди отчасти книжные, и что они способны были не только къ усвоенію книжныхъ вліяній, но и къ переработкѣ ихъ въ народномъ духѣ.

Къ тому же выводу приводитъ насъ и наблюденіе надъ построеніемъ предложенія, какъ въ думахъ, такъ и въ старинной малорусской прозѣ. Обычное явленіе въ ней—это постановка глагольныхъ сказуемыхъ въ концѣ предложенія, отчего получается иногда своего рода стихъ, рифмованный такимъ же образомъ, какъ и стихъ думъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

„(Паны) не только на здоровье ихъ (подданныхъ своихъ) *чигалы*, але и вѣру ихъ зломыты *умышлялы*, и власне яко зъ

[1]) Поразительный примѣръ забвенія старыхъ словъ встрѣчаемъ мы въ думѣ объ Ивасѣ Коновченко, записанной отъ бандуриста Василія Макуленко, жителя Седневскаго, черн. у. въ 1854 г.: „Изъ дан-годыны“ вмѣсто: „изъ день-годыны“, „ковыль-горелка“, вмѣсто „оковыта-горилка“, „герціа“ вмѣсто „герць“ и т. п. Замѣчательно при этомъ, что одно искаженіе влекло за собою другое: выраженіе „енералъ полковницкый“ вынудило исполнителя думы исказить прозвище полковника, который называется у него то *Корсунскимъ*, то *Корсицкимъ* для рифмы. Искаженіе языка выразилось слабостью этого варіанта думы въ художественномъ отношеніи.

Digitized by Google

неволныкамы *поступалы*, одно податками *выдыраючи*, и работы на нихъ *вымышляючи*, за слово въ нѣвечъ *оборочаючи* и *забываючи*, и на Бога не *памятаючи*, и кровь невинную *проливаючи*".

(Слово о бездождіи, памятникъ конца XVII в.) [1]).

«То ще-то паны-Ляхы,
Мостивии паны,
По козакахъ и по мужыкахъ стациею *посталы*,
Да велыкую стацию *вымышлялы*,
Одъ ихъ ключи *поотбиралы*».

(Дума о бѣлоцерковскомъ мирѣ и войнѣ съ поляками) [2]).

Или: „на той часъ христіане жидовъ незбожныхъ *выганялы*, иншихъ мечемъ *забіали*, иншихъ въ рѣкахъ *топили* и иншихъ иншою смертію розмаитою *губили*".

(Мессія праведный, І. Галятовскаго) [3]).

«Тодп то козаки.... здобу хорошу собп коло жыднвъ-рандаривъ *малы*,
На славну Украину *прыбувалы*,
Очертомъ *сидалы*,
Сребро и злато на три части *паёвалы*».

(Дума о жидовскихъ откупахъ) [4]).

Еще примѣръ:

„Скоро жолнѣре Иродови увойшли у Виѳлеемскій повѣтъ, заразъ почали чинити по малыхъ дѣточкахъ невинныхъ *отвѣтъ*: отъ персей матернихъ *отрывали* да *погубляли*, и розмаитыи имъ смерти *завдавали*.... А дѣточки, яко немовятка будучи, того *не знаютъ*, они *доньмаютъ*, ижъ то зъ ними жарти *маютъ*, за мечъ ручками *сягаютъ*, подъ мечъ головки свои *хилнютъ*, а они, окаянные, головки имъ *истинаютъ*".

(Казанья на соборъ пресв. Богородицы по рукоп. 1751 г.[5]).

«То ще мы, брате, недобре *вчинялы*,
По улицяхъ добрымы киньмы *гулялы*,

---

[1]) Южнорусск. лѣтописи, изд. Бѣлозерскимъ, 1856 г.

[2]) Записки о Южн. Руси, Кулиша, I, 52.

[3]) Изд. Кіевопечерской лавры, 1664 г.

[4]) Записки о южной Руси, Кулиша, I, 63.

[5]) Матеріалы до литер. апокриф. Калитовскаго, 1884 г., стр. 22.

Digitized by Google

Диткы маленькии киньмы *розбывалы*,
Кровъ хрыстыянську безневынно *пролывалы*.
(Дума о бурѣ на Черномъ морѣ) [1]).

Замѣчательно при этомъ, что глагольная рифма, книжная по своему происхожденію, прочно утвердившись въ народныхъ малорусскихъ думахъ, отсюда уже въ свою очередь оказывала иногда замѣтное вліяніе на языкъ нѣкоторыхъ прозаическихъ произведеній старинной малорусской литературы. Такъ, въ Казаньи на соборъ Пресв. Богородицы эта рифма стоитъ въ непосредственной связи съ поэтическимъ настроеніемъ автора, которому знакомы были не только стихотворныя произведенія старинной малорусской школы, но и народныя малорусскія думы. Совершенно справедливо замѣчаетъ г. Сумцовъ, что „нѣкоторыя преступленія Ирода въ этомъ Казаньи напоминаютъ преступленія Алексія Поповича въ думѣ про бурю на черномъ морѣ,— горе родителей обрисовано чертами, сходными съ тѣми, которыя находятся въ невольницкихъ думахъ“ [2]). Отсюда видно, что въ старинной Малороссіи было живое общеніе между школой и народомъ. Много перекрестныхъ путей шло отъ народа къ школѣ, и обратно,—много людей двигалось по этимъ путямъ, внося въ школу народное міровоззрѣніе и вынося изъ нея научные пріемы мысли и рѣчи.

Намъ нужно всмотрѣться въ типическія черты этихъ людей, чтобы выяснить для себя условія, среди которыхъ возможно было творчество народныхъ малорусскихъ думъ.

---

[1]) Записки о Южной Руси, Кулиша, т. I, 30.

[2]) Кіевс. Старина, 1887 г. Сентябрь, 20. Можно встрѣтить иногда отраженіе языка думъ даже въ дѣловыхъ бумагахъ. Такъ, въ духовномъ завѣщаніи Я. Лизогуба отъ 1698 г. говорится, чтобы сынъ его Евфимъ „матки своей ни въ чемъ, ховай Боже, не раздражалъ и не *кволячи* повинность сыновскую противъ нея оказовалъ, т. е. оную *чтивъ*, *шановавъ* и *поважавъ*“. (Кіев. Стар. 1882 г., Янв. 106).

Digitized by Google

II.

Странствующіе школьники въ старинной Малороссіи.

По отрывочнымъ статистическимъ даннымъ, уцѣлѣвшимъ отъ прошлаго вѣка, можно судить о томъ, какъ широко распространены были народныя школы въ старинной Малороссіи[1]). Обыкновенно, вмѣстѣ съ церковью строили и школу: здѣсь жилъ *панъ-дякъ* съ своею дружиною пѣвцовъ и чтецовъ церковныхъ[2]). Уже изъ этого видно, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ не случайнымъ, навѣяннымъ соображеніями, чуждыми народному міровоззрѣнію и народнымъ симпатіямъ.

Остановимся на этомъ явленіи со стороны внутренней связи его съ умственною и нравственною жизнію малорусскаго народа.

Нужно замѣтить прежде всего, что дьякъ занималъ свое положеніе не по сословному происхожденію своему изъ духовнаго званія, а по должности, которая доступна была для всѣхъ сословій[3]). И однако же это было лице немаловажное въ при-

---

[1]) Основа, 1862 г., Май, статья А. Лазаревскаго: „Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталяхъ въ XVIII в."—Журналъ Мин. Нар. Просв. 1864 г., Январь, статья Сухомлинова: „Училища и народное образованіе въ черниг. губ."—Руководство для сельскихъ пастырей, 1864 г., ст. Крыжановскаго: „Очерки быта малорусскаго сельскаго духовенства". — Украинская старина, Даниловскаго, 1864 г., „Харьковскія народныя школы 1732—1863 г."—Земскій сборникъ черниг. губ, ст. Ефименка: „Народное образованіе въ черниг. губ.".

[2]) Черн. Епарх. Вѣд., 1865 г., 340. Еще до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ Малороссіи дома, гдѣ живутъ церковнослужители, называются школами.

[3]) Только въ 1771 г. кіевскій митрополитъ Гавріилъ Кременецкій сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы кандидатами на должность дьяка были исключительно дѣти лицъ духовнаго званія, а въ 1778 г. при томъ же митрополитѣ введены были въ церковные приходы такъ называемые *штаты*, по которымъ полагалось при

Digitized by Google

ходѣ. При одной церкви могло быть два и даже три священника, но всегда былъ одинъ только дьякъ, избранный громадою за *добрый гласъ*, за надлежащее знаніе службъ церковныхъ и умѣнье вести ихъ благолѣпно и благочинно. Этого мало. Отъ дьяка требовались таланты педагога, потому что онъ самъ долженъ былъ заниматься обученіемъ помощниковъ своихъ при исполненіи службъ церковныхъ. Какъ учитель школы, онъ назывался *панъ-бакаляръ*, а какъ начальникъ ея—*панъ-дирехторъ*.

Въ чемъ же заключалось его *бакалярство?* Кого, чему и какъ училъ дьякъ?

Училъ онъ *молодиковъ школьныхъ*, какъ жившихъ въ школѣ, такъ и приходившихъ въ нее. Жили въ школѣ безпріютные сироты, которымъ некуда было дѣваться, приходили—дѣти козаковъ и посполитыхъ, людей богатыхъ и бѣдныхъ. Въ извѣстной вертепной драмѣ Климъ и жена его—люди бѣдные, но это не мѣшало имъ посылать своего сына въ школу, при чемъ за трудъ бакаляра расплачиваются они вмѣсто денегъ свиньей. Этотъ живой гонораръ, какъ дьяку, такъ и всѣмъ обитателямъ школы, пришелся по вкусу:—„Ци, ирци, фертикъ Иванець“, восклицаетъ дьякъ, обращаясь къ одному изъ школяровъ, очевидно, сожителю своему,

«Спишы сюды зпло,
Клымій сотворывъ намъ честь,
Давъ свыняче тило».

Когда свинья была унесена, дьякъ обращается къ Климу съ благодарственной рѣчью:

«Обреченную вашу жертву, говоритъ онъ, съ благодарностію
пріемлемъ
И выю вамъ объемлемъ!»

одномъ священникѣ два, при двухъ—четыре, при трехъ—шесть причетниковъ. Съ того времени выдающееся положеніе дьяка въ приходѣ начало все болѣе и болѣе съуживаться (Руковод. для сельскихъ пастырей, 1861 г., № 49, 79—80). Что касается до заштатныхъ церковниковъ, то въ 1788 году Екатерина II предписала обратить ихъ въ военную службу при черноморскомъ адмиралтействѣ. О переселеніи ихъ въ Новороссійскій край, см. любопытную замѣтку П. Иванова въ „Кіевск. Старинѣ“ 1891 г., Май.

Digitized by Google

Прослезился Климъ отъ такой торжественной учтивости *письме́ннаго* человѣка [1]).

Какъ видно, голодное житье было въ школѣ — особенно для молодиковъ школьныхъ, но оно скрашивалось надеждой, которую въ душѣ лелеялъ каждый изъ нихъ, со временемъ сдѣлаться дьякомъ, а потомъ, по меткому выраженію народному, *выдряпаться и на попа* [2]). Нужно было только усвоить всю премудрость школьную, которая начиналась обыкновенно съ изученія *грама́тки* (букваря) и расширялась по мѣрѣ изученія *псалтыря́* и *часосло́вця* — основныхъ богослужебныхъ книгъ, подготовлявшихъ молодика къ практическому заявленію своихъ способностей и познаній предъ всею громадою — на клиросѣ, въ церкви. Нужно было также изучить всѣ напѣвы церковные — восемь гласовъ на „Господи, воззвахъ", восемь гласовъ на „Богъ Господь явися намъ" и столько же гласовъ на ирмосы, да сверхъ того, изучить пѣніе *самогласное*, т. е. тѣ же псалмы и ирмосы на свой собственный голосъ, и *подобное*, т. е. пѣніе двойнаго текста на одинъ и тотъ же гласъ [3]).

Не легка была эта наука. Многіе такъ и оставались *молодиками* на всю жизнь, исполняя низшія причетническія обязанности при церкви [4]). Особенно трудно было изученіе *грама́тки*. Сопровождалось оно обычными въ старинной школѣ *наказаніями по тѣлу*. Какъ былъ горекъ этотъ *корень ученія*, можно видѣть изъ одной шуточной вирши, которая сохранилась въ народномъ пересказѣ до настоящаго времени.

«Казавъ мени бакаляръ промовыты: «Азъ, Азъ!»
А якъ же я не вымовывъ, винъ по пыци: «разъ, разъ!»
Крыкнувъ же винъ у друге: «А ну, кажы: Букы!»
Ой ще жъ бо я не вымовывъ — попавъ въ ёго рукы.
Крыкнувъ дали въ третій разъ, що бъ вымовывъ: «Виде!»

---

[1]) Малорус. вертепъ, Г. Галагана, „Кіев. Стар.", 1882 г. Октябрь, 35—36.

[2]) Руководство для сельскихъ пастырей, 1861 г., № 39, 138.

[3]) Украинск. старина, Даниловскаго, стр. 297.

[4]) Въ спискѣ церковниковъ отъ 1765 г., находившихся въ г. Прилукѣ, показаны въ числѣ *молодиковъ* школьныхъ лица разныхъ возрастовъ отъ 12 до 39 лѣтъ. См. Архивные отрывки для исторіи полтавск. епархіи, А. Лазаревскаго, Вып. I, 1887 г.

Digitized by Google

А вже ж его жвава рука по чупрыни иде.
Ой якъ сказавъ у четверте: «вымовляй: жывите!»
«Ну-те-жъ, хлопци, заразъ его на лавку кладите!»
И просився, и молився, а ще більшъ злякався,
Бо задалы таку хлосту, що й свита здурався»... [1]).

Въ субботу, обыкновенно, *промовлялы* всѣ молодики школьные передъ паномъ бакаляромъ то, что было выучено въ теченіе недѣли: кто изъ нихъ не твердъ былъ въ познаніяхъ, тотъ получалъ *суботника*. Чуть не до нашихъ дней исполнялось это старинное правило, обозначенное еще въ XVI в. въ уставѣ луцкой братской школы, гдѣ говорится, что по субботамъ „дидаскалъ маетъ дѣтямъ и памятного не боронити, по чаши школьной испити“ [2]).

Однимъ словомъ, школа была суровая...

И однако же народъ предпочиталъ ее такъ называемымъ народнымъ училищамъ, которыя въ концѣ прошлаго вѣка Екатерина II начала заводить въ Малороссіи. Давно уже выяснено, что главная причина нерасположенія народа къ этимъ училищамъ заключалась въ бюрократическомъ характерѣ ихъ: они были разсадниками мелкаго чиновничества и всякаго рода канцелярскихъ сутягъ и ябедниковъ, которые были несимпатичны для народа [3]). Въ свою очередь мы скажемъ, что въ новыхъ училищахъ народъ не нашелъ удовлетворенія своимъ церковно-общественнымъ потребностямъ, которыя заключались не въ одной грамотности, приспособленной къ церковному богослуженію, но и въ усвоеніи навыковъ и вкусовъ, можно сказать, эстетическихъ и даже отчасти литературныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, было бы грубою ошибкой сводить все образовательное значеніе старинной малорусской школы только къ грамáткѣ, псалтирю и часловцу...

Мы имѣли возможность пересмотрѣть не мало школьныхъ сборниковъ, составленныхъ въ прошломъ и въ началѣ настоя-

---

[1]) Старосв. Бандуриста, Н. Закревскаго, 1866 г., 122.

[2]) Акты, издан. времен. коммиссіей, I, 108.

[3]) Жур. Мин. Нар. Просв., Январь, 1864 г., Сухомлиновъ „Училища и народное образованіе въ черн. губ.“, 9, 39.

Digitized by Google

щаго вѣка и предназначенныхъ для практическаго употребленія въ школѣ и внѣ школы. По своему формату они напоминаютъ наши записныя книги и заключаютъ въ себѣ массу всякаго рода стихотвореній на языкахъ славянскомъ, книжномъ малорусскомъ, народномъ малорусскомъ и даже польскомъ. Нерѣдко встрѣчаются въ этихъ сборникахъ и народныя пѣсни съ нотами и безъ нотъ. Изученіе этого матеріала, по нашему мнѣнію, должно служить основой для разъясненія интересующаго насъ вопроса о происхожденіи своеобразныхъ пріемовъ мысли и рѣчи во многихъ произведеніяхъ народной поэзіи и особенно въ народныхъ малорусскихъ думахъ.

Считаемъ необходимымъ прежде всего возстановить для себя отжившій образъ людей, которые занимались составленіемъ школьныхъ сборниковъ, удовлетворявшихъ, какъ видно, литературному вкусу и нравственнымъ потребностямъ своего времени.

Это были старинные *спудеи* высшихъ латинскихъ школъ и странствующіе дьяки, которые носили въ народѣ характерное прозваніе *мандро́ванныхъ* дьяковъ. Тѣ и другіе назывались также *пиворѣзами*—полагать надобно—по особенному пристрастію ихъ къ употребленію пива.

Извѣстно, что въ старину и высшая школа въ краѣ, Академія кіевская, не обезпечена была отъ нужды и голоданія. Содержалась она на доходы съ имѣній братскаго монастыря да на доброхотныя подаянія съ кіевскихъ и повѣтовыхъ обывателей [1]). Сборъ этихъ подаяній организованъ былъ посредствомъ такъ называемыхъ *конгрегацій*, но пользовались этимъ сборомъ только немногіе *спудеи*, жившіе въ самомъ братствѣ, большая же часть бѣдняковъ, приходившихъ въ братскія школы со стороны, должна была промышлять сама о себѣ. Лучшіе изъ нихъ поступали на *кондиціи* въ дома шляхетныхъ людей

[1]) Первый жалованный окладъ Академіи положенъ грамотою царей Петра и Іоанна Алексѣевичей въ 1694 г. Повелѣно было отпускать изъ кіевской казны на Академію, которая въ то время называлась еще Коллегіей, по 50 р. деньгами и по 50 четвертей хлѣба. Затѣмъ это содержаніе постепенно увеличивалось и дошло чрезъ столѣтіе въ 1797 году до 12 тысячъ рублей въ годъ. (Описаніе Кіева, Закревскаго I 162).

Digitized by Google

въ качествѣ домашнихъ наставниковъ, которые носили въ то время солидный титулъ *инспекторовъ*. Остальная братія тѣснилась по церковноприходскимъ школамъ, получая отъ прихожанъ скудное вознагражденіе пищею и дровами. По неволѣ приходилось добывать средства къ жизни испрошеніемъ подаяній. Цѣлыми толпами ходили по улицамъ города *миркачи*, получившіе это названіе отъ перваго слова пѣсни, въ которой выражались благожеланія домохозяевамъ за милостыню. Въ праздники Рождества и Воскресенія Христова они являлись въ дома обывателей съ поздравительными виршами и праздничными кантами. Когда же наступало время лѣтнихъ каникулъ, безпріютные бѣдняки расходились по всему краю съ разными запасами школьной мудрости, чтобы собрать какіе-нибудь денежные запасы на учебное время года. Это были своего рода хожденія въ народъ—такъ называемыя—*этепиціи*, послѣ которыхъ кіевская Академія не досчитывалась многихъ питомцевъ своихъ. Одни изъ нихъ увлекались обстановкою сельской жизни, о которой мечтали еще въ школѣ.

«Любезно село!» говорится въ одной рукописи прошлаго вѣка,
«Когда увижу твои сладчайшіи страви—
Капусту, горохъ, рѣпу, бобъ, въ салѣ варени?
О вечери щасливіи! О ночѣ блаженнѣ!» [1]).

Подъ вліяніемъ этой обстановки они затягивались глубже и глубже въ тину повседневной жизни, утѣшая себя мыслію, что наука не составляетъ ихъ призванія. Есть любопытная *прйказка* въ той же рукописи, изображающая это настроеніе:

«Не пнись, что тебѣ не дано отъ Бога:
Безъ Бога, знаешь, ниже до порога.
Если не рожденъ, не сунься въ науку:
Ахъ, многи черезъ то въ вѣчну впали муку!
Не многихъ мати породила къ школѣ.
Хочъ ли блаженъ быть?
Будь сытъ въ твоей долѣ» [2]).

---

[1]) Рукоп. Кіево-Михайлов. монастыря, № 1752.
[2]) Ibidem.

Digitized by Google

Могіне изъ *эпетентовъ* томились жаждою приключеній и исчезали безслѣдно на „славномъ Запорожьѣ“, слагая головы свои въ тревожной жизни войсковаго братства. Болѣе счастливые изъ нихъ находили тамъ же свое призваніе въ *каламарѣ* войсковаго писаря. Не мало было и такихъ, которые съ дерзновенною душею переступали черезъ порогъ панскаго дома въ качествѣ вольныхъ людей, а потомъ сами не знали, какъ вырваться на волю[1]). Но главнымъ убѣжищемъ для всѣхъ странствующихъ школьниковъ была сельская школа. „Школа всякимъ страннымъ домъ есть вольный“, гласитъ старинная народная пословица[2]). Здѣсь бросали якорь утомленные странники на болѣе или менѣе продолжительное время. Иные оставались въ приходѣ навсегда въ качествѣ дьяковъ или же помощниковъ мѣстнаго дьяка. Другіе шли дальше, постепенно усваивая привычку къ бродячей жизни, исполненной всякихъ треволненій и злоключеній. Нужно сказать, впрочемъ, что и весь посполитый людъ въ то время тоже пользовался правомъ вольнаго перехода отъ одного пана къ другому до самаго закрѣпощенія крестьянъ. Всѣ искали счастія въ передвиженіи съ мѣста на мѣсто, кромѣ тѣхъ, которые посредствомъ урядовъ и другихъ привиллегированныхъ положеній получали возможность свить себѣ теплое и прочное гнѣздо. Понятно, что и кочеванье школьниковъ изъ одной школы въ другую не могло казаться тогда явленіемъ страннымъ или же постороннимъ. Такъ, изъ самыхъ условій жизни выработалась въ старинной Малороссіи своего рода передвижная школа изъ бродячихъ школьниковъ, которые быстро превращались въ мандрованныхъ дьяковъ[3]).

---

[1]) Украинск. старина, Даниловскаго, 298—299.

[2]) Украинськи приказки, Номиса, стр. 119.

[3]) Случалось иногда, что видъ странствующаго школьника принимали на себя люди, желавшіе избѣжать опасности или же уйти отъ бѣды. Въ Лѣтописи Величка есть любопытное извѣстіе о противникѣ Дорошенка, гетманѣ Стрѣевскомъ. Онъ былъ разбитъ однимъ изъ отрядовъ войскъ Дорошенка и „отъ настоявшея ему тогда бѣди, сямъ и тамъ тулячися, спаслъ гоноръ свой гетманскій титуломъ школярскимъ“. (т. II, 224).

Digitized by Google

Чтобы познакомиться съ бытомъ и нравами этихъ людей, остановимся на автобіографіи одного изъ нихъ, Ильи Турчиновскаго, который „по школамъ волочился“ въ первой четверти прошлаго вѣка [1]).

Турчиновскій былъ сынъ березанскаго сотника, учился сперва въ мѣстной березанской школѣ, а потомъ въ низшихъ классахъ кіевской Академіи, откуда взятъ былъ матерью домой для помощи въ хозяйствѣ и „за домашнею суетою всего позабилъ“—и вотъ онъ началъ странствовать „для повиданія болѣе свѣта и ученія“. Сперва онъ состоялъ писаремъ дворовымъ при сотникѣ синявскомъ Мандрикѣ, а затѣмъ отправился съ двумя подобными себѣ искателями приключеній въ г. Могилевъ-Литовскій. На дорогѣ произошла между ними ссора. Спутники его—„лютые Діоклитіяне“, какъ онъ говоритъ, чуть было не убили его, но ограничились тѣмъ, что отобрали у него деньги. Въ пограничномъ селѣ Поповой Горѣ принятъ онъ былъ „до половины дяковской“ и пріютился въ приходской школѣ, но „лютые Діоклитіяне“ донесли на него сотнику компанейскому, который стоялъ въ томъ селѣ, что Турчиновскій по дорогѣ дьяковъ въ школахъ обижалъ, книги и деньги у нихъ похищалъ, поэтому тою же дорогою они возвращаться назадъ не могутъ. Сотникъ велѣлъ отобрать у него деньги, книжки и одежду и забить въ колодки, какъ вора, а за отобранныя вещи приказалъ шинкаркѣ подать судьямъ и тѣмъ „лютымъ Діоклитіянамъ“ меду. Начался шумный пиръ съ пѣніемъ, заставляли пѣть и осужденнаго: „еднакъ я,—говоритъ Турчиновскій,—хочай и покушался спѣвать, но за облиянніемъ слезъ не моглъ и гласу отвести“. Отъ шума и гама пирующихъ проснулся атаманъ компанейскій, который въ это время спалъ на печи. Оказалось, что это былъ давній знакомый отца Турчиновскаго. Дѣло приняло иной оборотъ. Турчиновскаго распросили, какъ слѣдуетъ, возвратили ему все имущество его, а клеветниковъ забили въ колодки на цѣлыя сутки. Мало того—

[1]) Рукопись первой половины XVIII в., напечатанная въ „Кіевской Старинѣ“, 1885 г., Февраль.

Digitized by Google

сотникъ компанейскій оставилъ его при себѣ писаремъ. Но не таковъ былъ Турчиновскій, чтобы усидѣть на одномъ мѣстѣ. Отпросился онъ у сотника въ Могилевъ „для обученія языка латинскаго и провидѣнія по свѣту людскаго обхожденія“. Перезимовалъ онъ въ Могилевѣ въ школѣ при покровской церкви, а весною поступилъ въ іезуитскую школу. Случайно услышалъ пѣніе его православный епископъ въ церкви Преображенія Господня и, узнавъ, что пѣвецъ былъ православный, пригласилъ его въ должность пѣвческую. Іезуиты прогнали его отъ себя, какъ схизматика. И на новомъ мѣстѣ не обошлось безъ приключеній. Поссорился онъ съ регентомъ архіерейскаго хора, который, злобствуя на него, во время всенощной на Свѣтлое Воскресеніе Христово „пхнулъ его изъ хоръ черезъ желѣзные балясы“. „Летѣлъ я, говоритъ Турчиновскій, исъ хоръ на долъ, и ежели бы не потрапилъ на женскія главы, то бы о камень мармуръ разбился. И многимъ женамъ повреждены были главы, а единой старусѣ и вся глава сломилась, якая у три дня и умерла“.—Регентъ, боясь гнѣва архіерейскаго, принялъ католическую вѣру и продолжалъ преслѣдовать Турчиновскаго. „Бѣгая того зла“, отпросился онъ у архіерея съ двумя пѣвчими въ г. Шкловъ, гдѣ пристроился въ качествѣ регента при монастырѣ Благовѣщенія. Прожилъ онъ здѣсь четыре года. Но и тутъ, по обыкновенію, нашлись враги у него. Одинъ разъ вмѣстѣ съ какими-то странствующими двумя студентами изъ Кіева на Свѣтлое Воскресеніе „выправилъ“ онъ „діалогъ зъ интермедіею, на якій многолюдствіе благочестивыхъ собралось, и римлянъ, и самихъ езовитовъ, и доменѣканъ, и жидовъ“. Мѣстный органистъ доминиканскаго кляштора, по наущенію католическаго духовенства, пригласилъ его до „органовъ спѣвать“. Турчиновскій отказался, не смотря на приказаніе губернатора. За это органистъ съ замковыми драгунами избилъ его до полусмерти. Пришлось лѣчиться отъ побоевъ, но по выздоровленіи обиженный съ своими пѣвчими засталъ „того органѣсту въ ночное время въ шинку и отреванъжевалъ ему такожъ кіями и шаблями“..... Послѣ этого происшествія нельзя уже было оставаться въ Шкловѣ, поэтому Турчиновскій,

Digitized by Google

„забравши всѣхъ пѣвчихъ, дубомъ по рѣкѣ Днѣпру пустился внизъ“. На дорогѣ судно наскочило на корчу, пловцы едва спаслись, благодаря прибрежнымъ рыбакамъ, а имущество ихъ вмѣстѣ съ судномъ затонуло. Добрались они кой-какъ до Чернигова. Здѣсь два спутника Турчиновскаго поступили на службу къ архіерею Радіону Жураковскому, а самъ Турчиновскій вмѣстѣ съ остальными четырьмя пѣвчими пріютился по просьбѣ генеральнаго обознаго Якова Лизогуба въ Седневѣ въ качествѣ дьячка. Жилъ онъ тамъ цѣлый годъ, чтобы заработать на одежду и, „мало пріодѣвшись“, прибылъ на свою родину, гдѣ засталъ еще въ живыхъ отца, и мать, и всѣхъ родныхъ своихъ. „Въ дому мало поживши“, направился онъ въ Переяславль, гдѣ и принятъ былъ регентомъ въ „катедру“. Въ 1718 году женился и въ томъ же году епископомъ переяславскимъ Кирилломъ Шумлянскимъ рукоположенъ за заслуги пѣвческія въ священники на родину, въ м. Березань.—Такъ окончилась дьяческая карьера Турчиновскаго, который, вслѣдствіе безпокойнаго нрава своего, претерпѣвалъ не мало всякихъ бѣдъ и въ должности священника.

Отдѣляя то, что относится къ личнымъ качествамъ самаго Турчиновскаго, не можемъ не признать въ немъ одного изъ типичныхъ представителей *мандрованныхъ* дьяковъ. Всѣ они, какъ и Турчиновскій, отличались въ большей или меньшей степени продерзостью нрава и отвагой, управляемой голодомъ и выносливостью въ испытаніяхъ всякаго рода. Въ дополненіе къ этимъ чертамъ занимающаго насъ тина приводимъ отрывки изъ одной интерлюдіи Довгалевскаго, нигдѣ еще не напечатанной, по рукописи первой половины прошлаго вѣка [1]).

Начинается интерлюдія монологомъ одного пиворѣза, который размышляетъ о томъ, куда бы ему „приодягшись мало“ помандровать—въ Березну или въ Коропъ. Плѣняетъ его градъ Коропъ, гдѣ всякіе

«користы бываютъ», куда
«И соборніи нашѣ учащаютъ,

[1]) Рукопись Кіево-Михайловскаго монастыря, 1736 года, № 1710.

Digitized by Google

Всѣмъ той камень, прибѣжище зайцемъ и маты,
Гдѣ братія животъ свой жаждетъ скончевати.
Камо и азъ шествую алчній, жаждній пити,
Да животъ мой въ градѣ томъ могу кончити,—
Въ немъ-же мы отъ дѣтскихъ лѣтъ криличествовали
И по шагу изъ дыму рокового брали.
И тамъ насъ братія соборнѣйша знаетъ,
Только туди появлюсь, то вся прибѣгаетъ
Подъ нашу милость, дабы клиру сопричтити,
И соборъ межъ братію добре утвердити.
Не только жъ мы умѣемъ клиромъ управляти,
Но можемъ еще кунштн разніе писати.

Является другой пиворѣзъ. Завязывается между ними разговоръ. Мы бывало, говоритъ новый пришелецъ,

«Якъ колись на мѣсцѣ бували,
То до мене всѣ странни въ школу прихождали,
Ми бувало всіого по достатку маемъ,
И хто прійдетъ къ намъ въ школу, любезно вгощаемъ:
Веліе бяше число у насъ горѣлицѣ,
Полни чванцы текущы зъ подъ трубной криницы,
И всего, слава Богу, бяше по достатку,
Що у людей, то и въ насъ—всякого статку,—
Да и теперъ богати: маемъ волн и телицы,
Иже купно мандруютъ по стѣнѣ къ трубницѣ».
«Не хвалѣтесь,

отвѣчаетъ своему собрату первый пиворѣзъ,

«бо и мы блощичного роду,
Маемо по достатку и всякого плоду,
Доволствуемъ же зѣло, что хлѣба нѣ куса,
Все ходячи по школѣ справляемо труса,
Потрясшы кучерамы, да спаты лѣгаемъ,
А уставши раненко, бражку подпиваемъ».

Собесѣдники затѣмъ распрашиваютъ другъ друга, откуда кто идетъ. Первый говоритъ, что идетъ онъ „зъ Середнои Буди“, что хотѣлъ бы пойти въ Березну, но боится,

Digitized by Google

«бо построивъ штуки,
«Такъ щобъ не попастися протопонѣ въ руцы».

Рѣшаются они вмѣстѣ идти въ Коропъ, излюбленный городъ пиворѣзовъ, но чтобы „добре залѣцятись“, находятъ нужнымъ снять портреты другъ съ друга:

«Напередъ мене зволте вмаліовати,
А потомъ мы важецѣ будемъ рисовати».

Въ это время приходитъ къ нимъ мужикъ съ вопросомъ:

«Скажѣть, панове деки, мудріи вы люде,
Чи Кавель Кавеля вбивъ, кому брехня буде,
Чи минѣ-бъ то съ кумомъ, чи моему свату:
Все не даетъ просвѣтку—дай же его кату!»
—«Не бойся онагрику [1]),— отвѣчаетъ ему одинъ пиворѣзъ,—кума побѣдиши,
Аще на горѣлицу шага положиши».
—«Мы тобѣ, пане дяче,—говоритъ мужикъ,— и всіого потроху
Дамо крупѣвъ и солы, пшона и гороху».

Пиворѣзы приготовляются затѣмъ къ снятію портретовъ. Захотѣлось и мужику, чтобы и съ него сняли портретъ.

«Добре,—отвѣчаетъ ему первый пиворѣзъ,— мы служить охочѣ,
Отмалюемъ усіого, толко заплющъ очи».

Мужикъ закрываетъ глаза, а нашъ любитель „штукъ“ вымазываетъ ему краской все лице, при чемъ товарищъ его высказываетъ сожалѣніе, что маляръ

«не залѣпивъ ему рота,
Якъ пѣйде до громады да войту искаже,
Той намъ кіями ктитарь пекарню помаже».

---

[1]) Онагръ—asinus ferus.

Digitized by Google

Не обошлась эта проказа нашимъ пиворѣзамъ даромъ. Собрались въ школу пріятели наивнаго мужика, чтобы проучить проказниковъ.

«Гледи лишъ, Тарасе,—говоритъ одинъ изъ мужиковъ,
«да стань отъ порога,
То мы легкобитовѣ приниляемъ рога,
И іонъ, ... синъ, поднявъ смѣхъ зъ нашого брата.
Коли бъ що добре таки, а то шарапата».

Сцена оканчивается посрамленіемъ пиворѣзовъ: „забиваютъ,—говорятъ они убѣгая,—нищету нашу и печаль нашу... Обійдоша мя псы мнози... Жезлъ твой и палица твоя та мя утѣшиста... О Бозѣ моемъ прелѣзу стѣну... Сонмъ лукавихъ обдержаша мя“...

Картина, очевидно, снятая съ натуры. Дѣйствія въ ней мало, но типы обрисованы выпукло и ярко. Пиворѣзы стоятъ передъ нами, какъ живые. Нѣсколько они подходятъ къ той категоріи людей, которыхъ въ наше время обыкновенно называютъ неудачниками. Изъ школы они не вынесли законченныхъ знаній и пустились по свѣту промышлять обрывками науки, которая въ цѣломъ своемъ составѣ была для нихъ, „яко темная вода во облацѣхъ воздушныхъ“. Съ этими обрывками они появлялись въ народѣ и озирали его съ высоты своего школярскаго величія. Лучше всего выразилъ это настроеніе въ виршахъ своихъ монахъ Климентій, современникъ Турчиновскаго, человѣкъ тоже пиворѣзнаго типа:

«Въ простого мужика простый есть обычай,
А въ письмéннаго особый, политичный звычай» [1]).

Не симпатиченъ для насъ этотъ „звычай“—въ безцѣльной игрѣ жизнію строить всякія „штуки“, рисоваться передъ народною толпой въ качествѣ удалыхъ, добрыхъ молодцевъ,

[1]) Основа, 1861 г., Январь, 176.

Digitized by Google

„залицяться“ съ поселянками посредствомъ портретовъ, конечно, за невозможностію имѣть при себѣ фотографическія карточки нашего времени. Не симпатична для насъ эта полупьяная и даже совсѣмъ пьяная удаль, подогрѣваемая убѣжденіемъ, что можно въ худшемъ случаѣ спрятать концы въ воду и избѣжать надлежащаго возмездія.

Тѣмъ не менѣе возмездіе, какъ видимъ мы изъ интермедіи Довгалевскаго, было возможно. Въ народѣ, тогда еще незакрѣпощенномъ, сохранялось чувство человѣческаго достоинства:

«Що се тобѣ, Артюше, сталося такее,

говоритъ пріятель мужика, надъ которымъ пошутили пиворѣзы,

Що жъ мы въ перше изъ роду видимо отъ сее.
Що такъ отъ легкодуха терпѣтимуть люде?
Едже, якъ не выбемо, то изъ насъ смѣхъ буде».

Мы должны понимать слово „въ перше“ для даннаго случая въ той мѣстности, гдѣ случилось это происшествіе, но полагать надобно, что и въ другихъ мѣстахъ оно вызвало бы тѣ же прискорбныя для пиворѣзовъ послѣдствія. При этомъ нужно еще имѣть въ виду и то обстоятельство, что—такъ или иначе—а все-же пиворѣзы состояли въ матеріальной зависимости отъ того самаго мужика, которому они любили, какъ говорится, пустить пыль въ глаза, поэтому они не могли давать полной воли дурнымъ привычкамъ своимъ. Напротивъ того, въ собственныхъ интересахъ своихъ они должны были выдвигать передъ нимъ лучшія качества свои—не столько научныя познанія, которыя у нихъ были скудны, сколько литературные и вообще художественные вкусы и навыки. Мы видимъ изъ интермедіи, что они умѣютъ и рисовать, и кунштъ разные писать и, конечно, церковныя пѣсни и канты разные распѣвать. Все это шло на потребу сельскаго люда для удовлетворенія, главнымъ образомъ, его религіознаго чувства. Но такъ

Digitized by Google

какъ это чувство непосредственно сливалось съ поэтическимъ міровоззрѣніемъ народа, съ бытовыми подробностями его жизни,—то для насъ сдѣлается совершенно яснымъ, почему весь этотъ пиворѣзный людъ пользовался поддержкой и даже симпатіями народа. По крайней мѣрѣ, въ народныхъ пѣсняхъ нѣтъ сердитыхъ нотъ, вызванныхъ недостатками и слабостями пиворѣзовъ. Есть пѣсни о дьякахъ, изображающія нѣкоторыя неудачныя похожденія ихъ въ область женской красоты, но онѣ сложены въ добродушно шутливомъ тонѣ, который свидѣтельствуетъ о томъ, что дьякъ былъ свой человѣкъ въ приходѣ, — не только свой, но и симпатичный человѣкъ, безъ котораго немыслимо было обычное теченіе сельской жизни въ самыхъ интимныхъ проявленіяхъ ея.

Нужно сказать, впрочемъ, къ чести пиворѣзовъ, что они сами расположены были къ сознанію собственныхъ своихъ недостатковъ и даже къ сатирическому изображенію ихъ. Любили они упражняться въ сочиненіяхъ, направленныхъ къ самообличенію. Въ школьныхъ сборникахъ прошлаго вѣка нерѣдко попадаются жестокія по тону обращенія къ пиворѣзамъ, чтобы они отстали отъ главнаго порока своего—пьянства. Комизмъ этихъ обращеній усиливается литературной формой ихъ, обусловленной спеціальнымъ занятіемъ пиворѣзовъ: это именно форма обычныхъ церковныхъ чтеній и пѣснопѣній. Въ одной рукописи церковно-археологическаго музея при кіевской Академіи мы нашли не малое количество такого рода произведеній подъ слѣдующими заглавіями: „Правило увѣщательное пияницамъ, пѣваемое не въ церквахъ, но в школахъ“; „Отъ посланія бахусового къ пиворѣзамъ чтеніе“; „Отъ притчей пиворѣза Березовскаго чтеніе“; „Синаксаръ на память пияницамъ о изобрѣтеніи горѣлки“; сверхъ этого—пѣсни на разные ирмосы, тропари и кондаки. Приводимъ для образца одинъ изъ кондаковъ, гласъ пятый:

«Радуйтеся, пиворѣзы, и паки реку: радуйтеся! Се радости день приспѣваетъ, день, глаголю, праздника рождественскаго збли-

Digitized by Google

жется! Востаните убо отъ ложей своихъ и воспріймѣте всякъ по своему художеству орудія, содѣлайте вертепи, склейте звѣзду, составте партесы, — егда же станете по улицахъ со звукомъ бродить, пщуще сивухи, пріймутъ васъ козаки во кровы своя» [1]).

Пиворѣзнымъ настроеніемъ вѣетъ отъ этого кондака, поэтому мы и думаемъ, что онъ могъ быть составленъ въ средѣ самихъ пиворѣзовъ или же въ средѣ людей пиворѣзнаго происхожденія. Мы разумѣемъ осѣдлыхъ дьяковъ, въ составъ которыхъ входили многіе пиворѣзы, бѣжавшіе изъ латинскихъ школъ. Постепенно сливаясь съ народною массой, они превращались такимъ образомъ изъ *латинниковъ* въ *псалтирниковъ* и относились уже отрицательно къ своему прошлому, которое любили изображать въ „кунштахъ и виршахъ“ юмористическаго содержанія на тему о томъ, что „стоить латина, привязана пидъ тиномъ“ и т. п. Такова, напримѣръ, полувирша, полупѣсня: „Бувъ Грыцько мудрый родомъ зъ Коломыи“. Нерѣдко встрѣчается она въ школьныхъ сборникахъ XVIII в., даже и теперь еще не позабыта въ народѣ. Выступаетъ этотъ Грыцько передъ нами, какъ „мудрый“ *латинникъ*, который такъ „учився добре на философіи“, что на шестнадцатомъ году уже и „псалтырку знавъ“. Вотъ приходитъ онъ домой. Отецъ приглашаетъ къ себѣ пастуховъ, чтобы они его „запыталы и, що знае, спробувалы“. Пастухи люди скромные: они чувствуютъ себя въ неловкомъ положеніи, „бо винъ филозопъ“. Присмотрѣвшись ближе къ этому „филозопу“, они осмѣливаются сказать ему, что и „мы ту латыну знаемъ, толко тебе ся питаемъ, якъ-то по латынѣ женутъ въ поле свынѣ, скажи ты намъ“. Взялъ Грыцько книжку и „пишовъ до хлива, ставъ у кутку съ презенцію, мовитъ свинямъ орацію: алянтусъ, свинянтусъ, згризантусъ травантусъ на стерниску“. Голодныя свиньи бросились къ дверямъ и разбѣжались. Тогда „батько Грыцька за чуприну: а за що ты, скурвый сыну“, выругалъ свиней и разог-

[1]) Рукоп. Церковно-Археолог. музея при Кіевск. Академіи № 151.

Digitized by Google

налъ ихъ. Видитъ Грыцько, „що не жарты, забравъ въ торбу торбу усѣ карты, далѣ Грыцько — въ обѣ ногы, мановыкомъ безъ дорогы, рукамы махае, писенку складае самъ о соби“ [1]).

Таковы были люди, подвизавшіеся на церковно-педагогическомъ поприщѣ въ старинной Малороссіи. Мы видѣли, что они далеко не свободны были отъ разныхъ нравственныхъ недостатковъ, отчасти неизбѣжныхъ въ томъ положеніи, которое они занимали: безъ кормила и руля шли они на встрѣчу всѣмъ случайностямъ жизни, „не ощущая на хребтахъ своихъ, какъ говорится въ одной сатирѣ на пиворѣзовъ, отягощенія торбъ, бездѣльными шпаргалами наполненныхъ“ [2]). Въ виду этой обстановки нашихъ старинныхъ педагоговъ, мы не беремъ на себя смѣлости въ рѣшительномъ тонѣ осуждать ихъ съ точки зрѣнія современныхъ намъ этическихъ требованій отъ народнаго учителя. Знаемъ мы, что и въ то время могли смотрѣть на нихъ съ укоризной люди, которые учились въ тѣхъ же латинскихъ школахъ, но, благодаря своимъ талантамъ и счастью, проложили себѣ болѣе широкій путь въ жизни. Воззрѣнія этихъ людей, тоже не безгрѣшныхъ въ разныхъ иныхъ отношеніяхъ, меньше всего могутъ служить надежной точкой опоры для оцѣнки мелкихъ дѣятелей просвѣщенія, которые довольствовались убогою и скромною долей сельскихъ бакаляровъ, и потому не оставили послѣ себя громкихъ именъ, отмѣченныхъ въ исторіи края. Между тѣмъ въ нихъ-то, по нашему мнѣнію, и заключалась вся сила просвѣтительнаго движенія, начатаго по иниціативѣ народа и не отрывавшагося въ старину отъ народной почвы. Это взаимодѣйствіе народныхъ и книжныхъ вліяній, въ связи съ подвижнымъ составомъ старинной малорусской школы, многое объясняетъ намъ, какъ въ міровоззрѣніи малорусскаго

---

[1]) Рукописный Сборн. XVIII в. Кибальчича, списанный Нейманомъ.

[2]) Рукоп. Церковно-Археолог. Музея при кіевск. Акад. № 151.

Digitized by Google

народа, такъ и въ поэтическомъ выраженіи этого міровоззрѣнія.

Обратимся теперь къ самому содержанію „бездѣльныхъ шпаргаловъ“, которые служили для *молодиковъ* старинной нашей школы лакомой приправой къ изученію грамáтки, псалтиря и часловца.

Digitized by Google

III.

Старинныя малорусскія вирши.

Еще въ первой половинѣ XVII вѣка Кириллъ Транквилліонъ-Ставровецкій предназначалъ свое „Перло многоцѣнное“ для студентовъ, которые, по его мнѣнію, могли „съ тои книги святои выбирати вѣрши на свою потребу и творити зъ нихъ орації розмаитыи часу потребы своеи, хочъ и на комедіяхъ духовныхъ“ [1]). Сами студенты соревновали другъ съ другомъ въ стихотворномъ искусствѣ, или, какъ тогда говорили, въ „поетицкомъ художествѣ“. Оно считалось самымъ рѣшительнымъ признакомъ литературнаго образованія, обязательнымъ для *письмéннаго* человѣка, учившагося въ латинскихъ школахъ. Оно входило, такъ сказать, въ самый обиходъ жизни, какъ служебное орудіе разнообразныхъ задачъ ея, не имѣвшихъ большею частью ничего общаго съ поэзіей. Плодомъ этого школьнаго воззрѣнія на „поетицкое художество“ была громадная литература южнорусскихъ виршей, написанныхъ въ XVII и XVIII вв. и предназначенныхъ какъ бы для того, чтобы утонуть въ пучинѣ забвенія. И въ самомъ дѣлѣ, отъ нихъ не осталось, повидимому, ничего, кромѣ глухаго упоминанія въ учебникахъ литературы, что нѣкогда процвѣталъ въ школахъ и сей родъ поэзіи.

Не станемъ и мы извлекать изъ рукописей и старопечатныхъ книгъ всего виршеваго матеріала, созданнаго особенными вкусами и потребностями схоластической мысли. Мы обратимъ исключительное вниманіе только на тѣ вирши, которыя находятся въ соприкосновеніи съ народнымъ самочувствіемъ, съ народною

---

[1]) Перло многоцѣнное, ч. I, стр. *f*, 2-е изд. (въ Могилевѣ), 1699 г.

Digitized by Google

самодѣятельностью въ области поэтическаго творчества. Многія изъ нихъ вошли въ составъ, такъ называемыхъ, духовныхъ стиховъ и сохранились до настоящаго времени въ полународной, въ полукнижной формѣ. Отсюда распространилось ихъ вліяніе и на другія сферы народной поэзіи семейнаго и общественно-бытоваго содержанія. Затрогивая самыя интимныя стороны народной мысли и чувства, онѣ содѣйствовали установленію основнаго тона, который звучитъ въ народной малорусской поэзіи. Мы разумѣемъ то настроеніе ея, которое выражается въ оригинальномъ сліяніи скорби и смѣха, безграничной вѣры и безпощаднаго сомнѣнія. Въ настоящемъ очеркѣ мы поставили для себя задачей выяснить это настроеніе, на сколько оно проявляется въ виршахъ, чтобы найти такимъ образомъ исходную точку къ приблизительному рѣшенію вопроса о происхожденіи и поэтической редакціи народныхъ малорусскихъ думъ.

Мы остановимся прежде всего на виршахъ нравоучительнаго содержанія, затѣмъ перейдемъ къ виршамъ нравоописательнаго содержанія. Первыя носили названіе *псальмъ*, вторыя—*кантовъ*, хотя оба эти названія не были безусловно обязательны для виршей того и другаго рода. Не мало нравоописательныхъ виршей существуетъ также въ видѣ школьныхъ интермедій. Обзоръ виршеваго матеріала мы закончимъ виршами историческаго содержанія.

Вирши нравоучительнаго содержанія.

Что такое жизнь человѣческая? Что означаетъ смѣна однихъ порядковъ и явленій ея другими? Въ чемъ заключается добро и зло ея? Совпадаетъ-ли первое съ идеей счастія, а послѣднее съ идеей несчастія? Чего долженъ желать человѣкъ, къ чему долженъ стремиться онъ?

Все это старые вопросы, на которые есть и готовые отвѣты, но въ этихъ отвѣтахъ всегда есть также индивидуальная примѣсь, или-же то психическое *нѣчто*, которое накопляется цѣлымъ рядомъ поколѣній и составляетъ этническій признакъ, отличающій одну народность отъ другой. *Нѣчто* это есть и въ виршахъ нра-

Digitized by Google

воучительнаго содержанія, безъ сомнѣнія, потому что составители ихъ были люди, выходившіе изъ народа и не терявшіе бытовыхъ связей съ нимъ. Конечно, выражаются они въ своихъ виршахъ, какъ люди *письмéнные*, но думаютъ и чувствуютъ, какъ люди народные. Смотрятъ они на жизнь съ высоты религіозно-философскаго отрицанія, въ которомъ есть добрая доля пессимизма, свойственнаго міровоззрѣнію малорусскаго народа. Но на днѣ этого пессимизма лежитъ нѣжное участіе къ людямъ, оторваннымъ отъ родной семьи, заброшеннымъ и обездоленнымъ. Это пессимизмъ украинскій, проникнутый сентиментальнымъ настроеніемъ.

Жизнь и смерть, смерть и жизнь, только иная, загробная, лучшая, — вотъ та естественная смѣна идей, въ которой вращается мысль вѣрующаго человѣка. Смерть есть моментъ освобожденія духа нашего отъ оковъ плоти, поэтому спокойно взираетъ на смерть тотъ человѣкъ, который думаетъ о вѣчности. Напротивъ того, боится смерти тотъ, кто увлекается земными наслажденіями и радостями.

На эту тему написано множество виршей въ XVII и XVIII вв. Самая древняя изъ нихъ и въ то-же время самая полная принадлежитъ тому-же Кириллу Транквилліону-Ставровецкому. Онъ помѣстилъ ее въ своемъ „Перлѣ многоцѣнномъ“ подъ заглавіемъ: „Лѣкарство роскошникамъ того свѣта—пѣснь вдячная при банкетахъ панскихъ“. — Поется эта пѣснь отъ лица покойника-пана, который застигнутъ былъ смертью врасплохъ. „Гдѣ мои нынѣ, восклицаетъ онъ, замки коштовные, мурованыи, а шкатули, злотомъ нафасованыи? Гдѣ мои пресвѣтлыи, златотканныи шаты, рыси, соболе, кармазины и дорогыи шкарлаты?“ Горько сѣтуетъ онъ, что „несподѣване“ смерть „зъ всего“ его „обнажила и межи смродливыми трупы положила“. „Пріятелѣ мои“, продолжаетъ онъ, „далеко отъ мене стали и носы свои предъ смрадомъ моимъ позатикали. Вчера въ дому моемъ было гойне веселье, музиковъ играня, а спѣваковъ веселое спѣване, и на трубахъ мѣдяныхъ выкрикане, скоки, танцѣ, веселое плясаня,—вина наливай, выпивай, проливай,—столы мои сладкими покормы покрытіи, гости мои и пріятелѣ—персоны знаменитіи, а нынѣ мене все доброе и весе-

Digitized by Google

лое минуло, слава и богатство на вѣки уплынуло".—Во цвѣтѣ молодости умеръ панъ, и ничего больше не осталось ему въ утѣшеніе, какъ только безплодное сознаніе, что смерть могущественнѣе жизни, что она „на всѣхъ мечъ свой лютый обнажила".—„Где нынѣ", восклицаетъ онъ, „тиранове неужитыи и князи на землѣ знаменитыи,—где нынѣ воинове горделивыи и мучителѣ невинныхъ злосливыи?" „Ты, обращается онъ къ смерти, съ премудрыхъ филозофовъ смѣховиско строишъ, у главѣ ихъ, где свѣтлая премудрость столицу свою мѣла и въ ней почивала, тамъ нынѣ тылько смродливая пустка зостала... Ты риторскій языкъ сладкоглаголивый безгласіемъ связуешъ и предъ многими его показуешъ, яко нѣмого болвана" [1])...

Много *риторскаго языка* въ этой пространной виршѣ. Она есть какъ-бы голосъ съ того свѣта,—конечно, болѣе громкій, чѣмъ молчаливыя дѣянія всемогущей смерти. — Для насъ важенъ этотъ голосъ по разнообразію мотивовъ, которые слышатся въ немъ и которые въ другихъ виршахъ развиваются отдѣльно. Это—мысли о скоротечности жизни, о тщетѣ благъ міра сего и, наконецъ, о всемогуществѣ смерти.

Послѣдняя мысль слабо развита въ другихъ виршахъ и въ духовныхъ стихахъ виршеваго происхожденія. Смерть въ этихъ послѣднихъ обрисована кратко: она „страшна вельми собою, лютымъ огнемъ наполнена и отъ лица возстраждена" [2]). Гораздо рельефнѣе выступаетъ образъ ея въ извѣстномъ сказаніи о прѣніи живота съ смертію, которое встрѣтилось намъ въ одной изъ рукописей XVIII в. Малорусскій текстъ сказанія, по всей вѣроятности, составленъ по одной изъ польскихъ редакцій его западно-европейскаго происхожденія [3]).

Зато первыя двѣ мысли подробно развиваются, какъ въ виршахъ, такъ и въ духовныхъ стихахъ.

Въ Богогласникѣ подъ № 227 помѣщена вирша, озаглавленная такъ: „Жаль надъ злѣ иждивеннымъ временемъ житія" [4]).

---

[1]) Перло многоцѣнное, ч. II, стр. 149.

[2]) Стихъ, записанный В. П. Горленкомъ въ Лохвицѣ отъ лирника Кравченка.

[3]) Рукопись церковно-археологич. музея при кіевс. дух. академіи, β, 52.

[4]) Мы пользовались сравнительно позднимъ изданіемъ Богогласника—1825 г. Вирши, напечатанныя въ этомъ изданіи, подправлены и подновлены: онѣ, какъ

Digitized by Google

Нерѣдко встрѣчается она и въ рукописныхъ сборникахъ конца прошлаго вѣка. Въ ней высказываются сѣтованія на внезапное появленіе смерти въ тѣ годы жизни человѣка, когда онъ вкусилъ уже отъ чаши наслажденій, но не допилъ ее до дна.

«Ахъ, ушлы мои лѣта,
Какъ вихоръ съ круга свѣта»,

такъ начинается эта вирша,

«Толко такъ мнѣ падалося»,
Что одинъ день прожилося».

Страшная гостья приказываетъ человѣку идти въ далекую дорогу, „на тотъ свѣтъ до Бога".

«Съ чемъ же тамъ я появлюся,

вопрошаетъ онъ самого себя,

Чимъ я Богу прислужуся?
Ны свѣтила, ны кадила,
Все то смерть роспорошила!»

Однако же, по нѣкоторомъ раздумьи, находитъ онъ, что смерть тутъ ни при чемъ, что самъ онъ виноватъ въ своей судьбѣ. Убаюкивалъ онъ себя мыслію, что „не часъ еще" ему умирати,

«Треба вѣку доживати»,—

что

«Старость будетъ на тое,
Чтобы дѣлать все благое».

И вотъ онъ

«Старости не дождался,
И на тотъ свѣтъ не прыбрался» [1]).

сказано въ предисловіи, предлагаются „аки снѣдь, иными смаками утворенная и наново приготовленная, аки одежда обветшавшая, перешита же и обновлена, или аки потемненное сребро, искушено же огнемъ и ощищенно седмерицею". Поэтому мы будемъ пользоваться преимущественно рукописными сборниками конца прошлаго вѣка, обращаясь къ Богогласнику только въ тѣхъ случаяхъ, когда текстъ виршей въ рукописяхъ представляетъ явные слѣды искаженія. Многія вирши, отмѣченныя именами авторовъ, могли быть сочинены вновь почаевскими базиліанами для изданія 1825 г., поэтому онѣ совсѣмъ не войдутъ въ наше обозрѣніе.

[1]) Сборникъ Кибальчича, № 53: „Пѣснь о покаяніи". См. также Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, Головацкаго, ч. III, отд. I, 285.

Digitized by Google

Въ записяхъ этой вирши отъ лирниковъ—тѣ же мысли и тотъ же тонъ, только нравоученіе короче и языкъ, конечно, чище [1]).

Не мало есть также виршей, написанныхъ на тему „omnia vanitas“. Самая распространенная изъ нихъ та, которая начинается словами: „Кажуть люде, що я умру“... Она помѣщена въ Богогласникѣ подъ № 236 и тоже довольно часто встрѣчается въ старинныхъ спискахъ. Главный мотивъ ея, какъ и въ виршахъ Транквилліона, заключается въ противоположеніи между жизнію здѣсь и тамъ, за гробомъ.

«Зостанется сребро и злато, дорогіе шаты,
А вже жъ мѣнѣ изъ собою нѣчого не взяты!
А хотяй бымъ взялъ изъ собою, тамъ того не треба,
Саджонъ землѣ, четыри дощки, спасенія з неба» [2]).

Въ народной обработкѣ эта вирша отличается особенною задушевностію тона [3]).

Но вотъ—окончилось земное существованіе человѣка. „Простите мя“, говоритъ онъ словами одной вирши, разставаясь съ жизнію, „братья милая и други,

Поля, холми и дубрави, зеленіе луги:
Вже жъ мнѣ по васъ не гуляти,
Вже прийшолъ часъ мнѣ помирати» [4]).

Что-же ожидаетъ его тамъ въ первыя минуты загробной жизни, въ томъ переходномъ состояніи, когда душа его не нашла еще для себя опредѣленнаго положенія?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ вирша, помѣщенная въ Богогласникѣ подъ № 235 и начинающаяся словами: „Егда душа отъ тѣла разлучается“. Разсказывается въ ней о томъ, какъ появилась грѣшная душа въ воздушныхъ мытарствахъ. Видитъ

---

[1]) „Кіевская Старина“, 1883 г., Февраль, 468.

[2]) Сборникъ Кибальчича, № 51: „Пѣснь о покаяніи“. См. также Народныя пѣсни, Головацкаго, ч. III, отд. 1, 286.

[3]) Народныя южнорус. пѣсни, Метлинскаго, 371. См. также „Кіевс. Старина“, 1889 г., Февраль, Сборникъ Ищенка, 1780—82 г.

[4]) Рукопись церковно-арх. музея при кіевс. академіи, № 489.

Digitized by Google

она тамъ своего ангела-хранителя, кается въ своихъ прегрѣшеніяхъ и умоляетъ о защитѣ. Но это было уже позднее раскаяніе: „о человѣче, говоритъ ему ангелъ, собиралъ еси въ семъ мирѣ не по мѣрѣ,

Сокрывалъ еси себѣ богатство,
Затворялъ еси свои врати предъ сироти,
Втратилъ еси царство» [1]).

Объ этомъ разсказывается въ духовномъ стихѣ нѣсколько иначе.—„Изъ Кыева, изъ Ерусалыма, видтиль ишло тры черныченькы“—одна съ крестомъ, другая съ евангеліемъ, третья съ кадильницей. Встрѣчаетъ ихъ Божья матерь и спрашиваетъ ихъ, гдѣ онѣ были, и что видѣли. Отвѣчаютъ онѣ ей, что были онѣ въ Кіевѣ и видѣли,

«Якъ душа зъ тиломъ ростаралася,
Роставаласи, та й позналася:
Чомъ-же ты, тило, чомъ не терпило,
Постивъ не постыло? Чомъ-же ты, душе, недили не чтыла?
Будешъ же ты, тило, въ сырій земли прыты,
А ты будешъ, душе, у огни гориты» [2]).

Далѣе слѣдуетъ въ виршахъ картина страшнаго суда. Въ Богогласникѣ она изображена подъ №№ 35, 36, 37, 239, 242. Не мало есть и духовныхъ стиховъ о страшномъ судѣ [3]). Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ясно отражается вліяніе извѣстныхъ апокрифическихъ „Вопросовъ Іоанна Богослова Господу на Ѳаворской горѣ“. Вотъ одинъ изъ этихъ стиховъ, болѣе выразительный и, сколько намъ извѣстно, нигдѣ еще не напечатанный:

«Страшный судъ наступыть,
Хто добре заробыть, той царства доступыть...

---

[1]) Ibidem.

[2]) Труды этнографическо-статистич. экспедиціи, Чубинскаго, т. I, 149—151. Въ виршахъ и стихахъ о грѣшной и праведной душѣ послѣ разлуки ея съ тѣломъ отразилось вліяніе извѣстнаго „Слова о видѣніи ап. Павла“. (См. Сумцова, „Очерки исторіи южнорусскихъ апокрифическихъ сказ. и пѣсенъ“, „Кіевс. Старина, 1887 г., Ноябрь, 423.

[3]) Метлинс., Народн. южнор. пѣсни, 272. Чубинс., Труды экспедиціи, 1 т., 220. Записки Юго-запад. отдѣла географич. общества, Матеріалы, 24, 31. „Кіевс. Старина“, 1889 г, Сентябрь, 694.

Digitized by Google

А впадуть зори зъ высокого неба,
Займеться море й глибоки криниці,
А зирвуться витры—а дуже буйніи,
А позносять горы, що будуть ривныи.
Затрубыть янгелъ въ янгельскую трубу:
«Вставайте, умерши, до страшного суду!»
Ой якъ прыйшла жъ душа та до свого тила:
Гришный чоловиче, здайся зъ свого дила!
Ой на Сафатовий долыни, ой тамъ будуть люде,
Тамъ прыятельство вытатыся буде:
Ой братъ изъ сестрою, а мужъ изъ жоною,
А сынъ зъ батькомъ, а маты зъ дочкою.
А сынъ видъ батька розлученый буде,
А маты зъ дочкою роздилена буде,
Що дочка заробыть, тамъ маты не буде.
Ой по ливий сторони будуть еретыкы стояты,
Ой тамъ будуть душамъ смолы пиддаваты,
А по правий сторони будуть янгелы стояты:
Ой не пыйте смоли, диждитеся воды!
Хто смолы напъеться, той въ пекло ввержеться,
Хто воды диждеться, въ раю зостанеться!» [1]).

Отдѣльныхъ изображеній рая и ада нѣтъ ни въ виршахъ, ни въ духовныхъ стихахъ. Встрѣчаются въ тѣхъ и другихъ разрозненныя указанія на адскія мученія, ожидающія грѣшниковъ на томъ свѣтѣ. Для насъ важны въ данномъ случаѣ народныя представленія о грѣхахъ, которые достойны адскихъ мученій. Любопытны въ этомъ отношеніи старинныя картины страшнаго суда, которыя до недавняго времени на югѣ Россіи составляли обычную принадлежность церковныхъ папертей. Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской академіи есть нѣсколько такихъ картинъ, изображающихъ рай и адъ. Три изъ нихъ довольно значительнаго размѣра, не менѣе трехъ аршинъ въ длину (отъ верху до низу) и почти столько-же въ ширину. Лучше другихъ изъ этихъ трехъ сохранилась та, которая написана грубою кистью деревенскаго маляра и соста-

[1]) Записано въ с. Калюсикѣ, ушицк. у. подольской губ.

Digitized by Google

вляла собственность одной изъ сельскихъ церквей волынской губерніи.

Вотъ ея содержаніе.

На самомъ верху изображенъ Спаситель, предъ которымъ стоятъ съ правой стороны Богоматерь, съ лѣвой Іоаннъ Креститель, а за ними съ обѣихъ сторонъ ветхозавѣтные праведники, наслаждающіеся лицезрѣніемъ божественнаго судіи. Во второмъ ряду по срединѣ изображено евангеліе, раскрытое на страницѣ: „пріидите, благословенніи отца моего"... Надъ евангеліемъ крестъ, по сторонамъ евангелія два ангела, трубящіе въ трубы, по ту и по другую сторону—праведники новозавѣтные. Въ третьемъ ряду по обѣимъ сторонамъ налоя, на которомъ лежитъ евангеліе, изображено возстаніе изъ гробовъ: тутъ есть и сцена исповѣди предъ церковью, при чемъ дьяволъ искушаетъ исповѣдающагося,—и фигура человѣка, лежащаго въ постели, съ надписью: *лѣнивца до церкви*, котораго дьяволъ тащитъ въ адъ,—и смерть съ косою, къ ней приближается ангелъ съ мечемъ и дьяволъ съ рукописаніемъ.—Въ четвертомъ ряду, на самой срединѣ протянута изъ облаковъ рука, которая держитъ вѣсы: на правой чашкѣ вѣсовъ душа праведнаго человѣка; вѣсы поднялись вверхъ; на коромысло ихъ съ лѣвой стороны взобралась чорная мышь, а дьяволы вцѣпились въ лѣвую чашку вѣсовъ. Подъ вѣсами въ колесницѣ, запряженной дьяволами, сидитъ человѣкъ съ надписаніемъ: *судія неправдивій*; дьяволы тащатъ его въ адъ. Съ правой стороны вѣсовъ изображены Адамъ и Ева подъ яблоней, на которой извивается змѣй. Ближе къ вѣсамъ лики оправданныхъ душъ. Съ лѣвой стороны вѣсовъ толпа евреевъ, предъ которой сидитъ дьяволъ, спустивши ноги въ бездну адскую. Положеніе евреевъ довольно затруднительное, ибо рай далеко отъ нихъ—въ нижнемъ углу картины, на правой сторонѣ вѣсовъ. Какъ они дойдутъ туда? И дойдутъ-ли, не смотря на предводительство Моисея, который, впрочемъ, изображенъ дважды—здѣсь, въ четвертомъ ряду, и въ первомъ ряду, въ числѣ ветхозавѣтныхъ праведниковъ? Вопросы эти художникъ оставилъ открытыми... Въ пятомъ ряду съ правой стороны изображенъ рай въ видѣ зданія, предъ ко-

Digitized by Google

торымъ стоятъ оправданныя души, а предъ ними ап. Петръ, протягивающій ключъ къ дверямъ рая. Съ лѣвой стороны—разверстая пасть ада, въ которую дьяволы погоняютъ души грѣшниковъ, изображенныя въ два ряда по группамъ. Надъ первой группой перваго ряда надпись: *клеветникъ*, надъ второй—*вѣдьма*, надъ третьей—*наложница*. Надъ первой группой втораго ряда надпись: *чаровникъ*, надъ второй—*закрутка*, надъ третьей—*жито краде*, надъ четвертой—*кравецъ*, надъ пятой—*ткачъ*, надъ шестой—*мельникъ*. Каждая группа нарисована съ принадлежностями ремесла своего. Еще лѣвѣе—многое множество грѣшныхъ душъ стремглавъ низвергается въ адъ. Въ самомъ низу картины, подъ адомъ, помѣщено нѣсколько бытовыхъ сценъ съ соотвѣтствующими надписями. Сцена первая: группа состоитъ изъ четырехъ лицъ: на скрипкѣ играетъ музыкантъ, двѣ дѣвицы стоятъ въ парѣ, сбоку дьяволъ прикасается къ одной изъ нихъ когтистою рукою. Вверху надпись: *Дияволъ леститъ до танцевъ*. Сцена вторая: подъ деревомъ стоитъ женщина и отдаетъ дьяволу своего ребенка. Вверху надпись: *Та що дѣти тратила*. Сцена третья: по другую сторону того-же дерева крестьянинъ въ лаптяхъ собирается лѣзть на дерево, дьяволъ ему помогаетъ. Вверху надпись: *Пчели краде*. Сцена четвертая: дьяволъ тащитъ въ адъ тачку, въ которой сидятъ мужчина и женщина въ намиткѣ. Вверху надпись: *Кумъ и кума*.

Замѣчательно, что всѣ почти грѣшники, изображенные на этой картинѣ, обречены на адскія мученія главнымъ образомъ за правонарушенія общественнаго свойства. Что касается до обрядово-религіозныхъ и семейныхъ преступленій, то они не обрисованы здѣсь съ надлежащими подробностями, поэтому для дополненія картины мы должны обратиться къ произведеніямъ народной поэзіи, въ которыхъ съ бо́льшей ясностью выражены религіозныя воззрѣнія на семью, проникавшія въ народное сознаніе путемъ школьныхъ вліяній.—Изъ многаго выбираемъ немногое.

Такъ, въ одной галицкой колядкѣ рѣшается вопросъ: „Чому жъ такъ нема, якъ було давно?“—и затѣмъ изображаются отступленія отъ старины въ слѣдующемъ видѣ:

Digitized by Google

«Святамъ Ныколамъ пыва не варятъ,
Святамъ Рождествамъ службы не служатъ,
Святамъ Водорщамъ свичи не сучатъ.
Ой бо вже давно, якъ правды нема,
Бо вже ся цари повоёвалы,
А царь на царя вийсько збирае,
А братъ на брата мечемъ махае,
Ой бо сынъ витця до права тягне,
Донька на матиръ гнивъ пидпимае,
Ой бо кумъ кума зводытъ зъ розума,
Сусидъ сусида збавляе хлиба» [1]).

Основная мысль этой колядки выражена въ словахъ: „ой бо вже давно, якъ правды нема“. Мы имѣемъ предъ собою идеалъ въ прошедшемъ, когда свято соблюдались порядки церковно-религіозные, семейные и общественные. Что-же было душей этихъ порядковъ? Иными словами, въ чемъ заключается по народнымъ представленіямъ идея правды?

Глубоко трогательный отвѣтъ на эти вопросы находимъ мы въ извѣстномъ духовномъ стихѣ о правдѣ.

Древнѣйшій варіантъ этого стиха, по нашему мнѣнію, тотъ, который начинается напоминаніемъ о смерти:

«Ой горе, горе на симъ свити жыты,
Боронь, Боже, смерты, буде Богъ судыты!» [2]).

Рѣчь идетъ далѣе объ отреченіи близкихъ людей отъ безсильнаго и больнаго человѣка:

«Якъ чоловикъ здоровъ, всякый его любыть,
Якъ лыха годына, родына одступыть».

По всему видно, что стихъ этотъ предназначенъ былъ для людей, которые извѣдали на опытѣ всю горечь жизни и подъ конецъ ея пришли къ разочарованію въ самыхъ дорогихъ надеждахъ и симпатіяхъ своихъ.

---

[1]) Головацкій, Народныя пѣсни, ч. II, стр. 21.

[2]) Записки юго-зап. отд. географич. общества, т. I, Матеріалы, 23. – „Кіевс. Старина, 1883, Февраль, 469.

Digitized by Google

«Ой якъ тяжко-важко камння лупаты»,

грустно продолжаетъ пѣвецъ,

«Ой такъ тяжко-важко дитей годуваты:
Бо старая ненька диткы годувала,
Диткы годувала, ночи не доспала.
А тепера диткы на те не вважають,
Беруть отця-неньку, пидъ ногы вныжають.
Бо теперъ на свити така выйшла кара,
Що по всему свиту то вже есть неправда.
Бо тепера правда стоить край порога,
А тая неправда сыдыть кинець стола.
Бо тепера правду бьють та ругають,
А тую неправду трункомъ напувають.
Бо тепера правда сыдыть у темныци,
А тая неправда у панивъ въ свитлыци.
Бо тепера правда скризь закрыта,
Тильки есть прымита—на хрести прибыта» [1]).

Къ такимъ печальнымъ обобщеніямъ пришелъ пѣвецъ на основаніи наблюденій надъ жизнію „отцовъ и дѣтей“. Другой варіантъ того-же стиха начинается именно съ этихъ обобщеній:

«Нема въ свити правды!... Правды не зискаты,
А звыкла неправда теперъ правдоваты!
Що вже теперъ правда слезамы рыдае,
А тая неправда зъ панамы гуляе.
Чы ты жъ, свита правда, умерла, чы ты заключена,
А чы ты, *маты ридна*, одъ насъ одреченна?
Нема въ свити правды!... Правды не зискаты!
Тильки въ свити правды, що рыдный отець та маты».

Далѣе слѣдуетъ картина сиротской жизни, безъ отца и матери. Жалѣетъ сирота, что не далъ ей Богъ орлиныхъ крыльевъ, а то бы она полетѣла „до отця, до неньки“. О трудностяхъ воспитанія дѣтей нѣтъ ни слова,—нѣтъ и жалобы на неблагодарность дѣтей. Пѣвецъ рѣзко переходитъ къ изображенію раздоровъ между младшими членами семьи:

[1]) Кіевс. Старина, 1889, Сентябрь, 683.

Digitized by Google

«Уже жъ кинець вику и къ намъ прыблыжився,
Хочъ рыдного брата теперъ стережыся,—
Бо винъ хочъ и рыдный братъ, то правды не мае,
Винъ тильки устамы, якъ перамы, вие.
Изъ нымъ у судъ статы—правды не зыскаты,
Тильки срибломъ-златомъ судью насыщаты».

Заканчиваетъ пѣвецъ свой скорбный стихъ ободряющимъ воззваніемъ:

«Самъ Господь есть правда,
Сокрушыть неправду,
Сумырыть гордыню,
Вознесеть святыню!» [1]).

По смыслу того и другаго варіанта оказывается, что „нема правды“ даже въ интимномъ мірѣ семейныхъ отношеній.—Но при этомъ нужно имѣть въ виду, что подрываются эти отношенія не отцами, а дѣтьми, которые родителей своихъ не уважаютъ и сами между собою не ладятъ. Только одно родительское чувство, а именно чувство матери, остается неизмѣнно прочнымъ въ этомъ волнующемся морѣ вражды, которая подъ именемъ неправды царствуетъ въ мірѣ.

«А нема цвиту найповныпшого надъ тую макивочку,—
Да нема жъ року найвырныпшого надъ тую матыночку»,

говорится въ одной пѣснѣ [2]). Въ самомъ дѣлѣ, по народнымъ представленіямъ мать есть символъ всепрощающей любви и безконечнаго самоотверженія. Она есть сама правда—такъ же вѣчно страдающая, какъ и та святая правда, которая была „на хрести прыбыта“, поэтому и въ разбираемыхъ нами стихахъ правда называется *матерью рыдною*, а мать въ свою очередь *правдою вирною*. Итакъ, правда есть ничто иное, какъ любовь, воплощенная въ лицѣ матери на землѣ, въ лицѣ Господа Бога на небѣ. Это, можно сказать, религіозное воззрѣніе на мать вылилось въ пѣсняхъ малорусскихъ съ такою силою и

[1]) Кіевс. Старина, 1883, Августъ, 769—770.
[2]) Лисенко, Збірникъ, вып. II, № 33.

Digitized by Google

страстностію, что нельзя ни слушать, но даже читать ихъ равнодушно.

«Ой матинко, вышенько,
Що безъ тебе лышенько!
Що тебе жъ ни купыты,
А ни заслужыты,
Що безъ тебе, ненько моя,
Горе въ свити жыты!
Що уже-жъ я й ходыла,
Уже жъ я й служыла,
Та не найшла тып ненькы,
Що мене родыла [1]).
«Маты наша, маты»,

поется въ другой пѣснѣ,

«де намъ тебе взяты?
Маляривъ наняты, матиръ змалюваты,
Поставыты матиръ на божычокъ въ хати...
На божычокъ гляну, то матиръ спомъяну,
Назадъ обвернуся, слезами зальюся,
На бикъ оглянуся, рукавомъ утруся!» [2])

Женскія роли въ семьѣ пѣсня распредѣляетъ такъ:

«Жинка для совиту, теща для прывиту,
Матинка ридна—лучче всего свиту» [3]).
(Вона)» родыла й болила,

присовокупляетъ другая пѣсня,

страдала, вмырала,
Кровъ пролывала, смертонькы бажала» [4]).

Теперь для насъ совершенно понятно, почему оскорбленіе отца и матери считается въ народной малорусской поэзіи величайшимъ преступленіемъ.

---

[1]) Чубинскій, Труды экспедиціи, т. V. стр. 552, № 154.
[2]) Лисенко, Збірникъ, вып. I, № 23.
[3]) Чубинскій, Труды экспедиціи, т. V. стр. 459, № 29.
[4]) Метлинскій, Народныя южнорус. пѣсни, 242.

Digitized by Google

«Кого Богъ любыть, того й награждае,
А за отця и за матку сынъ Божый карае» [1]).

На этомъ мотивѣ построена прекрасная народная дума о вдовѣ и ея сыновьяхъ. Имѣла вдова

«трехъ сынивъ,
Якъ соколивъ:
Вопа ихъ змалку годовала,
Зросту, славы, памъяты, спрожытку сподивала».

Оженились сыновья и, какъ видно, по наущенію женъ своихъ прогнали мать изъ дому:

«Не сыва зозуля закувала,
Якъ бидна вдова изъ свого дому выступала,
За слизамы свиту божого не выдала».

Принялъ ее къ себѣ добрый человѣкъ, „блызькый сусида“,—и вотъ на старости лѣтъ пришлось ей жить у чужихъ людей.

«Сталы люде тее зачуваты,
Сталы вдовыченькивъ на смихъ пидниматы».

По другимъ варіантамъ обрушились на нихъ всякія несчастія: „не ставъ имъ Господь ни въ чимъ помагаты“. Тогда сознали они тяжкій грѣхъ свой и пошли на чужой дворъ просить прощенія у матери.

«Боже мий мылый, Боже мий едыный,
Поможы ты мени сим диты опрощаты!»

Возвратилась она въ домъ свой, а вмѣстѣ съ тѣмъ

«Ставъ и Богъ, выдымо, имъ во всимъ помагаты».
«Тогди жъ то воны одынъ до одного стыха словамы промовлялы:
«Гляньте, братти!
Правду святе письмо свидчыть, высвидчае,

[1]) Кобзарь Вересай далъ этому стиху такое названіе: „Пісня, що по несчастью живучы на свити спивають“. Зап. югослав. отд. географич. общества, т. I, Матеріалы, 24.

Digitized by Google

На всякый часъ моление показуе:
Который чоловикъ отця свого, матиръ штыть, поважае,
Тому Богъ на всякый часъ помагае» [1]).

Мы понимаемъ, что идеальныя черты матери далеко не всегда могли совпадать съ дѣйствительностію, но для насъ важенъ поэтическій замыслъ—воспользоваться опытомъ жизни, чтобы создать въ образѣ матери нравственную силу, которая есть ничто иное, какъ сила любви, возстановляющей между людьми святую правду. Собственно говоря, это не есть сознательно поставленная формула жизни, выработанная на почвѣ правовыхъ или политическихъ отношеній. Но положительно можно сказать, что въ поэтическомъ настроеніи, которое мы подвергаемъ анализу, немаловажное значеніе имѣли земледѣльческія формы быта, въ которыхъ жилъ и донынѣ живетъ малорусскій народъ. По самому существу своему формы эти требуютъ больше труда, чѣмъ капитала, въ которомъ нуждаются преимущественно коллективныя предпріятія, осуществляемыя въ кооперації многихъ рабочихъ силъ, не связанныхъ между собою узами кровнаго родства. Отсюда—индивидуально-семейное начало составляетъ основу земледѣльческаго труда,—отсюда же индивидуальная свобода дѣйствій, которая приводитъ къ разногласіямъ. На этой почвѣ семейнаго индивидуализма единственной точкой опоры являлась идея любви въ лицѣ матери. За оскорбленіе этой беззавѣтной любви караетъ Господь, какъ за нарушеніе правды, надъ которой торжествуетъ неправда, какъ въ семейной, такъ и въ общественной жизни. Весьма можетъ быть, что это міровоззрѣніе развивалось въ малорусскомъ народѣ по мѣрѣ неудачъ его въ общественно-политической жизни. Но, оставляя область гаданій, считаемъ нужнымъ установить то положеніе, что въ произведеніяхъ малорусской поэзіи, какъ школьной, такъ и народной, вся народная этика сводится главнымъ образомъ къ такъ называемой семейной морали, основанной на чувствѣ родства, на взаимной

[1]) Содержаніе этой думы передано по четыремъ варіантамъ, помѣщеннымъ у Метлинскаго, Народн. южнорус. пѣсни, 345—354.

Digitized by Google

симпатіи людей, близкихъ между собою по крови. Союзъ этихъ людей называется *родомъ*, *родыною*. При всей дробимости родовъ, т. е. семействъ въ дѣйствительной жизни, родство въ поэтическихъ представленіяхъ малорусскаго народа составляетъ своего рода культъ, можетъ быть, поддерживаемый самою этою дробимостію. Нужно испытать горькимъ опытомъ всю тяжесть единоличной борьбы за существованіе, безъ поддержки близкихъ людей, чтобы прильнуть страстной мечтой къ этимъ самымъ людямъ, чтобы сознать всю незамѣнимость ихъ въ посторонней или чужой средѣ.

«Хочъ по шыю въ воду, та до свого роду»,

говорится въ одной пѣснѣ,

«Хочъ и обмочуся, въ роду обсушуся,
Таки зъ своимъ родомъ та повыдаюся»[1]).

И однако же привычка жить на свой страхъ, жить личною жизнію, остается во всей своей силѣ. Это одно изъ тѣхъ противорѣчій, которыя нерѣдко совмѣщаются, какъ въ одномъ и томъ же лицѣ, такъ и въ цѣломъ народѣ,—одно изъ тѣхъ психическихъ раздвоеній, которыя служатъ источникомъ тревогъ и душевныхъ страданій. Отсюда эта тоскливая нота, проходящая чрезъ всю поэзію народную семейнаго содержанія. Чувство неудовлетворенности, неполноты счастія, составляетъ господствующую стихію ея.

Тѣмъ же чувствомъ проникнуты и вирши, съ которыми появлялись въ народъ представители школы.

Безъ сомнѣнія, реальною основой этихъ виршей была личная судьба самихъ виршеписателей, которые въ скитальческой жизни своей находили достаточно поводовъ къ жалобамъ на тежелое положеніе свое.

«Эй то якъ—то мени, маты, не хотилося бъ у чужий
сторони пробуваты!
Будуть мене люде знаты,
Будуть мене прышельцемъ называты»,— [2])

---

[1]) Чубинскій, Труды экспедиціи, т. V, 474.

[2]) Записки югозапад. отд. географич. общества, т. I, Матеріалы, 14.

Digitized by Google

говоритъ въ одной думѣ козакъ своей матери, отъѣзжая изъ родительскаго дома. По народнымъ понятіямъ, *хазяйскый сынъ*, *отецькый сынъ* пользуется полными правами гражданства въ своемъ околоткѣ, а *пришелець* есть лице загадочное: сегодня онъ здѣсь, а завтра тамъ,—для него не обязательно считаться съ мѣстными интересами, съ „поговоромъ и славою“ той среды, въ которой онъ очутился. Изъ такихъ-то *пришельцевъ* и состояла школьная братія, предлагавшая свои вирши народу. Неудивительно поэтому, если она въ этихъ виршахъ выражала тоску по родинѣ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда кому-нибудь изъ ея состава удавалось на чужой сторонѣ пристроиться недурно.

«Отче, отче, прибудь ко мнѣ»,

говорится въ одной виршѣ,

«Увесели сердце во мнѣ,—
Прибудь, отче, на бракъ къ сыну,
Увиждь жену, мнѣ любиму».

Въ подобныхъ выраженіяхъ идутъ дальше обращенія къ матери и сестрамъ:

«Прибудте днесь, не смутѣтся,
Се бо братъ вашъ веселытся» [1]).

Еще тяжелѣе становилась жизнь на чужой сторонѣ, когда умирали близкіе люди на родинѣ.

«Тяжко та важко чоловикови въ чужій чужыни,
На чужій сторони,
Безъ отця, безъ неньки, безъ сердешного роду пробуваты» [2]).

Та же мысль на разные лады развивается во многихъ виршахъ.

«Я, сирота, блукаюся»,

говорится въ одной изъ нихъ,

---

[1]) Сборникъ Кобальчича, № 64.

[2]) Метлинскій, Народн. южнорус. пѣсни, 357.

Digitized by Google

«родины не маю,
На чужыни пробуваю и викъ свій теряю.
Ой якъ орелъ по-надъ поле повитремъ носится,
Такъ сирота на чужыни съ плачомъ веселится.
А якъ тяжко каменеви по води плываты,
Такъ сироти на чужыни горе пробуваты» [1]).

Обычное содержаніе сиротскихъ виршей — жалобы на враговъ:

«Що я кому виноватъ, за що погибаю?
Нѣгде отъ злихъ человѣкъ спокою не маю,
Ненавидятъ, гонятъ, бьютъ, живцемъ пожираютъ,
Якъ иструби на бедную птицу нападаютъ,
Нѣ скритися не могу, нѣ явно прожити,
Явно гонятъ, тайно бьютъ, подкладуютъ сѣти,
Лютимъ огнемъ, яростію палаютъ безъ мѣри,
Метаются на мене, якъ лютіе звѣри,
А що кому за вина, якая причина?
За то гонятъ, за то бьютъ, що я сиротина» [2]).

Ближе къ народному настроенію стоитъ псальма, распѣваемая и теперь лирниками и извѣстная подъ названіемъ „Сиритка“. Начинается она размышленіемъ о происхожденіи сиротства:

«Дывная годына на свити настала:
Не одна сыритка безъ мамки зосталась,
Отець пару знайде, буде въ парп жыты,
Нещасни сироты пидуть пречъ служыты».

Вотъ пошла сирота „по свиту блукаты“. Встрѣчаетъ ее самъ Господь Богъ и спрашиваетъ ее, куда идетъ она?—„Иду, говоритъ сирота, матери шукаты“.—Не найдешь ты своей матери, отвѣчаетъ ей Господь Богъ, „спочивае вона въ гроби“. Приходитъ сирота на могилу матери своей и, рыдая, жалуется

[1]) Головацкій, Народныя пѣсни, ч. I, 376. Его-же ч. III, отд. 1, 313. Есть эта вирша и въ рук. церковно-археологич. музея при кіевс. акад. № 489, но въ искаженномъ видѣ.

[2]) Рукопись церковно-археологич. музея, № 489. Сборникъ Кибальчича № 66. См. также Головац. Народн. пѣсни, ч. I, 357, Чубинс. Труды экспедиціи, V, 448.

Digitized by Google

ей на свое житье горькое. Совѣтуетъ ей мать обратиться къ мачехѣ, чтобы она ей „сорочку сшыла и головоньку змыла“. Мачеха, какъ мачеха, во всемъ отказала бѣдной сиротѣ, да еще и „по сусидахъ ии обсудыла“. Такая ужъ доля сироты:

«Хоць сырота робыть, робота ий ии защо,
Все говорять люде: сырота ледащо».

Заканчивается эта трогательная псальма изображеніемъ блаженства сироты въ раю и мученій злой мачехи въ аду [1]).

Не мало есть въ старинныхъ школьныхъ сборникахъ другихъ подобныхъ псальмъ, въ которыхъ выражаются горестныя чувства людей „бездольныхъ и безщасныхъ“. Цѣлый вѣкъ свой они искали счастія и, вопреки завѣту евангельскому: „ищите и обрящете“, нигдѣ не находили его, можетъ быть, потому что не всегда искали его тамъ, гдѣ слѣдуетъ [2]). Въ объясненіи этихъ неудачъ составители псальмъ слѣдуютъ отчасти старинным представленіямъ народнымъ о доброй и лихой долѣ, при чемъ та и другая дается человѣку при его рожденіи [3]). Поэтому

«Хто на семъ свѣтѣ без долѣ вродился,
Тому свѣтъ марне, якъ коломъ точился.
Лѣта плинуть марне, як быстрие рѣки,
Часи молодие, як з дождку потоки,
Все то марне минаетъ» [4]).

По видимому, нечего гоняться за вѣтромъ въ полѣ, т. е. добиваться того, что одинъ только разъ дается человѣку, и чего въ другой разъ получить уже нельзя. Такое признаніе мы

---

[1]) Кіевс. Старина, 1889 г. Сентябрь, 685. Головац. Народн. пѣсни, ч. III, отд. 1, 272.

[2]) Сюда относится псальма въ сборникѣ Кибальчича подъ № 63, а также у Головац., Народныя пѣсни, ч. III, 1, 83, у Чубинс., Труды экспедиціи, т. V, 476, № 62.

[3]) Метлинс., Народныя южнорус. пѣсни, 108, 144, 278.

[4]) Кіевская Старина, 1889 г., Мартъ. Эта псальма подъ заглавіемъ „Пѣснь о свѣтѣ“ напечатана здѣсь по галицкой рукописи, помѣченной 1751 годомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы видѣли во Львовѣ, у каноника о. Антонія Петрушевича, школьный сборникъ, списанный въ 1783 г. Здѣсь сочинителемъ этой псальмы названъ нѣкто Падальскій. Въ томъ же сборникѣ есть любопытная „Пѣснь моральна о плачливомъ станѣ нашого студента“, которой, къ сожалѣнію, мы не успѣли списать.

Digitized by Google

постоянно встрѣчаемъ въ псальмахъ,—и однако же составители ихъ неутомимо ищутъ доли или-же, въ крайнемъ случаѣ, сожалѣютъ, что орлиныхъ крыльевъ для этихъ поисковъ не имѣютъ. Конечно, они не соединяли съ словомъ *доля* мифическихъ представленій, отчасти и донынѣ живущихъ въ народѣ. Для нихъ *доля* была простымъ олицетвореніемъ случайнаго сцѣпленія благопріятныхъ обстоятельствъ. Стоя на этой болѣе раціональной почвѣ, они воображали, что каждый человѣкъ до извѣстной степени есть самъ для себя доля, что источникъ счастія заключается во внутреннемъ самоудовлетвореніи труждающагося и притомъ честнаго человѣка. Эта мысль пробивается въ нѣкоторыхъ псальмахъ въ видѣ поздняго раскаянія въ собственныхъ ошибкахъ:

«Годи вамъ шуміти, зеленыи лугы!
Годи млиты сердцю моему зъ несносноп тугы!
Якъ цвиты прекраспыи скоро одцвитають,
То такъ насъ молодыи лита скоро покыдають.
Пройшлы лита своро, якъ быстрыи рики,
А я жыву нры нещасти черезъ уси вики.
Вноть вптры въ степу—запрету не мають:
Идуть мысли въ день и въ нощи—спокою не дають.
Старость моя й жызность! Не могу терпиты,
Що я не вмивъ молодымы литамы владиты».

Какъ на выходъ изъ этого положенія, псальма указываетъ на удаленіе отъ міра, на бѣгство „въ темныи лугы, въ степы и въ пустыни“ [1]).

Такихъ бѣглецовъ было много въ старинной Малороссіи. Одни изъ нихъ стремились въ запорожскую Сѣчь, которая становилась для нихъ матерью, а „Велыкый лугъ — батькомъ“. Другіе направлялись въ степи и въ дикія поля, на которыхъ можно было при счастьи и отвагѣ поразить врага и отнять у него богатую добычу. Были, наконецъ, и такіе, которые уходили отъ тревогъ жизни въ пустыни, чаще—въ монастыри, какъ говорится объ этомъ въ одной задушевной псальмѣ:

[1]) Кіевская Старина, 1882 г. Августъ, 281. Есть эта псальма и въ сборникѣ церк. арх. Музея при кіевск. акад. № 489.

Digitized by Google

«Не піду у миръ,
Піду въ монастыръ,
Щобъ душу спасты,
Щобъ Господь простывъ»[1].

Таковы въ общихъ чертахъ нравоучительные мотивы, широко развитые въ старинныхъ школьныхъ сборникахъ и вполнѣ совпадающіе съ народнымъ міровоззрѣніемъ. Для насъ важнѣе всего въ данномъ случаѣ документально убѣдиться въ томъ, что старинная малорусская школа принимала живое и непосредственное участіе въ выработкѣ этого міровоззрѣнія.

Вирши нравоописательнаго содержанія.

Мы не знаемъ точно и опредѣленно, какова была этика нашихъ предковъ въ дохристіанскую эпоху, но изъ предыдущаго очерка мы достаточно могли убѣдиться въ ея христіанскихъ особенностяхъ, которыя выступаютъ ярко въ виршахъ нравоучительнаго содержанія, созданныхъ южнорусской школой въ XVII и XVIII вѣкахъ. Тѣ же особенности мы встрѣчаемъ и въ нравоописательныхъ виршахъ, не смотря на то, что онѣ отличаются развязностью тона, повидимому, не совмѣстимой съ серьезнымъ содержаніемъ ихъ. Мы разумѣемъ главнымъ образомъ, такъ называемыя, рождественскія и воскресенскія вирши, въ которыхъ лица и событія евангельской исторіи воспроизводятся въ непосредственной связи съ обстановкой народной малорусской жизни,—въ духѣ и тонѣ наивныхъ разсказовъ, проникнутыхъ юмористическимъ настроеніемъ.

Сколько намъ извѣстно, первая по времени рождественская вирша написана была знаменитымъ лексикографомъ и типографомъ Памвою Берындою. Напечатана она была въ Львовѣ въ 1616 году и посвящена епископу львовскому Іереміи Тисаровскому.

«Пріймп»,

говоритъ составитель ея,

[1]) Метлинскій, Народныя южнорус. пѣсни, 372.

Digitized by Google

«о Архіерею великій, значный,
Яко в речахъ не похибне дѣльный и бачный,
За колѧдоу и щодрый дн҃ь книжечкꙋ тоую,
Котораѧ то презъ дѣтокъ декламова́на
И для оутѣхи на дн҃ь тотъ з дроукꙋ выда́на» [1]).

Ясно изъ этихъ словъ, что рождественскія вирши, какъ и колядскія пѣсни, произошли изъ обряднаго славленія, которое началомъ своимъ восходитъ къ старинѣ незапамятной. Безъ сомнѣнія, гораздо раньше того времени, когда написалъ виршу свою Памва Берында, христіанскіе мотивы начали проникать въ колядованье, но можно сказать съ увѣренностью, что только въ эпоху южнорусскаго просвѣщенія эти мотивы разработаны были систематическимъ образомъ. Подъ вліяніемъ стародавняго обряда представители школы слагали разныя вирши, которыя произносились *молодыками школьными*, какъ поздравительные стихи въ дни праздниковъ. Чѣмъ ближе стояли эти вирши къ моменту происхожденія своего, чѣмъ выше была богословская ученость составителей ихъ, тѣмъ больше заключалось въ нихъ риторическаго паѳоса и тяжеловѣсныхъ, книжныхъ формъ рѣчи. Таковы, между прочимъ, по содержанію и формѣ своей и вирши Памвы Берынды,—таковы-же и рождественскія вирши Кирилла-Транквилліона-Ставровецкаго, напечатанныя въ его „Перлѣ многоцѣнномъ“ [2]). Многія изъ нихъ такъ и остались на ступени школьнаго велерѣчія, не тронутаго прикосновеніемъ народной мысли. Другія пошли дальше, но остановились на полъ-дорогѣ отъ школы къ народу. Есть, наконецъ, вирши, или переработанныя народомъ, или же написанныя въ народномъ вкусѣ самими бакалярами сельскими, ближе стоявшими къ народу, чѣмъ ученые латинскихъ школъ. Можно полагать даже, что нѣкоторыя вирши составлены младшими обитателями сельскихъ школъ или же получили въ ихъ средѣ окончательную отдѣлку. Таковы, напримѣръ, граціозныя поздравленія, произносимыя дѣтьми младшаго возраста и теперь не позабытыя:

---

[1]) Импер. публич. библіотеки церковнослав. отд. I, 8, № 12.

[2]) Перло многоцѣнное, 2-е изд. (въ Могилевѣ), 1699 г.

Digitized by Google

«Я малый пахолокъ,
Родывся въ вивторокъ,
А въ середу рано
Мене въ школу дано.
Иду зъ школы — плачу
И свита не бачу,
Очи протыраю,
На карманъ позыраю,
Васъ съ праздныкомъ поздоровляю».

Или же:

«Я маленька дивочка,
Якъ у поли квиточка,
Більшъ ничого не знаю,
Тильки азъ да буквы...
Пожалуйте мени грошыкъ у руки»[1]).

Чтобы получить *праздниковое*, нужно было, какъ видно изъ этого наивнаго лепета, кое-что смыслить въ школьныхъ наукахъ:

«Дарма, що я малый,
А въ церкви бувавъ
И обо всимъ чувавъ:
Оце и вамъ звищаю
И съ праздныкомъ Хрыстовымъ поздоровляю»[2]).

Колядованье служило такимъ образомъ прекраснымъ воспитательнымъ средствомъ для подростающей молодежи.

«Пане господару»,

говорится въ одной колядкѣ,

«Мы твого двору не мынаемо,
Вставай съ постели, одчыняй двери,
Прыйде до тебе Дива Мария,
Дива Мария и Святый Мыколай:

[1]) Чубинс. III, 435.
[2]) Безсонова „Калики перехожіе", вып. IV, 47.

Digitized by Google

Сяде Миколай у конець стола
Книгы чытаты, тебе пытаты,
Чы навчаешъ ты диты малии
Богу молыться, старшымъ корыться?
Дива Мария стане пытаты,
Чы навчаешъ ты диты малии
Книгы чытаты, въ церковъ ходыты,
Святе Рождество празныкомъ чтыты,
Батька, матинку вирне любыты?» [1]).

Но молодость имѣетъ свои права, — да и задачи нравственнаго свойства, отмѣченныя въ приведенной нами колядкѣ, вовсе не требуютъ покаянія и слезъ—особенно въ дни праздничные. Поэтому неудивительно, если мы встрѣчаемъ во многихъ виршахъ свѣтлое, жизнерадостное настроеніе, сопровождаемое шуткой.

«Слава Богу»,

говорится въ одной старинной виршѣ,

«того ми тепера дождались,
Що за шесть недѣль съ ковбасою опять повидались!
Я-жъ казавъ: шутка, що позавчора свинѣ галасали!
Ажъ то люди ик святкамъ все ковбаси дбали,
Лишъ почули, що Рѣздво вже не за горами,
Не схотѣли болшъ сидѣти над огѣрками,
Заразъ стали шататись мижъ скоромнымъ крамомъ:
То зъ гусми, то съ курми, то въ битимъ товаромъ» [2]).

Оканчивается вирша обычнымъ поздравленіемъ хозяина и выраженіемъ всякихъ благожеланій ему.

То-же настроеніе мы видимъ и въ колядкахъ виршеваго происхожденія. Оно совпадало съ извѣстнымъ расположеніемъ малорусскаго народа къ юмору. Что касается до слагателей виршей, то, обладая большимъ или меньшимъ знаніемъ церковно-славянскаго языка, они имѣли полную возможность гово-

[1]) Чубинс. III, 384—385.
[2]) Кіевс. Старина, 1889 г., Январь, 242.

Digitized by Google

рить о матеріяхъ неважныхъ церковно-славянскою рѣчью, и наоборотъ, о важныхъ матеріяхъ рѣчью простонародною, и такимъ образомъ въ самой двухсторонности литературнаго стиля по отношенію къ предметамъ различнаго свойства они находили всѣ краски для пародіи и шутки. Но, чтобы воспользоваться этими красками, нужно было имѣть тотъ особенный складъ души, который выражается въ стремленіи сближать противоположное и разъединять сходное. Это и есть психическая основа юмора, которою проникнуты праздничныя вирши и соотвѣтствующія имъ колядскія пѣсни.

Со стороны содержанія своего эти вирши представляютъ нѣсколько основныхъ темъ.

Первая тема—догматическаго характера: это грѣхопаденіе прародителей, какъ причина воплощенія Сына Божія.

Мы имѣемъ двѣ редакціи виршей, написанныхъ на эту тему. Одна—болѣе книжная, другая—народная.

Въ книжной редакціи разсказывается библейская исторія близко къ подлиннику—о томъ, какъ Богъ по сотвореніи прародителей поселилъ ихъ въ раю, какъ „врагъ злосливій и не жичливій сталъ Еву намовляти“, чтобы она вкусила отъ древа познанія добра и зла, а Ева—Адама, какъ смущены они были, познавши себя нагими, какъ проклялъ Богъ змія. Заканчивается вирша картиной изгнанія прародителей изъ рая:

«Богъ зъ раю сходитъ,
Ангелъ приходитъ,
Гнѣвъ Божій объявляе,
Грозно гукаетъ,
Мечемъ дмухаетъ,
Из раю вигоняетъ» [1]).

Въ народной редакціи эта вирша представляетъ логически законченное рѣшеніе вопроса, поставленнаго въ самомъ началѣ

[1]) Сборникъ Кибальчича № 49. Есть эта вирша и въ рукописномъ сборникѣ церковно-археологич. музея при кіевс. Академіи, № 252. Болѣе обстоятельный варіантъ, соединяющій начало съ концемъ, т. е. грѣхопаденіе прародителей съ рождествомъ Спасителя, и въ то же время пропитанный апокрифическими сказаніями объ изгнаніи Адама и Евы изъ рая, напечатанъ недавно въ ноябрьской кн. Кіевс. Старины за 1891 г., стр. 271.

Digitized by Google

ея: „чого прыйшовъ до насъ самъ Богъ?“ Разсказъ начинается ab ovo. Задумалъ Сатана „зривняться зъ Богомъ“ и былъ низверженъ за это съ неба. Тогда „зайшовъ винъ зъ иншого краю“, приглашаетъ въ гости Адама, и самъ является у него въ раю въ качествѣ гостя. Обычай гостепріимста, какъ видно, не моложе библейскаго рая. Но печальны были плоды этого гостепріимства: „Адамъ яблука вкусывъ“. Въ этихъ трехъ словахъ разсказана вся сцена искушенія. За то ближайшія послѣдствія этого событія воспроизведены подробно. Дѣло представлено такъ, что Адамъ, искушаемый дьяволомъ, выпилъ лишнее. Проснулся онъ на другой день, а товарищъ съ него „и сорочку знявъ“. Приходитъ Богъ къ нему и спрашиваетъ, куда онъ дѣвалъ сорочку.—„Не знаю, десь вчора загубывъ“, отвѣчаетъ Адамъ. „Отъ-такъ ты доглядаешъ гаю“, говоритъ ему Богъ, какъ добрый хозяинъ своему наймиту, „пишовъ же вонъ, поганый, зъ раю!“ Наказана и Ева не тѣмъ, что въ болѣзняхъ раждать будетъ чада свои, но тѣмъ, что будетъ она „прясты“,—„а щобъ не смила яблукъ красты“, говоритъ Богъ, „такъ я Адамови нагайку давъ“. Самъ искуситель низвергнутъ въ пекло, „де огонь горыть“. А чтобы одѣть Адама и Еву, Богъ „родывся самъ“.

«Родывсь Хрыстосъ»,

заканчивается вирша,

«Адамъ гуляе
Е нова свытка и кожухъ,
И Ева въ плахти похожае,
И зновъ радне духъ.
Теперъ и въ васъ жупаны нови,
Бо вы Адамови ридня...
Такъ будьте жъ зъ праздныкомъ здорови,
Гуляйте, пыйте, хочъ-що дня!» [1])

Дѣйствія Адама въ этой виршѣ мотивированы обстановкой народнаго праздника: вся бѣда не въ Евѣ, а въ самомъ Адамѣ,

[1]) Кіевс. Старина, 1882 г., Ноябрь, 398. Вирша эта записана учителемъ купянскаго духовнаго училища, В. Лавровскимъ; къ сожалѣнію, неизвѣстно, отъ кого и когда.

Digitized by Google

въ его невоздержаніи. Затѣмъ—чувство стыда понято не въ его психическихъ основаніяхъ, а въ простѣйшей формѣ совершившагося факта: нѣтъ у Адама сорочки. Наклонъ мысли такой, что она отказывается представить себѣ полноту райскаго блаженства безъ „доброи одежи“. Христосъ и родился для того, чтобы одѣть Адама и всѣхъ потомковъ его. И всѣ одѣты по праздничному: есть причина для радости и веселья.

Нѣсколько иначе разсказывается о грѣхопаденіи Адама и Евы въ другой подобной виршѣ. Умѣлъ Адамъ прекрасно играть на сопилкѣ,—

«Що було якъ заграе,
Такъ ажъ дерево скакае».

Одинъ разъ заснулъ Адамъ

«пидъ кустамы,
А сопилку положывъ безпечно пидъ головамы».

Подкрался къ нему змій и

«Вырвавъ пыжъ изъ сопилкы.
Кынеться Адамъ,—ажъ дирочкы тильки:
Свысь, свысь! Ажъ не грае,
Тилько сыпыть, а голосу не мае».

А между тѣмъ утромъ онъ долженъ былъ игрой своей „Богу на-добрыдень даты“. Посылаетъ Богъ ангеловъ за Адамомъ. Оказывается, что испортилась Адамова сопилка.

«Постий же ты, козаче»,

говоритъ Богъ,

«Я зъ тобою подумаю поступыть иначе»...

За небрежность въ обращеніи съ сопилкой Адамъ вмѣстѣ съ Евой былъ изгнанъ изъ рая. Съ того времени

«Стала смерть надъ людьмы старшыноваты,
Стала вона зъ янцыболотомъ въ одну цѣль стрѣляты,
Ставъ людъ вянуть, якъ у зимку свекла,
Поробылыся кобзалкы до самого пекла.
Первый Каинъ пидскобзнувся, а за нымъ другии,
Стали вже й добри люде кобзаться, а не тильки злии».

Digitized by Google

И вотъ Богъ для спасенія людей посылаетъ въ міръ сына своего [1]).

Нельзя не отмѣтить въ этой виршѣ наивнаго представленія о музыкальныхъ способностяхъ Адама, который и созданъ былъ, повидимому, не для одного наблюденія за раемъ, но и для артистическихъ занятій, предназначенныхъ для самаго Бога. Усвоена ли была эта фабула со стороны, или же самостоятельно создана, во всякомъ случаѣ это находится въ полномъ согласіи съ музыкальными склонностями малорусскаго народа, въ средѣ котораго она была обработана.

Не мало есть рождественскихъ виршей, написанныхъ на историческія темы—о поклоненіи родившемуся Спасителю пастырей и царей, о встрѣчѣ царей съ Иродомъ, объ избіеніи младенцевъ. Каждая изъ этихъ темъ разрабатывается то отдѣльно, то въ соединеніи съ другими темами.

Пастухи въ виршахъ изображаются дѣтьми природы и родной обстановки украинскаго быта. Разъ,—говоритъ одинъ изъ этихъ пастуховъ, пасли мы стадо овецъ:

«Кормокъ прыдався зелененькый,
Булы кошары готовеньки,
Прывилля для всего було».

Подъ вечеръ два пастуха остались при стадѣ, а остальные три

«Пишлы у вербнячокъ,
Бо недалеко бувъ лужокъ».

Замѣтили и тѣ, и другіе, что небо краснѣетъ, „да ще не такъ, якъ на морозъ“. Въ это время прибѣгаетъ Явтухъ, который оставался при стадѣ, съ извѣстіемъ, что въ кошарѣ появился воръ. Бросились всѣ они къ стаду и видятъ, что

«въ кошари съ края въ край шагае
Таке велыке, ще й литае,
Не чоловикъ, а бачця, схоже».

Оказалось, что это былъ „янголъ божый“, который приказалъ имъ идти къ Виѳлеему „въ станю“:

[1]) Изъ рукописнаго сборника, принадлежащаго автору.

Digitized by Google

«Тамъ е»,

сказалъ имъ Ангелъ,

«маленькее дытятко,
Отдайте ему се ягнятко:
Оце въ сю ничъ Хрыстосъ родывся,
Сынъ Божый зъ Дивы воплотывся».

„Не довго тутъ мы раховалысь", продолжаетъ разскащикъ,

«Пишлы въ кошару до овець,
Ягня, що лучше, те й пиймалось».

Яркій свѣтъ осіялъ ихъ „въ стани", а затѣмъ, когда пришли они въ себя, то упали на колѣни и принесли убогій даръ свой „пани"—матери божьей:

«Прыймы ты», сказали они, «от-се ягнятко,
Щобъ не голодне було твое дытятко».

Замѣтили они, что

«Биля тиеи пани
Стоявъ у жовтому жупани
Старый, сиденькый чоловикъ,
Якъ будьто прожывъ другый викъ».

Это былъ Іосифъ, который

«трохы поворчавшы,
На ухо пани щось шептавшы»,

сказалъ имъ:

«Идить у мыръ и повидайте,
Що се родывся Божый сынъ».

Пошли пастухи съ вѣстью этой по своимъ домамъ:

«Хто вправо, а хто вливо взявъ,
А я», заканчиваетъ разскащикъ, «оце до васъ попавъ,
Щобъ васъ съ Рождвомъ поздоровляты» [1]).

Въ нѣкоторыхъ виршахъ поздравленіе пастуховъ принимаетъ размѣры необыкновенные. На сцену является цѣлая толпа

[1]) Вирша записана въ харьковской губерніи отъ И. М. Полторацкаго. Основа, 1862 г., Іюнь, 41—42.

Digitized by Google

сельской молодежи, которая суетливо бѣжитъ къ родившемуся Спасителю не съ одними пастушескими дарами, но со всякими яствами и питіями, обычными въ праздничное время.

«Першый Никита, самъ Бога вита»,

говорится въ одной старинной виршѣ,

«Самко з Юхимомъ, своимъ побратимомъ,
Скоро прибѣгли, заразъ запѣли.
Якимъ из Яцькомъ, а третимъ Мацькомъ,
Несли барана до Христа-пана.
Пилипъ з Макаромъ пшли тамъ з даромъ,
Два хлѣба взяли, Богу отдали.
Гаврило в вѣчку ослови сѣчку,
А Стахъ волови принесъ полови.
Данило по морозѣ въ драбистумъ возѣ
Привизъ горѣлки чтири баринки.
А тамъ у дверець тютюнъ и перець
Хима стояла и продавала.
Андреѣ и Демко прибѣгъ рихленько,
Перцю тежъ мѣрку всипавъ в горѣлку.
А една Дося спекла порося,
Нимъ Бога взрѣла, порося зѣла.
Граетъ ажъ мило въ дуду Кирило,
А ти, Матѣю, грай у трубѣю» [1]).

Варіантъ этой вирши съ припѣвами: „Аллилуя, Господи помилуй!“ существуетъ въ видѣ колядки [2]), но такъ какъ этихъ припѣвовъ нѣтъ въ старинномъ текстѣ, приведенномъ нами выше, то можно заключить отсюда, что въ первоначальной редакціи эта вирша предназначалась для произношенія, а не для пѣнія. Иногда, впрочемъ, и вирши-колядки съ прибавкой въ самомъ концѣ привѣтствія отъ лица поздравляющаго передѣлывались въ вирши-ораціи. Въ этомъ взаимодѣйствіи вліяній

[1]) Рукопись церковно-археолог. музея при кіевс. Академіи, списокъ второй половины прошлаго вѣка. Въ такомъ же родѣ вирши съ ироническими выходками на счетъ Литвиновъ (Бѣлорусовъ) помѣщены у Безсонова, „Калики перехожіе“, IV № 257. См. также у Чубинскаго, Труды экспед., т. III, № 100. вар. Б.

[2]) Чубинс. III, стр. 381, № 104.

Digitized by Google

одного типа виршей на другой заключается причина отклоненій ихъ въ ту или другую сторону. Нельзя не замѣтить, однакоже, что гораздо чаще подвергались этимъ отклоненіямъ въ сторону виршей-ораціей вирши-колядки. Рѣшительнымъ признакомъ преобладающаго вліянія первыхъ на послѣднія служитъ перемѣна тона ихъ — серьезнаго на шуточный тонъ, который господствуетъ въ виршахъ-ораціяхъ [1]). Вотъ въ этомъ тонѣ и заключается нравоописательная сила виршей-орацій, которая даетъ имъ значеніе матеріала, обязательнаго для изученія быта и нравовъ старинной Малороссіи. Это своего рода эпосъ, обнаженный отъ всѣхъ условныхъ формъ церковной лирики, которою изобилуютъ вирши-колядки, — эпосъ старинныхъ малорусскихъ нравовъ, перенесенныхъ въ болѣе отдаленную—евангельскую или даже библейскую старину. Съ научной точки зрѣнія нравы эти, каковы бы они ни были, представляютъ такой же интересъ, какъ и всякія историческія лица и событія. Понятно поэтому, почему мы указываемъ на вирши-колядки только мимоходомъ, не извлекая изъ нихъ того, что въ усиленной дозѣ имѣется въ виршахъ-ораціяхъ.

Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ виршахъ, разсказъ идетъ далѣе о царяхъ, пришедшихъ на поклоненіе родившемуся Спасителю міра. По непрерывности событій этотъ разсказъ соединяется большею частью съ разсказомъ о встрѣчѣ ихъ съ Иродомъ, объ избіеніи младенцевъ, о судьбѣ самаго Ирода.

Въ одной виршѣ-орацiи говорится, что цари пришли въ Виѳлеемъ съ востока.

«Дары поклалы и поздравляли
Попысьменськи, звысока».

Предъ нами уже—не пастухи съ ихъ наивнымъ простодушіемъ, а знатные и мудрые люди. Принимаетъ ихъ Іосифъ, повидимому съ бо́льшею любезностью, чѣмъ пастуховъ:

«Сидайте жъ у насъ»,

---

[1]) Нѣкоторыя вирши-колядки представляютъ ничто иное, какъ слегка видоизмѣненный текстъ церковныхъ пѣсенъ; таковы, напримѣръ, вирши, помѣщенныя у Безсонова, т. IV, подъ №№ 60, 273, 278.

Digitized by Google

говоритъ онъ имъ,

«Мы почастуемъ васъ,
Чымъ Богъ намъ давъ».

Послѣ угощенія цари заснули, а во снѣ ангелъ повелѣлъ имъ иною дорогою идти домой, чтобы Иродъ не узналъ, гдѣ родился Спаситель. Иродъ ждалъ царей и не дождался. На этомъ обрывается вирша [1]).

Въ другой болѣе обширной редакціи этой вирши продолжается разсказъ объ Иродѣ, который созвалъ „мудрыхъ мудрецивъ, свитськихъ панъ-отцивъ“, чтобы они ему „сказалы и прослебезувалы, де Хрыстосъ родыться мавъ“. Тѣ указали на Виѳлеемъ. Впечатлѣніе этого отвѣта передается въ виршѣ съ патологическими подробностями: долго стоялъ Иродъ *безъ ума*,

«Дереть руканы, скрегоче зубамы,
А речи зовсимъ нема».

Затѣмъ вырвалось у него роковое повелѣніе избивать младенцевъ. За это беззаконіе, за неповинно пролитую дѣтскую кровь, Богъ посылаетъ на Ирода кару:

«По грудяхъ болячкы, по спыни чырячки...
Ковтуны въ чуби сталы...
Пидъ очыма позеленило,
Пидъ носомъ почорнило,
Якъ у собакы пидъ хвостомъ.
Рызачка до пупа докучала,
Дуже въ жывоти бурчало...
Лыкарывъ призывалы,
Пластырь клалы»...

Ничто не помогло. Сгинулъ Иродъ, „диявольськый гайдамака“:

«Не вмивъ хлиба исты,
Пропавъ безъ висты,
Якъ у ярмарку собака»...

Такъ ему и слѣдуетъ... „А мы“, такъ заканчивается вирша, „звеселимся, Христу-Рождеству и Божеству поклонимся“ [1]).

[1]) Терещенко, „Бытъ русскаго народа“, ч. 7, 68—69. Отсюда перепечатана эта вирша у Безсонова, см. „Калики перехожіе“, IV, 27.

[2]) Кіевская Старина, 1888, Январь, 278. Записана эта вирша отъ Гулака-Артемовскаго около 1848 года.

Digitized by Google

Вирши-колядки о царяхъ и объ Иродѣ не отличаются художественностью, за исключеніемъ тѣхъ колядокъ, въ которыхъ цари даютъ имя родившемуся Спасителю, а также немногихъ колядокъ, въ которыхъ изображается горе матерей послѣ избіенія младенцевъ:

«Ой есть Иродъ, есть проклятый,
Сына свого не пускае,
Малыхъ дитокъ выбывае,
Голымъ мечемъ вырубае,
Кровъ невынну пролывае..
Плаче ненька и рыдае...
Годи, маты, вже рыдаты,
Малыхъ дитокъ вже немае» [1])...

Тема, какъ мы знаемъ, излюбленная въ малорусской народной поэзіи. Безумная жестокость Ирода глубоко напечатлѣлась въ сознаніи малорусскаго народа, который не мало видѣлъ Иродовъ въ родной землѣ своей въ лицѣ враговъ-иноплеменниковъ—такихъ, напримѣръ, какъ Татаре и Турки. Отсюда ведутъ свою исторію извѣстныя выраженія: „Иродивъ сынъ“, „Иродового сына дытына“...

Есть еще одна рождественская вирша, едва-ли не лучшая въ художественномъ отношеніи. Она изображаетъ всеобщую радость по поводу рожденія Спасителя. Основной мотивъ этой вирши въ неразработанномъ видѣ мы нашли въ одной старинной рукописи прошлаго вѣка. Повидимому, это вирша колядка:

«Солнце и мѣсяць весело играютъ,
Гори и холми радость въ себѣ маютъ,
Поля и дуброви
Хвалить Бога вси готови,
И вси человѣци днесь весело скачуть,
А зліе души вси во адѣ плачуть.
А ти, Аароне, старій человѣче,
Сподобилеся жить въ небѣ вѣчне,

[1]) Чубинс.Ш, стр. 359, № 87, вар. Б.

Digitized by Google

Же Богъ-Месія
Съ твоего жезла возсія.
А ти, Давиде, своя гусли строй, строй,
Грай весело, а Бога ся бой, бой,
Возграй, восклицай, велінмъ гласомъ викрикай!»[1])

Вирша-орація начинается изображеніемъ праздничнаго торжества между людьми:

«Бабы, дяды пыво-меды, горилку варену
Кухликомъ пьють, съ кнышами трутъ свыныну печену,
Хлопци, дивкы навпередкы бигають пидъ хатки,
И якъ вовкы, або свынкы, скыргычуть колядки.
Паны, купци, славни кравци, шынкарство, мищане
Объ симъ Риздви уси въ нови убралысь жупаны».

Тутъ есть все: разные возрасты и сословія обитателей Малороссіи, пища и одежда ихъ. Живая, бытовая картинка эта замыкается олицетвореніемъ матери-земли:

«Маты-земля уся гуля и, взявшысь у боки,
Писни гука, бье гопака въ пидкивкы шыроки».

Торжествуютъ и ангелы на небѣ: „въ долони бьють, писни гудуть“. Глядя на это всеобщее ликованье,

«Старенькый Богъ на стилъ излигъ и самъ соби дума:
«Праздныкъ душамъ, тильки Адамъ изъ Евою рюма».

Тяжело ему видѣть эту неполноту міроваго счастія: „важко здыхнувъ“ онъ и приказалъ архангелу Гавріилу написать въ адъ къ праотцамъ, что Христосъ родился. Небесный посланникъ на этотъ разъ оказался искуснымъ писаремъ: тотчасъ досталъ онъ „папиръ и черныло“ и написалъ измученному Адаму длинное посланіе съ отрадною вѣстью, что онъ вмѣстѣ съ потомствомъ своимъ „изъ пекла спасеться“. Съ характерными пріемами медленнаго и флегматическаго украинца читаетъ Адамъ посланіе отъ Бога: предварительно онъ „надивъ сирякъ, на лавку сивъ да и надивъ на нисъ окуляры“... Ожилъ Адамъ, какъ только окончилъ чтеніе:

[1]) Рукопись церк.-археологич. музея при кіевс. Академіи, № 252.

Digitized by Google

«Якъ прочытавъ, Евп сказавъ: «давай варенухы!»

Подкрѣпившись изрядно, онъ съ соблюденіемъ всѣхъ подобающихъ церемоній

«Зъ гыри зняла капелюху,
На пень же ставъ тай прочытавъ той лыстъ всимъ до слуху,
И увесь тутъ загудивъ людъ, мовъ литомъ ти бджолы,
Беруть жинокъ, ведуть въ танокъ, затыкавшы полы.
Тин бычка, ти козачка, ти горлыцю скачуть,
Сами-жъ стари, сыдя въ шатри, одъ радосты плачуть.
Пророкъ Давыдъ тамъ-же сыдыть и въ кобзу играе,
Писню святу Спасу-Хрысту зъ псалтыри чытае.
Чорнявый Хамъ сыдыть тежъ тамъ и ряже въ сопилку,
Самъ добре пье и всимъ дае квартою горилку.
Куци чорты, мовъ ти хорты голодни, скиглять,
Лапы грызуть, що попавъ рвуть, скрутылысь и пынять.
Суцига-смерть соби жъ верть-верть и ляпъ-ляпъ кисткамы.
Смерте, втаймусь!..
Нашъ Богъ-Хрыстосъ чортивъ, якъ осъ, подавыть ногою,
Зъ твонхъ кистокъ, смерте, трисокъ наробыть и гною,
Всихъ васъ у прахъ потре и шляхъ намъ зробыть до раю.
Сымъ я Хрыстомъ, паны, зъ Риздвомъ васъ поздоровляю» [1]).

Мы не имѣемъ серьезныхъ основаній отказывать нашимъ предкамъ въ набожности религіозной. Борьба за вѣру отцевъ, за „благочестіе“, какъ говорили въ старину, наполняетъ много страницъ въ исторіи малорусскаго народа. И нужно сказать еще, что борьбу эту вела не одна простонародная масса; не отставали отъ общаго дѣла всѣ слои малорусскаго общества, не исключая, конечно, и тѣхъ, изъ которыхъ происходили сочинители праздничныхъ виршей. И однако-же мы не видимъ въ этихъ виршахъ церковной регламентаціи и соотвѣтствующей выдержанности. Напротивъ того, мы видимъ въ нихъ совершенно сво-

[1]) „Кіевская Старина“, 1882 г., Декабрь, 624—626. Сообщилъ С. И. Пономаревъ безъ означенія мѣста и времени записи. Варіантъ той-же вирши, но безъ конца списанъ въ 1888 г. въ Кролевец. у. со словъ А. А. Пороховской; см. „Кіевс. Старина“, 1889 г., Январь 234. Въ нашемъ распоряженіи есть тоже два списка этой вирши, сравнительно недавніе.

Digitized by Google

бодное и, можно сказать, смѣлое обращеніе съ сюжетами, которые составляютъ святыню христіанскаго вѣрующаго чувства. Можно-ли сказать безъ всякихъ колебаній, что въ нихъ нѣтъ этого чувства? Намъ кажется прежде всего, что въ нихъ есть особенное чувство, именно чувство мѣры, которое управляетъ мыслями писателя въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ желаетъ, какъ говорится въ народѣ, „не передать кути меду“. Въ оцѣнкѣ этого чувства, въ соображеніяхъ о томъ, на сколько и какъ соблюдено оно, конечно, могутъ быть разныя точки зрѣнія. Но, по нашему мнѣнію, за исключеніемъ вымышленныхъ подробностей, взятыхъ изъ живой жизни, во всѣхъ приведенныхъ нами виршахъ сквозь реальную и даже, повидимому, грубую оболочку проглядываетъ тотъ идеализмъ религіозный, который далекъ былъ отъ разъѣдающаго скептическаго настроенія и который не боится свободнаго слова, такъ какъ почиваетъ онъ на глубокой увѣренности въ самомъ себѣ, въ собственной природѣ своей. Оттого и святые, выступающіе въ виршахъ, говоря и дѣйствуя въ духѣ и тонѣ праздничнаго всенароднаго настроенія, производятъ впечатлѣніе людей симпатичныхъ по своему нравственному настроенію, понятому въ смыслѣ идеи, а не въ смыслѣ обряда. Напротивъ того, дьяволъ и послѣдователи его внушаютъ полнѣйшее отвращеніе именно вслѣдствіе отсутствія въ натурѣ ихъ нравственной основы. Мы понимаемъ, что тѣ и другіе поставлены въ кругъ человѣческихъ отношеній, на почву живой, текущей дѣйствительности съ ея заурядными стремленіями и треволненіями, но мы не видимъ въ то-же время принципіальнаго разногласія въ изображеніи этихъ лицъ съ основной идеей, завѣщанной библейскимъ или евангельскимъ ученіемъ. Мы не можемъ требовать отъ нашихъ виршей того, что составляетъ необходимую принадлежность церковныхъ пѣснопѣній. Мы можемъ судить объ нихъ только лишь со стороны ихъ поэтическаго достоинства, со стороны поэтическаго метода въ изображеніи религіозныхъ понятій. Въ этомъ отношеніи онѣ удовлетворяютъ не только общимъ условіямъ поэтическаго творчества, но и тому основному требованію его, которое заключается въ соблюденіи индивидуальныхъ особенностей, свойствен-

Digitized by Google

ныхъ творящей силѣ. Если бы намъ предложили, наконецъ, въ немногихъ словахъ назвать эти индивидуальныя особенности, то мы сказали-бы, что въ праздничныхъ малорусскихъ виршахъ, и именно въ виршахъ-ораціяхъ, мы видимъ оригинальное сочетаніе элементовъ неоднородныхъ — юмористическаго замысла и простодушно-наивнаго чувства.

На воскресенскихъ виршахъ мы не будемъ долго останавливаться. Онѣ развиваютъ только одну тему, достаточно развитую въ послѣдней рождественской виршѣ, именно мысль объ „избавленіи отъ вечнаго плена нашого“, какъ говорится въ одной виршѣ, т. е., объ изведеніи Спасителемъ праведныхъ душъ изъ ада. Начинается эта вирша разсказомъ о встрѣчѣ Іуды съ Люциперомъ во адѣ. Радъ Люциперъ дорогому гостю и принимаетъ его, какъ союзника своего:

«Теперъ же я», говоритъ онъ,—
«позволяю въ собою сыдити,
И яже азъ пію чашу, то й ты будешъ пыты».

Онъ надѣется, что посланные имъ бѣсы приведутъ въ адъ и Спасителя. Между тѣмъ бѣсы извѣщаютъ Люципера, что приближается къ аду воскресшій истинный Богъ въ сопровожденіи ангеловъ, которые поютъ ему пѣснь славы. „Що тамъ за царь славы“? восклицаетъ Люциперъ и хочетъ не пустить Спасителя на небо. Другіе бѣсы совѣтуютъ ему оставить этотъ планъ:

«Хиба жъ ты», говорятъ они,
«не знаешъ? Якъ винъ сюда прыйде,
То весь собранный нами народъ изъ пекла выйде».

Вотъ наконецъ является въ аду Спаситель. Божественный свѣтъ осіялъ мрачныя пучины ада. Спаситель приказываетъ Адаму, чтобы онъ самъ выходилъ изъ ада, не оставляя ни одной праведной души, кромѣ Каина и Соломона, который можетъ „крипко-дуже мудроваты“. Люциперъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что ему достался мудрѣйшій человѣкъ, но Соломонъ не замедлилъ поспорить съ Люциперомъ, за что бѣсы изгоняютъ его изъ ада. Такъ-то и Соломонъ изъ пекла „вымудровався“ [1]).

[1]) Основа, 1862 г. № 6, стр. 49—53. Вирша эта записана отъ И. М. Полторацкаго въ харьковской губерніи.

Digitized by Google

Въ другихъ воскресенскихъ виршахъ рѣчь идетъ о томъ же, только подробнѣе нарисована сцена исхода ветхозавѣтныхъ праведниковъ изъ ада и самое водвореніе ихъ въ раю. Въ видѣ предисловія къ одной изъ этихъ виршей, вполнѣ народной по языку, разсказывается о томъ, какъ Марія встрѣтилась съ воскресшимъ Спасителемъ, какъ жиды подкупили стражу, чтобы она сказала Пилату, будто бы Христа кто-то укралъ изъ гроба:

«А Хрыстосъ бувъ на роботи,
Попалывъ собѣ чоботы,
Покпль пекло погасывъ
И Адама воскресывъ».

Уже въ аду начинаютъ догадываться праведники о радостномъ событіи: Моисей

«Прыбигъ швыдче къ Аарону
Зробыть справку по закону:
Чы прыйшла годына та,
Чы выйшлы лита Хрыста?
Ааронъ очкы надивъ
И въ быблію поглядывъ».

Догадался и дьяволъ, что Христосъ воскресъ, и потому

«Злякався, затрусывсь увесь».

Но вотъ приближается Христосъ къ аду, разсыпались стѣны ада, спрашиваетъ Христосъ дьявола:

«Де старенька баба Ева?»

Помѣшалъ дьяволъ кочергою въ пеклѣ, вышла Ева съ обгорѣлыми плечами, а за нею и Адамъ,

«Ажъ Христосъ злякався самъ».

Ступайте, говоритъ онъ имъ, въ рай! Побѣжали праотцы, какъ малыя дѣти:

«Ева на вси жылы брала,
А Адамъ ажъ употивъ,
Попередъ усихъ летивъ».

Затѣмъ одинъ за другимъ выходятъ Ной, Іафетъ, Авраамъ,

Digitized by Google

«Рудый богатырь Самсонъ,
Що бувъ вельми ласъ на сонъ,
Наробывъ винъ въ пекли трусу,
Крыкнувъ Навину Исусу,
Щобъ винъ сонце прыдержавъ:
Адъ затрясся, задрожавъ».

Прибѣгаютъ праведники къ дверямъ рая. Здѣсь

«Премудрый Соломонъ
Задзвонывъ у райскый дзвонъ».

Зовутъ всѣхъ на обѣдъ:

«Тутъ посили вси за стилъ,
Подалы и хлибъ, и силь,
Кожному по чарци пыва.
Наробывъ Давыдъ тутъ дыва,
Прыударывъ въ гусли такъ,
Що пишовъ скакать усякъ».

Въ танцахъ принимаютъ участіе ветхозавѣтныя женщины: Сарра, Рахиль, Лія, Ревека, Сусанна и Эсфирь.

Грубо поняты въ этой виршѣ наслажденія праведныхъ въ раю, но точкой исхода въ перенесеніи земныхъ наслажденій на небо было, конечно, представленіе о псалмопѣвцѣ Давидѣ, который и въ живописи церковной является съ гуслями. Въ Симоновской псалтири (до 1280 г.) мы видимъ изображеніе Давида съ гуслями въ цѣлой толпѣ музыкантовъ, которые играютъ на самыхъ разнообразныхъ инструментахъ [1]). А гдѣ игра, тамъ и пляска, по наивному убѣжденію народа.

Особенный интересъ представляютъ заключительныя слова этой вирши:

«Не здывуй, святый Владыко,
Може, для тебе и дыко,
Що я виршъ таку сказавъ,
Да и писанкы не взявъ.
Не доладня наша мова,

[1]) Изъ библіотеки Хлудова. (См. Сборникъ изображеній святыхъ съ X по XV в. Архим. Амфилохія, 1885 г., л. 17-й).

Digitized by Google

Да не збрешемъ мы ни слова,
Хочъ и сердце розверны,
То не найдешъ тамъ брехни.
Ты, Всевидець и Творець,
Висы начало й конець [1])».

Очевидно изъ этихъ словъ, что вирши юмористическаго содержанія, и притомъ на чисто народномъ языкѣ, произносились даже предъ высокопоставленными лицами. По преданію, одну изъ такихъ виршей въ день праздника Пасхи говорили черноморцы свѣтлѣйшему князю Потемкину [2]). Повидимому, обычай этотъ интересовалъ не только молодежь, но и взрослыхъ людей, занимавшихъ солидное общественное положеніе. Такъ можно думать, между прочимъ, и на основаніи содержанія одного изъ варіантовъ черноморской вирши, въ которой рѣшительно и прямо высказываются desiderata посполитаго люда. Какъ только воскресъ Спаситель, говорится въ заключительныхъ строкахъ вирши,

«Заразъ тая середъ рая свобода засила,
Тутъ тышына, вся старшына не мае къ имъ дила;
Тутъ сипуга, вийтъ-пъянюга, вже не докучае,
И въ пидводу тутъ изъ роду нихто не хапае.
Вси подублы, що ихъ скублы, сильскии нахалы,
Подеречи, колотнечи вси уже пропалы.
Утикъ куражъ, здырства нема жъ, пропалы вси драчи,
Счезло лыхо, жывуть тыхо, не дають подачи» [3]).

Какъ бы то ни было, только отъ нравоописательныхъ виршей не далекъ былъ уже переходъ и къ поэтическимъ произведеніямъ чисто общественнаго содержанія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ одно изъ этихъ произведеній, уцѣлѣвшее отъ

[1]) Кіевская Старина, 1888 г., № 1-й, 279—282. Записана эта вирша въ сороковыхъ годахъ И. М. Звониковымъ отъ мѣщанина кіевскаго Плекуна. Мы изложили содержаніе ея по списку болѣе полному, относящемуся къ тому-же времени.

[2]) Сводный списокъ этой вирши по рукописямъ А. А. Скальковскаго и Н. В. Гоголя помѣщенъ въ „Кіевской Старинѣ", 1882 г., Апрѣль.

[3]) Ibidem, 1882 г. Сентябрь. Варіантъ этой вирши см. Терещенко, „Бытъ рус. народа", ч. 6, стр. 112—115;—кіевс. Епарх. Вѣд. 1877 г., № 7.

Digitized by Google

XVIII в. въ позднѣйшемъ спискѣ. Мы разумѣемъ стихотворную легенду о пекельномъ Маркѣ [1]), который

«Бувъ ледарь завзятый,
Батька й матиръ не поважавъ,
А все тильки пывъ та гулявъ;
На улыцю до дивчатъ першымъ поспишався,
А у церкви послиднимъ зоставався,
Щобъ мерщий можна було втикаты,
Якъ попъ на выходъ почне благословляты;
Зъ чужымы жинкамы женыхався,
Та старыхъ людей цурався,
За его буйною головою
Не було никому спокою».

Одинъ разъ говѣлъ онъ и причастился. Въ этотъ моментъ, когда еще не успѣлъ онъ натворить новыхъ грѣховъ, явился къ нему апостолъ Петръ во снѣ и приказалъ ему освободить изъ пекла козаковъ, которыхъ бѣсы старались задержать въ пеклѣ всякими приманками:

«Жинокъ понапускалы,
Щобъ козакивъ на нови грихы скушалы.
Вже де-яки почалы женыхаться,
Щобъ у пекли на викъ позостаться.
А иншыхъ сталы горилкою частуваты,
Щобъ тильки спасения перестали прохаты.
«Будетъ мени зъ пекла», говоритъ апостолъ, «козакивъ вызволяты,
Та у рай заставы видчыняты».

Исчезло видѣніе, и Марко очутился въ пеклѣ. Началъ онъ, какъ говоритъ народная пословица, „товктысь по пеклу“ и окончилъ миссію свою съ полнымъ успѣхомъ: освободилъ онъ всѣхъ козаковъ.

«Сто литъ пекло пустовало»,

[1]) Ibidem, 1885 г., Августъ. Легенда записана въ Тенчинской станицѣ Черноморскаго войска отъ козака 76 лѣтъ, Вакулы Губы, въ 1835 г.

Digitized by Google

такъ заканчивается легенда,

«И такъ було бъ и пропало,
Та козаки почалы гришыты,
Та Господа гнивыты.
Зъ сего упять чорты понаплодылысь,
Та пекло почалы робыты,
Щобъ де було козацькымъ грихамъ жыты»...

Много было грѣховъ этихъ, не мало и добродѣтелей. Для знакомства съ тѣми и другими остановимся на діалогахъ и интермедіяхъ, которыя тоже входятъ въ составъ виршевой литературы, созданной старинной малорусской школой.

Центромъ настоящаго нашего очерка мы избрали вертепную драму, въ которой нравоописательный элементъ выступаетъ въ сценическомъ представленіи, какъ главная сила, управляющая словами и поступками дѣйствующихъ лицъ.

Собственно говоря, сюжетъ вертепной драмы одинъ и тотъ же у всѣхъ европейскихъ народовъ, поэтому не въ немъ заключается главный интересъ ея, а въ своеобразной обработкѣ его и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, подсказанныхъ самою жизнію. Съ этой стороны малорусскій вертепъ есть явленіе вполнѣ самостоятельное.

Не беремся судить о томъ, когда появился онъ въ южной Руси[1]). Можно полагать только, что тексту вертепной драмы предшествовали отдѣльныя пьесы, то въ видѣ обычныхъ народныхъ пѣсенъ, то въ видѣ виршей-колядокъ или виршей-орацій, то, наконецъ, въ видѣ всякаго рода діалоговъ, которые въ старинной малорусской школѣ были самою любимою формой виршеваго творчества. Иногда вирши на Рождество и на Воскресеніе Христово, предназначаемыя для произнесенія нѣсколькими лицами, имѣли діалогическую форму[2]). Иногда діалогомъ называлась бесѣда въ стихахъ богословскаго содержа-

[1]) Athenaeum Крашевскаго, 1843 г. Odział 3. Одинъ изъ сотрудниковъ этого журнала видѣлъ въ с. Ставищахъ ящикъ съ надписью: „1591 года сооруженъ“ Другой экземпляръ онъ видѣлъ съ надписью отъ 1633 года.

[2]) Таковы, напримѣръ, рождественскія вирши Памвы Берынды и Кирилла Транквилліона: первыя произносились семью отроками, вторыя—пятью.

Digitized by Google

нія [1]). Такое же названіе носитъ одна изъ древнѣйшихъ южнорусскихъ мистерій о страстяхъ Христовыхъ [2]). Есть, наконецъ, діалоги чисто бытоваго содержанія. Отъ позднѣйшаго времени, не ранѣе какъ отъ второй половины XVIII вѣка, мы имѣемъ попытку перевести вирши о пастухахъ въ діалогъ, который имѣетъ видъ вступительной сцены къ какой-то рождественской драмѣ. Мы разумѣемъ „Діалогъ пастырей", въ которомъ два пастуха, управившись съ хозяйствомъ, богословствуютъ наканунѣ Рождества въ простонародномъ тонѣ. Они вспоминаютъ о грѣхопаденіи прародителей, ожидая, что имѣющій родиться Спаситель міра „дѣдькамъ дастъ доброго чоса" [3]). Къ тому же разряду діалоговъ относятся „Воскресенскіе стихы", изъ которыхъ нѣкоторые отрывки приводятся ниже. Съ діалогами этого рода, которые ничѣмъ въ сущности не отличаются отъ интермедій, безъ сомнѣнія, находилась въ тѣсной связи вертепная драма. Могла быть она составлена въ первой половинѣ XVIII вѣка и даже раньше, но въ первоначальной редакціи она намъ неизвѣстна [4]). Думаемъ только, что съ перваго момента своего появленія она подвергалась позднѣйшимъ видоизмѣненіямъ, причемъ въ основной текстъ драмы могли быть внесены пьесы болѣе древнія, чѣмъ самая драма. Однимъ словомъ, вертепная драма шла по тому же пути коллективной обработки, какъ и устныя произведенія народной поэзіи. Приблизительно можно отнести современный намъ текстъ ея къ семидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія [5]).

---

[1]) Таковъ, напримѣръ, „Банкетъ духовный", помѣщенный въ апрѣльской книжкѣ Кіевской Старины за 1892 г.

[2]) Кіевская Старина, 1891 г., Апрѣль.

[3]) Рукопись церковно-археологическаго музея при кіевской Академіи, f. III, 8. 10.

[4]) Сохранилась она въ двухъ спискахъ: по одному изъ нихъ напечатана въ сборникѣ Н. И. Маркевича: „Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ", Кіевъ, 1860 г. Подробный пересказъ другаго списка, принадлежавшаго Г. П. Галагану, имъ самимъ составленный, помѣщенъ въ Кіевской Старинѣ за 1882 г., Октябрь.

[5]) Объ этомъ мы имѣемъ положительное свидѣтельство Г. П. Галагана: „по разсказамъ моего отца, нѣкоторыхъ родныхъ и мѣстныхъ старожиловъ, говоритъ онъ, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка къ моему прадѣду зашли съ вертепомъ кіевскіе бурсаки. Вѣроятно, ихъ представленіе принято было съ большимъ

Digitized by Google

Мы не будемъ останавливаться на первой части Вертепа, такъ какъ вся она есть ничто иное, какъ драматизированное воспроизведеніе того матеріала, съ которымъ познакомились мы въ рождественскихъ виршахъ. Ни одной новой нравоописательной черты не прибавляетъ она къ извѣстнымъ намъ лицамъ, дѣйствующимъ въ виршахъ.

Совсѣмъ не то представляетъ намъ вторая часть вертепа, въ которой выступаетъ предъ нами цѣлый рядъ лицъ, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни и обрисованныхъ выпукло и ярко.

Вообще говоря, вся эта вторая часть есть изображеніе радости по поводу рожденія Спасителя,—только въ виршахъ радуются вмѣстѣ съ людьми и праведники, тогда какъ на сценѣ Вертепа радуются простые смертные, люди разныхъ возрастовъ, сословій и народностей. Это и есть нить, соединяющая въ одно цѣлое всѣ эти веселыя группы, выступающія одна за другой на сцену.

Мы будемъ всматриваться въ эти группы подъ угломъ тѣхъ свѣтовыхъ впечатлѣній, которыя производятъ главныя дѣйствующія лица, какъ представители мѣстной жизни. Лица эти — крестьянинъ, козакъ и запорожецъ. — Для дополненія вертепныхъ сценъ мы будемъ пользоваться соотвѣтствующими подробностями изъ діалоговъ и интермедій.

Съ крестьяниномъ вертепной драмы мы уже отчасти знакомы: это Климъ и жена его. Все хозяйство ихъ заключается въ свиньѣ и козѣ. У Клима нѣтъ денегъ, чтобы заплатить дьяку за обученіе его сына,—вотъ онъ и отдаетъ ему не безъ хитрости свинью, у которой „ребра такъ и свитяться“ [1]). Въ первой интермедіи Георгія Конисскаго мы видимъ на сценѣ мужика, повидимому хлѣбороба зажиточнаго. Онъ наслаждается созерцаніемъ уродившей нивы, сомнѣвалсь, чтобы *мудрогели*

сочувствіемъ, потому что мой прадѣдъ, удержавъ на нѣкоторое время странствующихъ артистовъ, устроилъ для себя вертепъ, при чемъ бурсаки передали вертепный текстъ и нотное пѣніе мѣстному хору пѣвчихъ, существующему непрерывно и до сихъ поръ“. Кіевская Старина, 1882 г., Октябрь.

[1]) Отрывки изъ вертепной драмы мы будемъ приводить по сокиринскому тексту Г. П. Галагана. Текстъ г. Маркевича намъ кажется позднѣйшимъ.

Digitized by Google

больше его понимали въ хлѣборобствѣ. Рисуетъ онъ житье-бытье свое, исчисляетъ повинности и нужды свои:

«Треба и на правенты, тулко б зъ того дбаты,
И себе б то самóго зъ детми годоваты» [1]).

Если бѣдный Климъ несетъ расходы на школу, то тѣмъ паче состоятельный хозяинъ:

«Треба», говоритъ онъ, «и роковщину, що школу зъучае,
Треба жъ и тимъ, що миркають що-небудь уткнуты».

Неизвѣстно, отчего обѣднѣлъ Климъ, по собственной-ли винѣ или отъ насилій панскихъ. Вообще онъ не поставленъ въ сферу соціальныхъ отношеній, оттого черты его недостаточно ясны и выразительны. Бросается въ глаза только его добродушный юморъ. Когда не стало у него и козы по собственной винѣ его, то онъ утѣшаетъ себя такъ: „понесу жъ ии (козу) до дому, та отдамъ собакамъ шкуру, а изъ мняса справлю жинци кожухъ".

Въ такомъ-же освѣщеніи выступаютъ предъ нами крестьяне и въ другихъ интермедіяхъ. Въ одной изъ нихъ мирно бесѣдуютъ между собою два почтенные отца семейства—Жовридъ и Онопрій. Оба они жалуются на продолжительность и тяжесть великаго поста. Въ ироническомъ тонѣ хвалятъ они своихъ женъ за то, что онѣ мастерски приготовляютъ квашу и соломаху. „Якъ наимось, говоритъ Жовридъ, соломахи въ смакъ съ березовымъ сокомъ, то хто черевомъ повзе, а иншій и бокомъ". Не нравится имъ и то, что отецъ духовный

«Загадуе по тижнямъ до церкви ходиты,
Та ще рано и вечиръ поклоны быты,
А що бъ люльки потягты, табаки понюхать, того
не дай Боже,
Та вже то винъ выдумае, чого и негоже».

---

[1]) Отрывки изъ интерлюдіи Г. Конисскаго приводимъ по списку съ рукописи церковно-археологич. музея при кіевской Академіи по описанію этихъ рукописей №№ 659 и 664. По той же рукописи интерлюдіи Конисскаго напечатаны въ „Древней и Новой Россіи", 1878 г., Ноябрь.

Digitized by Google

Единственное утѣшеніе остается имъ, что скоро „Великдень“. Только что подумали они „про те Риздво, що роблять паску“, какъ вдругъ прибѣгаетъ сынъ Онопрія Педь и извѣщаетъ отца, что видѣлъ онъ, какъ на закатѣ солнца въѣхалъ къ нимъ въ деревню давно ожидаемый „Великдень“. По наружному виду это былъ

«челядинъ gречный,
Волы въ іого не похужѣ; та и визъ валечный,
На іому чекминь, якъ снѣгъ, шапка выгилярка,
У черчатымъ поясѣ, хустка въ бока гарна,
Въ поливаныхъ чоботяхъ, штаны тузенковѣ,
Червоная застѣжка и чоботы нови,
Въ рукахъ іого червоная короговка мае,
Ковбасою винъ стихенька волы поганяе».

Обрадованные этою вѣстью, Жовридъ и Онопрій помышляютъ уже о томъ, чтобы приступить къ „розговинамъ“. Въ это время появляется Педоря, жена Онопрія, и проситъ ихъ, чтобы они помогли ей вынять изъ печи пасху. Говоритъ она, что

«Вже и кочергою, и заступомъ довбала,
Та ничого не вражу, дужа до череня пристала.
Охъ, тамъ же то була—вдалася,
Що якъ сажала въ пичь, то на сажнь тяглася».

Оказалось, что пасха никуда не годится „ни къ людямъ, ни къ Богу“. Такая же неудача постигла Педорю въ приготовленіи и другихъ пасхальныхъ яствъ—поросенка и яицъ. Наступило разочарованіе полное.

«А що бъ же ты», говоритъ Онопрій своей женѣ, «пидъ царскій вѣнецъ не пидійшла, шевлюго проклята,
Се жъ ты наробила, що не знатымемо свята».

Отъ этой живой бытовой картинки вѣетъ наивною простотою нравовъ, которые и теперь еще не исчезли въ малорусской деревнѣ. Тѣ же свя́точныя сцены происходятъ въ нашей современной сельской обстановкѣ, тотъ же благодушный ропотъ мужей на торопливое „поранье“ женъ передъ святками,

Digitized by Google

тотъ же юморъ, тѣ же рѣчи, за исключеніемъ, можетъ быть, *пиворъзной* фантазіи, создавшей образъ „Великодня", ѣдущаго на возѣ „рыжыми волами", которые едва „тягнуть ногы за ногамы" [1]).

Иногда въ интерлюдіяхъ сельскій обыватель является совсѣмъ недалекимъ и недогадливымъ человѣкомъ. Такъ, во второй рождественской интерлюдіи М. Довгалевскаго одинъ крестьянинъ разсказываетъ двумъ собесѣдникамъ своимъ сонъ и призываетъ къ себѣ бабу, которая отгадываетъ сонъ въ благопріятномъ смыслѣ. Цыганка подслушала разговоръ о чудесномъ снѣ и разсказала сновидцу о томъ, что ему снилось, вытянувъ при этомъ у него изъ-за пазухи хустку: „о се жъ, братци", восклицаетъ онъ: „цыганка якая из-лиха, на память до слова беретъ з торби, якъ з мѣха!" [2]).

Какъ бы для того, чтобы рѣзче оттѣнить медленность и неповоротливость крестьянина, поставленъ рядомъ съ нимъ проворный, юркій цыганъ. Вѣчно голодный бродяга, онъ живетъ кузнечнымъ ремесломъ, а жена его ворожбою. Скудные заработки свои они восполняютъ обманомъ и воровствомъ.

«Чомъ, цыгане, не орешъ?»

спрашиваетъ цыганка своего мужа въ вертепной пѣснѣ.

«Бо не маю плуга», отвѣчаетъ онъ,
«Тильки въ мене плужка,
За поясомъ пужка».
—«Чомъ, цыганко, не прядешъ?»

спрашиваетъ онъ свою жену.

«Бо не вмию пряcты», отвѣчаетъ она:
Изъ-за гаю выглядаю,
Щобъ сорочку вкрасты».

---

[1]) Рукописный сборникъ, принадлежавшій въ 1817 году какому-то семинаристу, студенту риторики. Изъ лубенскаго архива Е. Н. Скаржинской. № хран. кат. 2346.

[2]) Отрывки изъ интерлюдій М. Довгалевскаго приводимъ по рукописи 1736 года, хранящейся въ библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря подъ № 1710.

Digitized by Google

Впрочемъ, къ цыгану относится крестьянинъ безъ особаго озлобленія: онъ видитъ въ немъ дитя природы, повинующееся ея слѣпымъ инстинктамъ,—зло, столь же неизбѣжное въ жизни, какъ и разрушительныя стихіи природы. Этотъ взглядъ на цыгана лежитъ въ основаніи шутливаго, беззлобнаго настроенія, выражающагося въ народныхъ сказкахъ о цыганахъ; тотъ же взглядъ господствуетъ и въ драматическихъ сценахъ вертепа и интерлюдій, въ которыхъ появляются цыгане.

Не то положеніе занимаетъ въ нихъ еврей. Это уже хищникъ сознательный, поэтому въ изображеніи его замѣтна добрая доля сатирической желчи, которая обнаруживается въ томъ, между прочимъ, что въ сценахъ столкновенія цыгана съ евреемъ всегда дается предпочтеніе торжеству перваго надъ послѣднимъ, а не наоборотъ, причемъ посрамленіе еврея подчеркивается съ особеннымъ удовольствіемъ. Такъ, въ пятой рождественской интерлюдіи Довгалевскаго разсказывается о томъ, что у еврея украли кобылу. Горюетъ онъ, припоминая добрыя качества своей кобылы:

«Сцо така втѣсная та була кобила,
Вона, якъ цоловѣкъ, то такъ говорыла.
А взе якъ дома, то з оранды не вѣдбиты,
Медъ, горѣлку и пиво умѣетъ було пити».

Боится онъ показаться передъ женой и покупаетъ при посредствѣ Грека у какого-то Волоха кобылу, которая „такъ, якъ тая, хвостомъ кивае“. Это была его собственная кобыла, которой онъ не узналъ. Является цыганъ, союзникъ Грека и Волоха, укравшихъ кобылу:

«Бачу, говоритъ онъ, що и жиди вже конѣ волочатъ,
Тилко бѣдныхъ циганъ злодѣйствомъ порочатъ».

Съ угрозою отбираетъ онъ у еврея свое добро. Такимъ образомъ еврей вдвойнѣ одураченъ: потерялъ онъ свою кобылу, да еще и деньги за нее заплатилъ.

Съ высоты величія смотритъ еврей на міръ Божій. Онъ глубоко убѣжденъ, что его племени принадлежитъ великое бу-

Digitized by Google

дущее. Міровоззрѣніе это выражено въ немногихъ словахъ вертепной драмы:

«Явреевъ, говоритъ онъ, самъ Богъ засцисцавъ,
За огненнымъ стовпомъ ихъ ховавъ,
Сце друге цудо винъ луцсе изробифъ,
Якъ у Цорному морю все вийско затопифъ.
Мойсей, Аронъ, Давидъ—вони жъ пакъ наси святии,
Озидали-зъ Месиаса и тии,
Винъ пакъ якъ прыйде,
Кругомъ насъ обийде
И сказе такъ:
«Цесни явреи! Я царь васъ,
Теперъ и свитъ весь насъ!»

Чтобы осуществить эту мечту, еврей по неодолимому влеченію природы весь погруженъ въ мелочи жизни, которыя ведутъ къ наживѣ. Во второй воскресенской интерлюдіи Довгалевскаго дьяволъ даетъ ему, какъ своему подданному, заповѣдь такого рода:

«Яждь вся, яже суть въ мирѣ, яже держитъ море,
А хлѣба не яждь, за что будетъ тебѣ горе».

Еврей размышляетъ, что дьяволъ хочетъ обмануть его, „що бъ з свѣта зогнати“.

«А я таки не хоцу, сцобъ іому слузити,
А я таки все буду тутъ орандовати,
Горѣлку, медъ и пиво буду продавати,
Або по ярмаркахъ произдзатись буду
З одного да на другій с тимъ, цого не збуду».

Онъ рѣшаетъ пожертвовать одной только свининой. Въ это время является цыганъ:

«А ти, старе заткало, сцо тутъ поробляешъ»,

спрашиваетъ онъ,

«Чи витришки продаешъ, чи кѣнми мѣняешъ?»
—«Я бо не того роду, отвѣчаетъ еврей, сцобъ
кѣнми мѣняти,

Digitized by Google

Мнѣ дай тилко напиткомъ всякимъ синковати».
— «А сала албо ковбасъ продавать не случалось?
Коли бъ вони теперъ, то бъ то смаковалось».
— «Не кази скоромного, я й слухать не хочу»...
— «А ти теперъ не пси скоромного, жиде,
Дакъ се, якъ бачу, твѣй постъ николи не зійде?»
— «Насъ Равъ бо намъ приказавъ, отвѣчаетъ еврей,
не исти свинины,
А самъ узе на той свѣтъ посовъ есце вцора,
Тамъ вѣнъ тепер исть въ небѣ вола соробора» (sic).

Цыганъ глумится надъ этимъ обрядовымъ благочестіемъ:

«Коли жъ такъ, говоритъ онъ, вже й іого дѣдько
к собѣ справивъ,
Бо коли бъ вѣнъ въ небѣ бувъ, небо бъ заплюгавивъ»...

И вотъ у этого еврея нерѣдко приходилось крестьянину служить наймитомъ: положеніе, по народнымъ понятіямъ, тягостное и унизительное.

«Не дай мени, Боже, говорится въ одной народной пѣснѣ,
служащого хлиба:
Служащий хлибъ добрий, та тилько вымовний;
Но кусочку крае, що дня вымовляе» [1]).

Однако же, и въ положеніи наймита этотъ самый простоватый и придавленный крестьянинъ держится съ сознаніемъ своего достоинства. Въ четвертой рождественской интерлюдіи Довгалевскаго еврей приказываетъ своему наймиту поганять воловъ, чтобы поспѣть на ярмарокъ:

«Сиди жъ бо, коли сѣдишъ», отвѣчаетъ ему наймитъ,
Якъ покину, то озметъ (тебе) дьяволова мати!»
— «Якъ покинесъ, говоритъ еврей, то не дамъ твоеи
заплати».
— «Я из горла видеру, спокойно замѣчаетъ наймитъ,
якъ року добуду».

[1]) Чубинс., V, 1020.

Digitized by Google

Сцена оканчивается миролюбиво: наймитъ пасетъ воловъ и варитъ подорожную кашу, а еврей разбиваетъ шатеръ и торгуетъ водкой.

Вообще крестьянинъ, появляющійся въ интерлюдіяхъ, есть лицо далеко не пассивное. Онъ умѣетъ постоять за себя тамъ, гдѣ это возможно. Такъ, въ третьей воскресенской интерлюдіи Довгалевскаго мы видимъ крестьянина съ сыномъ на торгу. Отецъ оставилъ сына на возѣ и приказалъ ему смотрѣть, чтобы все было цѣло, а самъ отправился за покупками къ празднику. Подходятъ къ возу три ярыги и, запугавши мальчика, утаскиваютъ мѣшокъ съ пирогами. Возвращается отецъ и видитъ, что пироговъ нѣтъ. Ворчитъ онъ на „негѣдного сина“.

«Якъ бы взявъ щоб не влучивъ, куди утѣкати,
То б воно памятало, якъ то догледати».

Хотѣлъ онъ было купить сыну къ святкамъ „шапчину“, а теперь, грозно заканчиваетъ онъ выговоръ свой, „ходи безъ шапки, неотецький сину“. Въ это время подвертывается ловкій ярыга и предлагаетъ купить шапку. „Щасливе якое“, замѣчаетъ отецъ, „нѣ гадавъ купить пличка, а тутъ якъ на тое чортъ приніосъ ис товаромъ“... Не сходится онъ въ цѣнѣ за шапку. Ярыга пристаетъ.

«Пѣди ти, говоритъ мужикъ, непелюго, не видали шкапи»...
«Да что ти, безтолковой, запальчиво кричитъ ярыга, меня здесь ругаешъ,
Какъ нападу за хахолъ, дакъ ти меня взнаешъ!»
«Ось я жъ тебе напередъ, спокойно замѣчаетъ мужикъ, хлудиною гречѣ,
Якъ писаночку, спишу помаленку плечѣ».
— «Какъ, Чупрунъ, мне тронешь», продолжаетъ горячиться ярыга, глаза растаскаю
И валоса з галови всіе повприваю!»
«На, колы хочь, отвѣчаетъ мужикъ, з денгою алтинъ за шапчину,
А придатку до коли колякою в спину».

Но если въ столкновеніяхъ съ цыганомъ и евреемъ малорусскій крестьянинъ долженъ былъ обладать личною энергіею,

Digitized by Google

то въ борьбѣ съ польскимъ элементомъ нужна была, сверхъ того, иная сила—нѣкоторымъ образомъ политическая,—нужно было, чтобы сельскій пахарь превратился въ козака. И вотъ предъ нами выступаетъ въ интерлюдіяхъ прошлаго вѣка другой типъ, взятый изъ народной жизни.

Въ пятой воскресенской интерлюдіи Довгалевскаго ляхъ хочетъ продать мужиковъ своихъ безъ земли, какъ живой товаръ. Еврей совѣтуетъ ему заарендовать мужиковъ. Ляхъ идетъ на эту сдѣлку. Дѣло покончено съ евреемъ за 100 злотыхъ. Ляхъ получаетъ задатокъ съ тѣмъ, чтобы еврей отдалъ остальное, когда наступитъ война противъ хлоповъ за то, что они вмѣстѣ съ козаками посягаютъ на „шляхетски клейноды". Является козакъ.

«Що б то се за причина и якъ розважати»,

говоритъ онъ,

«Що ляхи-шилихвости людіи продавати почали?»

Одинъ изъ мужиковъ обращается къ нему съ просьбой о помощи:

«Будь ласковъ, козаче, визволь з сего ляха,
Якъ пріидешъ до мене, дамъ вовса полмѣха».
— «Не буйся, чоловѣче», отвѣчаетъ козакъ, «буде самъ вертѣти
Хвандамы, якъ будемо въ ярмо запрягаты,
То вже не одважится людей продавати».

Ляхъ, какъ провинившійся школьникъ, конфузливо извиняется и обѣщаетъ впредь не грѣшить.

«Годѣ калантирить», отвѣчаетъ ему козакъ, «воль шію в ярмо класти,
Да пойдем до мене з жидомъ овець пасти».

Теперь обратимся къ этому козаку въ минуту интимной бесѣды его съ самимъ собою, чтобы видѣть, какъ понимаетъ онъ козацкое дѣло свое. Третья рождественская интерлюдія Довгалевскаго начинается слѣдующимъ монологомъ козака:

Digitized by Google

«Бувъ у турка подъ руками,
А в татаровъ з кайданами,
Богъ виручивъ мя оттуду,
А тепер мѣсця не найду.
Лѣсы, поля спустошенни,
Лугы, сѣна покошени,
Пороспускавъ дѣты,
Пойду знову на Сѣчъ-мати,
Пойду долѣ внизъ шукаты:
А чеи буду потугою,
А в москаля заслугою?
Чи не буде хочъ на низу добра,
Чи не трапится де поймати лиса або бобра?
Буду турковъ воевати,
Мечемъ слави добувати,
Кармазини з луданамы,
Шати брати з сутанамы.
Эгей! Коли б вшять, як була козацкая слава,
Що б роспустилась всюди, якъ пѣрами пава,
И що б зацвѣла знову, як рожа, у лѣтѣ,
Якъ Богъ позволитъ побрать турецкіи дѣти,
Або ляховъ на той часъ трапится поймати
И сѣмъ кіемъ козацкимъ по ребесахъ дати».

Итакъ, козакъ живетъ добычей, ибо на родинѣ его все разорено. „Сѣчь-мати“ не потеряла для него притягательной силы. Мечтаетъ онъ о казацкой славѣ, которую поставляетъ въ истребленіи турокъ и ляховъ. И однако же, одной доброй воли и личной храбрости мало было для того, что бы одолѣть враговъ, поэтому козакъ охотно принимаетъ услуги отъ москаля и готовъ выслужиться передъ нимъ. Эта послѣдняя черта козака явствуетъ изъ дальнѣйшаго хода той-же интерлюдіи. Ляхъ на охотѣ, въ толпѣ своихъ сподвижниковъ. Крестьяне (литвины), подданные его, приносятъ ему подарки. Онъ отплачиваетъ имъ кіями, причемъ разсуждаетъ о возстановленіи Польши въ старыхъ границахъ ея. Онъ строитъ воздушные замки и, по обыкновенію, надѣется на многое. Онъ упоенъ идеей шляхетскаго

Digitized by Google

происхожденія своего, собственной силы и храбрости своей. Какъ вдругъ появляется козакъ и москаль

«Пріймайся, козакъ», говоритъ ему москаль,
«не бойся, бери зъ плечей двоихъ,
А я тотчасъ уберу долгополыхъ отъ тихъ,
А што здесь о рубежахъ они спаминали,
Будто ляшенки Украину въ областяхъ держали,
Добро, вотъ покажемъ рубежи кнутомъ на спинѣ».
«И добре, земочку», отвѣчаетъ ему козакъ,
«що бъ другій памятавъ,
Да и дѣдчой своей дитинѣ заказавъ!»

Вообще появленіе москаля производитъ на сценѣ чудеса. Это какая-то всемогущая и бурная сила. Ляхъ предъ нею смиряется, мужикъ становится увѣреннымъ въ собственной силѣ. Москаль ведетъ себя развязно и смѣло.

«Я салдатъ прастой, не богословъ»,

говоритъ онъ о себѣ въ вертепной драмѣ,

«Не знаю красныхъ словъ,
Хотя я отечеству суть защита,
Да спина въ меня избита,
Читать и писать не вмѣю,
А гавару, што разумѣю» [1]).

Онъ постоянно слѣдитъ за тѣмъ, нѣтъ-ли гдѣ раздоровъ. Въ четвертой рождественской интерлюдіи Довгалевскаго онъ вмѣшивается съ этимъ вопросомъ въ мирную бесѣду ксендзовъ, толкуетъ отвѣтъ одного изъ нихъ въ оскорбительномъ для себя смыслѣ и затѣмъ двухъ ксендзовъ запрягаетъ, а третьяго заставляетъ погонять запряженныхъ собратьевъ и ѣдетъ въ Полтаву. Всюду онъ поспѣваетъ, вездѣ является, какъ власть имущій. Въ первой интерлюдіи Конисскаго мужики отдаютъ ему на расправу бабу—чаровницу. Москаль допрашиваетъ бабу, какъ судья, и наказываетъ ее кнутомъ, добиваясь за это вознаграж-

[1]) Варіантъ Маркевича.—См. „Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ", 1860 г., стр. 45.

Digitized by Google

денія. Не получивъ таковаго, онъ всѣхъ разгоняетъ—и мужиковъ, и бабу, и самаго войта, присутствовавшаго при этой сценѣ.

Тотъ же буйный нравъ и у запорожца, только, по свойству народнаго характера, фигура его массивнѣе, чѣмъ подвижная и бойкая фигура москаля. Въ извѣстныхъ намъ интерлюдіяхъ нѣтъ запорожца, зато въ вертепной драмѣ онъ выступаетъ, какъ главное дѣйствующее лице, воплощающее въ себѣ всепобѣждающую мощь народнаго духа, всегда искавшаго въ Запорожьѣ опорной точки для своей самодѣятельности.

Появляется запорожецъ въ вертепѣ тотчасъ послѣ хвастливыхъ рѣчей поляка. Онъ поетъ:

«Та не буде лучше,
Та не буде крашче,
Якъ у насъ, та на Украини,
Що не мае жыда,
Що немае ляха,
Не буде измны!»

Пѣсня эта обращаетъ въ бѣгство поляка, а затѣмъ запорожецъ произноситъ длинный монологъ, на которомъ мы и остановимся.

Ославъ въ догонку поляку нѣсколько язвительныхъ фразъ, запорожецъ говоритъ зрителямъ необычныя слова:

«Хоть дывысь на мене, та ба—не вгадаешъ,
Вицкиль родомъ, и якъ зовуть—ни чичиркъ не знаешъ».

И въ самомъ дѣлѣ, не имя, а *прозвище* его извѣстно людямъ,—и то тѣмъ только, кто бывалъ въ степяхъ. Впрочемъ, онъ и къ *прозвищу* своему равнодушенъ. Ему все равно, какъ бы кто ни назвалъ его—лишь бы не крамаремъ. Къ ремеслу крамаря, которое находилось главнымъ образомъ въ рукахъ евреевъ, старинное козачество относилось съ особеннымъ отвращеніемъ. Настроеніе это согласовалось съ завѣщаніемъ козакамъ Богдана Хмельницкаго въ извѣстной драмѣ: „Милость Божія... Украину освободившая“:

Digitized by Google

«Сами не купчуйте,
Луки, стрѣлки, мушкеты и сабли пильнуйте!»[1])

Итакъ, герой нашъ—житель степей. Онъ появляется лишь изрѣдка въ населенныхъ мѣстахъ, потому что давно уже порвалъ связи съ своимъ прошлымъ.

Кто-же поставилъ его въ это положеніе? Самъ-ли онъ доброю волею своею осудилъ себя на эту жизнь безпріютнаго скитальца, или же она послана ему злою судьбою его?

«Якъ бувъ, говоритъ онъ, богатъ
То казалы: Иванъ братъ,
А теперъ, якъ ничого не маю,
То нихто й не знае».

Это—обычный мотивъ, который не рѣдко развивается и въ думахъ семейнаго содержанія, и въ виршахъ: „одцурався ридъ“...

Вотъ изъ этихъ-то людей, не находившихъ въ семейной обстановкѣ уютнаго и прочнаго положенія, и слагалась та вольная община, которая сама для себя была матерью. Сыномъ этой матери и былъ вертепный запорожецъ:

«Видкиль родомъ я на свити,
Всякъ изъ васъ може знать прымиты:
Жинокъ въ Сичи не мае,
Всякъ тее знае,
Дыкии кони намъ сусиды,
Да днипрове сремя—
Ото наше плема!»

Постарѣлъ онъ. Силы ему измѣнили. Объ этомъ говоритъ онъ въ духѣ нравоучительныхъ виршей:

«Тымъ-то бачу, що вже не добра литъ нашихъ годына,
Скоро цвите и вьяне, якъ у поли былына».

Весь героическій вѣкъ—позади его, а впереди—безпомощная старость, и ничего больше не остается ему, какъ покориться общей участи живущихъ и умереть, если можно, спокойно.

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I.

Digitized by Google

«Хоча жъ мени и не страшно, говоритъ онъ,
на степу вмираты,
Та тилько жаль, що никому буде поховаты».

И это понятно. Козацкія похороны, какъ видѣли мы изъ многихъ малорусскихъ думъ, это обычная мечта степныхъ рыцарей. Вотъ и нашъ запорожецъ рѣшается лучше идти на Русь, чтобы попы „одпомыналы“ его душу. Но тутъ беретъ его раздумье: какъ умереть ему *на лавѣ*, въ мирной обстановкѣ жизни, а не на полѣ битвы? Припоминаетъ онъ молодые годы свои:

«Случалось мини и не разъ»,
говоритъ онъ словами думы,

«Въ степу варыть пыво:
Пывъ турчынъ, пывъ татарынъ, пывъ и ляхъ на дыво,
Багацько лежыть и теперъ зъ похмилля
Мертвыхъ головъ и кистокъ отъ того весилля...
Есть у мене, продолжаетъ онъ, мушкетъ—сиромаха,
Да ще не заржавила и шабля—моя сваха».

И кажется ему, что онъ могъ бы еще тряхнуть стариною:

«Гей, ну-те жъ ви, степы, восклицаетъ онъ, горить пожарамы,
Бо вже часъ кожухы мынять на жупаны зъ ляхамы!»

Но это была вспышка горячаго воинскаго чувства,—искра, навѣянная воспоминаніемъ о степныхъ пожарахъ и скоро потухшая въ немощахъ безсильной старости.

«Пекъ имъ», говоритъ онъ, якъ наможуться, то мусышъ
уступыты...
Цуръ имъ! Бодай ихъ! Якъ навыклы ляхы насъ дурыты!»

Въ заключеніе этой длинной исповѣди запорожецъ называетъ себя по имени:

«Козакъ Иванъ Выногура,
У ёго добра натура,
Въ Польщи ляхивъ оббирае,
А въ корчми пропывае...
Въ степахъ бобры та лысыци,
А въ шынку дивкы та молодыци.

Digitized by Google

Козакъ – душа правдывая,
Сорочкы не мае,
Колы не пъе, такъ... бъе,
Таки не гуляе»...

Предъ нами тотъ же типъ, который яркими чертами обрисованъ въ думахъ о козакѣ-голотѣ, о козакѣ-нетягѣ и о Ганжѣ Андыберѣ. Все это были люди, которые съ недовѣріемъ относились къ обычнымъ формамъ культурной жизни подъ вліяніемъ того убѣжденія, что она построена была на сословно-исключительномъ началѣ крѣпостнаго права. Только тѣ формы общежитія они могли считать правильными, которыя вытекали изъ идеи всенароднаго козачества, считавшаго неотъемлемою принадлежностію каждаго человѣка личную свободу, личную собственность на своей землѣ и всеобщее равенство всѣхъ козаковъ, управляемыхъ выборными властями. Эта широта требованій, не согласовавшаяся съ политическою обстановкою страны и не приведенная въ надлежащую юридическую ясность, сообщала самымъ требованіямъ характеръ утопіи, а носителямъ этой утопіи давала видъ странныхъ мечтателей, создавшихъ своеобразныя представленія о волѣ, возможной по условіямъ того времени въ степяхъ, а не въ культурныхъ центрахъ. Безъ сомнѣнія, эта непримиримость идеала съ дѣйствительностію ничего добраго не обѣщала въ будущемъ самому идеалу, тѣмъ болѣе, что защитники его не могли выработать въ степяхъ ни культурнаго метода борьбы за существованіе, ни такта, ни послѣдовательности. Нельзя отказать имъ въ энергіи и сильномъ темпераментѣ, который заставлялъ ихъ мѣнять насиженныя родныя мѣста на дорогую волю, соединенную со всякаго рода лишеніями и опасностями боевой жизни. Само собою разумѣется, что этого было мало... Тѣмъ не менѣе составители вертепа въ угоду народному чувству дали запорожцу черты всесокрушающаго героя. Онъ наноситъ удары направо и налѣво—прогоняетъ со сцены шинкарку и цыганку, убиваетъ жида, отбивается отъ самаго чорта, который долженъ былъ смириться предъ его булавой. Всѣмъ этимъ подвигамъ бушующей силы не достаетъ, конечно, индивидуальныхъ мотивовъ, но въ народномъ театрѣ особенную

Digitized by Google

цѣнность имѣютъ мотивы, такъ сказать, этнографическіе, вполнѣ вразумительные для каждаго при одномъ взглядѣ на тѣхъ лицъ, съ которыми имѣетъ дѣло запорожецъ. Тою же общедоступностію мотива отличается и встрѣча его съ уніатскимъ попомъ, который появляется на сцену въ ту минуту, когда въ душѣ запорожца проснулась мысль о покаяніи:

«Де бъ то»,

говоритъ онъ въ самообличительномъ, ироническомъ тонѣ,

«достать попа хоть ледащычку,
Абы не пъянычку,
Бо я, признаться, самъ того не люблю».

Начинаетъ попъ исповѣдывать грѣшника, который говоритъ ему:

«Ходывъ я зъ малку по билому свиту,
Бывъ ляхивъ, жыдивъ,
Купцивъ, панивъ,
И всихъ, кого заманеться.
Правду сказать, унятськыхъ попивъ не бывъ,
А зъ ныхъ жывыхъ кожу лупывъ».

Послѣ этихъ словъ попъ убѣгаетъ.

Таковъ герой вертепа—этотъ степной рыцарь, горячій, искренній и необузданный. Много силъ у него физическихъ и нравственныхъ, но не умѣетъ онъ дать этимъ силамъ надлежащаго направленія, недостаетъ ему чувства мѣры, а также обдуманнаго плана дѣйствій. Повидимому, и самъ онъ сознаетъ этотъ недостатокъ. Уходя со сцены, онъ говоритъ зрителямъ:

«Що було, прошу про те не помынаты,
Бо вже пиду теперъ въ курынь вжку дожываты».

Любопытно, что приведенная нами вертепная вирша, въ которой запорожецъ высказываетъ свое credo, обыкновенно подписывалась на старинныхъ картинахъ подъ изображеніемъ запорожца, играющаго на бандурѣ, съ добавленіемъ слѣдующихъ стиховъ:

Digitized by Google

«Гей, бандуро моя золотая!
Коли бъ до тебе жинка молодая,
Скакала бъ и плясала бъ до лыха,
Що не одынъ бы чумакъ одцурався бъ солы и миха.
Або якъ заграю, то не одынъ поскаче,
А пидождавшы одъ того весилля та ще й заплаче».

Эта бандура, вѣрный спутникъ бездомнаго скитальца, сообщаетъ его образу глубоко поэтическій оттѣнокъ. Неудачно спѣлъ онъ свою пѣсню въ жизни, поэтому и перенесъ всю страсть души своей въ думу о своей жизни. И пѣлъ онъ эту думу подъ звуки бандуры, которую называлъ „дружыною вирною", а передъ смертію положилъ онъ ее на степной могилѣ, чтобы буйный вѣтеръ, по степямъ летая, извлекалъ изъ струнъ ея смутные и жалобные звуки [1])...

Малорусскія вирши историческаго содержанія.

Отзывалась-ли старинная южно-русская школа на текущія явленія жизни?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ множество виршей историческаго содержанія, написанныхъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ минуты.

Изъ первой половины XVII в. особеннаго вниманія заслуживаетъ острожскій *Ляментъ*, написанный по поводу несчастнаго событія, случившагося въ г. Острогѣ въ 1636 г. Содержаніе *Лямента* обозначается въ его заглавіи: „Ляментъ о прыгодѣ нещаснэ... мешчан остр.кн, що ся и влане придало на днь урочитаго свята з матвы встания пна спаителя нашего в понеделок в процесии идучи пс приидъ еи милости пнеи воеводиной виленской". Воеводиной виленской была въ то время владѣлица г. Острога, внучка знаменитаго князя Константина Константиновича Острожскаго, вдова воеводы виленскаго и великаго

[1]) Метлинскій, Народныя южнорус. пѣсни, 445. Вмѣстѣ съ г. Сумцовымъ (Кіевс. Старина, 1889 г., Сентябрь) мы считаемъ думу о прощаніи козака съ бандурою по основному мотиву и многимъ подробностямъ въ развитіи его вполнѣ народной.

Digitized by Google

гетмана литовскаго, Анна-Алоиза Ходкевичъ, въ послѣдствіи іезуитская праведница. По наущенію іезуитовъ она приказала своимъ слугамъ украсть изъ замковой Богоявленской церкви гробъ съ тѣломъ ея отца, князя Александра Константиновича Острожскаго († 1603), и перенести его въ построенный ею костелъ при острожскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ. Похищеніе совершено было ночью, въ самый день Пасхи 1636 года, и вызвало глубокое негодованіе среди православныхъ мѣщанъ г. Острога.

«И на щ҃о ся в҃а зышло, презацные ѿцеве»,

обращается сочинитель *Лямента* къ оо. іезуитамъ,

«Же ѻте к тому привели почтивую матрону,
Же есть тѣло порушеное ѿца ея з гробу?
Сна҃ ся нынѣ м҃твы даремне мовляютъ,
Бо тѣла л҃юские покою в гробѣхъ не маю».

На другой день послѣ похищенія произошло кровавое столкновеніе между мѣщанами и слугами воеводиной виленской. Дѣло было такъ. Изъ Богоявленской замковой церкви вышелъ народъ съ духовенствомъ для совершенія крестнаго хода. Въ это самое время возвращалась изъ костела Анна-Алоиза въ каретѣ, съ длиннымъ цугомъ, окруженная своими дворянами и слугами. Ей нужно было проѣхать въ замокъ чрезъ мостъ, почти у самой паперти церковной, гдѣ стояла густая толпа народа. Велѣно было очистить княжнѣ дорогу. Толпа не слушалась. Раздраженная Анна-Алоиза приказала кучеру ѣхать прямо на толпу, причемъ „вѣ҃ница поча҃ людей бичовати", замѣчаетъ сочинитель *Лямента*. Тогда люди, продолжаетъ онъ,

«всѣ ся порвалг,
Кыи побрали».

Въ свою очередь

«Слузи и всѣ дворяне,
Видячи, же не жа҃тъ, кинулися на н҃и едноста҃не,
Шабель добывшы»,

Digitized by Google

Началась свалка. Народъ окружилъ поѣздъ княжны и хотѣлъ было сбросить ее вмѣстѣ съ каретой съ моста, о чемъ, впрочемъ, сочинитель *Лямента* не упоминаетъ. За то онъ разсказываетъ о томъ, что многіе

«с перестраху въ ва з мосту падали,
Шыи ламали».

Почтительно называя княжну *матроной* и стараясь „на обѣ сторонѣ правду признаты", онъ, однако же, не безъ ироніи замѣчаетъ, что княжна

«На звича паъски на цвитаръ утѣкаетъ,
Бива ся размножаѥ».

Возстаніе усмирено было только тогда, когда старосты ближайшихъ селеній прибыли въ городъ съ свѣжими подкрѣпленіями. На другой день утромъ начался судъ надъ бунтовщиками.

«Меща зацны в колоду посажано,
А наубогшы в темницу загнано,
Абы роправы до часу чекалы и голо дали.
Нѣмашъ ся, ѧ розмовити з сосѣды,
Бо потаемнои здрады поно завсѣгды:
Та по окнами и в ночи слухаютъ,
що розмовляютъ.
Подъ ча яръмаку нѣкгды славного,
А тепе, реку, южъ занедбалого,
На самую взгарду звети и казано,
Жебы стинано.
Тамъ килку меща мечемъ прыкро стято,
Четвертому ушы и носа утято,
А оные трупы ховать заказали,
Псомъ торъгати дали».

Признавая схизматическихъ поповъ подустителями черни, трибуналъ, судившій это дѣло, опредѣлилъ изгнать ихъ въ числѣ 46 человѣкъ изъ предѣловъ острожскихъ имѣній.

Digitized by Google

Такъ окончилась эта печальная исторія, у современниковъ извѣстная подъ именемъ „острожской трагедіи“.

«О ты, Острогу, мѣсто справедливое,

заканчиваетъ разсказъ свой сочинитель *Лямента*,

Въ тобѣ бывали мѣшканцы цнотливые,—
Ты было хлѣбомъ завжде прыходневы,
Ты убогому маткою было студентови,—
В тобѣ хто мешкл, нѣгды не шкодовл, хто ся шановл.
Терл не стутежъ! На що южъ прыходытъ!
Снаги ся южъ на тое, подобно, заводытъ,
Жебы южъ было в нѣвечъ оберънено,
Зъ грунту знищоно!» [1]).

Въ основѣ *Лямента* польская рѣчь и даже польская рифма, не вездѣ удачно переложенная на славяно-русскую фонетику, но мысли и чувства въ немъ русскія [2]). Написанъ *Ляментъ* спустя не болѣе двухъ мѣсяцевъ послѣ острожскаго событія (14 іюля) и посвященъ Петру Могилѣ. Замѣчательно, что сочинитель, скрывшій свое имя подъ иниціалами Н. М. и называющій себя „найнызшимъ служебныкомъ з служебныковъ“ знаменитаго митрополита, писалъ свои вирши въ г. Ровно „з наубогшеи школы“. За исключеніемъ „Лямента“, мы не знаемъ другихъ виршей, которыя написаны были бы въ „найубогшей“ школѣ. Какъ и вездѣ, политикой въ южной Руси занимались преимущественно люди, вкусившіе высшаго знанія. И нашъ

---

[1]) Подлинная рукопись, современная самому событію, получена нами изъ сѣдлецкой губерніи отъ почтеннаго собирателя устныхъ и письменныхъ произведеній южно-русской старины Я. П. Андріевскаго.

[2]) Таковы, напр., слѣдующія рифмы:

„Едны мещанин обрался зухвалы,
А для едного вшики вины зосталы,
Же ся на пола пнъ-ского замѣрылъ
Снадго ударилъ“.

Въ славянской транскрипціи нарушена рифма: очевидно, въ польскомъ подлинникѣ послѣдній стихъ читался такъ: Snadź go uderzył.

Digitized by Google

лиментующій авторъ, судя по складу его стиха, обнаружилъ значительное знакомство съ польской литературой.

Думаемъ, однако же, что и народная малорусская школа по условіямъ того времени, когда въ борьбѣ за существованіе народъ напрягалъ всѣ свои силы, какъ физическія, такъ и нравственныя, должна была воспринимать и такъ или иначе перерабатывать впечатлѣнія политическихъ событій, которыя оказывали неотразимое вліяніе на ея благоденствіе и злоденствіе. Педагоги того времени, повидимому, давали этимъ впечатлѣніямъ извѣстное направленіе посредствомъ виршей и кантовъ. Такъ, въ драмѣ „Милость Божія, Украину чрезъ Богдана Хмельницкаго... свободившая“ (1728), „дѣти украинскіи, во училищахъ кіевскихъ учащиися“, привѣтствуютъ виршами Хмельницкаго при въѣздѣ его въ Кіевъ послѣ блестящихъ побѣдъ надъ Поляками [1]). Тѣмъ не менѣе, пересматривая школьные сборники прошлаго вѣка, предназначавшіеся для походнаго употребленія, мы находимъ въ нихъ сравнительно мало виршей, проникнутыхъ, такъ сказать, злобой дня, которой не мало было въ жизни. По всему видно, что странствующіе школьники предпочитали имъ такія вирши, которыя могли бы служить безобиднымъ матеріаломъ во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, вирши нравоучительнаго и нравоописательнаго содержанія.

Слѣдуетъ-ли отсюда, что низшіе ряды школьной братіи не принимали никакого участія въ сочиненіи и распространеніи виршевыхъ сказаній о событіяхъ и лицахъ, болѣе или менѣе значительныхъ въ историческомъ отношеніи? Мы знаемъ навѣрное, что обитатели старинной малорусской школы, какъ высшей, такъ и низшей, были вовсе неравнодушны къ тому, что происходило за стѣнами ея.

«Збунтовалась Украина, попы и дяки».

говорится въ одной гайдамацкой пѣснѣ,

«Погынулы въ Украини жыды й полякы» [2]).

---

[1]) Собраніе сочиненій Максимовича, т. I.

[2]) Украинскія народныя пѣсни, Максимовича, 1834 г., 125.

Digitized by Google

Хотя и сказано давно, что inter arma silent Musae, но слова эти ни въ какомъ случаѣ не могутъ относиться къ тѣмъ музамъ, которыя въ кровавыхъ зрѣлищахъ войны находятъ свое вдохновеніе, которыя изображаютъ героевъ „подъ трубами повитыхъ, подъ шеломы взлелеянныхъ, конець копія вскормленныхъ“. Не мало было такихъ героевъ въ старинной Украинѣ, поэтому и муза народная долго не умолкала, воспѣвая дѣянія и подвиги этихъ героевъ. Они были представителями народной самодѣятельности, которая, какъ извѣстно, составляетъ одно изъ главныхъ условій для народнаго пѣснотворчества. Замѣчательно, что и школьная муза оживлялась въ эти именно моменты подъема народнаго духа. Мы остановимся на школьныхъ виршахъ, созвучныхъ съ народною музою въ изображеніи найболѣе выдающихся моментовъ въ исторіи Украины. Мы разумѣемъ хмельнищину и гайдамаччину—двѣ эпохи сходныя между собою во многихъ отношеніяхъ. „Такія-же побужденія, такія-же страсти, говоритъ Костомаровъ, какія отличали хмельнищину, дѣйствуютъ и въ гайдамаччинѣ: та-же отъявленная ненависть къ панамъ, шляхтѣ, католическому духовенству и іудеямъ, тѣ-же кровавыя, часто грязныя сцены убійствъ, грабежей, мучительствъ, разоренія панскихъ усадьбъ и костеловъ,—тѣ-же ужасныя казни, слѣдовавшія, какъ репрессаліи отъ поляковъ, въ случаяхъ укрощенія мятежей,—то-же упорство со стороны южноруссовъ“ [1]).

Вирши о Хмельницкомъ встрѣчаются большею частію въ лѣтописяхъ, именно у Ерлича и Грабянки. Обычная тема этихъ виршей—прославленіе Хмельницкаго за то, что онъ „искоренилъ Унію, гонилъ ляхи зъ жиди и прочіи народи подъ такими види“ [2]). Нѣкоторыя изъ этихъ виршей напоминаютъ искренностію тона народныя думы:

«И ты, Чигирине, мѣсто Украинне, не меншую славу
Теперъ въ собѣ маешъ, коли оглядаешъ въ рукахъ булаву

[1]) Костомаровъ, Исторія козачества въ памятникахъ южнар. народнаго творчества, отдѣльный оттискъ, стр. 140.

[2]) Лѣтопись Грабянки: похвала вѣршами Хмелницкому отъ народа малороссійскаго.

Digitized by Google

Зацного Богдана, мудрого гетмана, доброго молодця,
Хмелницького чигиринського, давного запорожця [1])».

Такое-же изобиліе эпитетовъ, приложенныхъ къ имени Хмельницкаго, встрѣчаемъ и въ думѣ:

«Та хотя жъ бувъ панъ Хмельницькый,
Жытель чыгырынськый,
Козакъ лейстровый,
Пысарь вийськовый,
Лыцарь добрый,
Та померъ,—
А тильки его слава козацька—малодецька
Не вмре, не поляже»... [2]).

Есть и другія въ виршахъ о Хмельницкомъ точки соприкосновенія съ народными думами. Какъ въ виршахъ, такъ и въ думахъ, изъ прозвища Хмельницкаго извлекается извѣстная поэтическая аналогія для изображенія душевнаго состоянія враговъ:

«Высыпався хмель изъ мѣха
И наробивъ ляхамъ лиха,
До жовтоп водицѣ
Наклавъ имъ дуже хмелницѣ,
Не могли на ногахъ стати,
Волимо утѣкати» [3]).

Въ думѣ о Корсунской битвѣ враждующія стороны варятъ вмѣстѣ пиво:

«Не вербы жъ то шумилы и не галкы закрычалы:
Тожъ козакы зъ ляхамы пыво варыть зачыналы» [4]).

Но это пиво не по вкусу пришлось ляхамъ: они начали уходить отъ козаковъ:

«Чомъ вы не дожыдаете»,

---

[1]) Лѣтоп. Ерлича, 312.

[2]) Историч. пѣсни малорус. народа, Ант. и Драгом. т. 2, в. I, 29.

[3]) Костомаровъ, Исторія козачества въ памятникахъ южнор. народнаго творчества, отд. оттискъ, 279.

[4]) Закревскій, Старосв. бандуриста, 81.

Digitized by Google

говорятъ имъ козаки,

«Нашого пыва не допываете?» [1]).

Какъ въ думахъ, такъ и въ виршахъ, весьма замѣтна склонность торжествующихъ козаковъ къ глумленію надъ побѣжденнымъ врагомъ. Въ одной виршѣ ляхи называются *куркоидами* [2]),—въ другой говорится объ этомъ расположеніи ихъ къ куриному мясу слѣдующимъ образомъ:

«Нехай христіане, ваши подоляне, поросиложують куры,
Що выловили и выносили ваши дзюры.
А вы въ татарахъ, въ тяжкихъ кайданахъ, до смерти сидите,
Якъ мы одъ васъ, такъ вы одъ насъ, теперъ потерпите» [3]).

Въ думѣ о корсунской битвѣ Хмельницкій говоритъ плѣннику своему, гетману Потоцкому:

«Гей, пане Потоцькый,
Чомъ у тебе й досп розумъ жиноцькый?
Не вмивъ ты есы въ Камянськимъ Подильци пробуваты,
Печеного поросяты, курыци съ перцемъ та съ шапраномъ ужываты,
А теперъ не зумишъ ты зъ намы, козакамы, воюваты,
И жытнёи соломахы зъ туслукомъ уплитаты.
Хиба велю тебе до рукъ крымському хану даты,
Щобъ навчылы тебе крымськи наган сыроп кобылыны жоваты» [4]).

Какъ объяснить это согласіе въ тонѣ и даже въ словесныхъ образахъ между думами и виршами? Трудно отвѣчать на этотъ вопросъ по недостатку хронологическихъ данныхъ о происхожденіи той или другой думы, той или другой вирши. Можно предполагать, конечно, обоюдное вліяніе однихъ произведеній на другія, не менѣе вѣроятно и то, что одно общее настроеніе было причиной этого согласія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ была сдѣлана счастливая находка одной вирши, несомнѣнно составленной современникомъ Хмель-

---

[1]) Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 23.

[2]) Та-же статья Костомарова, отдѣльный оттискъ, 279.

[3]) Лѣтоп. Ерлича, 313.

[4]) Зап. о. Юж. Руси, Кулиша, I, 223.

Digitized by Google

ницкаго. Мы разумѣемъ виршу, которая открыта была А. Петровымъ и напечатана въ Archiv für Slavische Filologie, въ нашей транскрипціи[1]). Въ подлинникѣ вирша эта носитъ слѣдующее заглавіе: „Duma kozackaia o woyni s kozakamy nad rikoiu Styru na te nute oy postył bym ia sim poniedilkow osmuiu nediłenky w roku 1651". Рѣчь идетъ въ этой виршѣ о пораженіи козаковъ подъ Берестечкомъ. Скоро-ли написана была она послѣ событія, изъ самого текста вирши этого не видно, но, безъ сомнѣнія, написана она была участникомъ въ берестечской битвѣ, что явствуетъ, напримѣръ, изъ такихъ выраженій: „вельмы ж мы дыво да на Осолиньского, що *нас* воюетъ",— „Аж бачат Лихы, що на нас страхы" и т. п. Къ тому же заключенію приводитъ и множество подробностей въ разсказѣ о ходѣ битвы, съ обозначеніемъ изо дня въ день всего того, что происходило предъ глазами сочинителя, съ наименованіемъ дѣйствующихъ лицъ, съ точной передачей разговоровъ между ними.

Вирша начинается не совсѣмъ яснымъ по смыслу обращеніемъ къ р. Стырю, затѣмъ рѣчь идетъ о замыслѣ Хмельницкаго „на перевозі, чи пак въ дорозі короля погромыты".

«Хан згоду радыт, а не порадыт, козаки войну любят:
Ой Козенпру, юж тобі мыру с козакамы не будет».

Но вотъ

«Середа прыйшла, вся орда прыйшла, Хан и Хміль с козаками».

Съ польской стороны начали битву Конецпольскій и Любомирскій. Кончилась она нерѣшительно. Таборъ козацкій остался цѣлъ, но козаки должны были отступить къ табору.

«Четвер надходыт, войско выходыт, Хан и Хміль с козакамы».

Поляки обнаружили мужество

«Не як під Пілявцямы,
Не утікают, кров проливают, и на Татар не дбают».

[1]) 1877 г., Zweit. Band. Вирша открыта была въ книгѣ, напечатанной въ Брюсселѣ въ 1627 — 1630 гг. подъ заглавіемъ: „De Militia Equestri, antiquâ et novâ à P. Hermanno Hugone". На пустыхъ страницахъ этой книги написана была вирша латинскими буквами.

Digitized by Google

Пало въ этотъ день много богатырей польскихъ: палъ Казановскій „для обороны польскоі корони“, палъ Осолинскій, „якъ лях давный и юнак славный“,—едва спасся Сапѣга, благодаря Вишневецкому и Любомирскому, подоспѣвшимъ на выручку. Въ этотъ-же день „пав страх на Хана, слалъ онъ до Гетмана“ съ извѣстіемъ, что онъ уйдетъ съ поля битвы. Хмельницкій едва упросилъ его остаться.

«Въ пйатныцю рано ушиковано войско до бою было,
Ляхамъ выгода, а нам негода: небо солнце закрыло».
Когда приготовились уже къ бою,
«Довго стоялы, почать боялы, з Ляхамы ся не былы,
Аж бачат Ляхы, що на насъ страхы, и до нас скочылы».

Разсказывается далѣе, какъ Вишневецкій, заклятый врагъ козаковъ, врѣзался въ самую средину козацкаго войска. Завязалась ожесточенная битва:

«Крык труб повстанет, гук за тым встанет, дымы день ясный тмылы,
Стрільці-янчаре, а з діл пожары непрестанно світылы».

Въ самый разгаръ битвы

«Хан утікает,
Ляхы гонылы, татаровъ былы, Хан ся не оглядает.
Тут зась козакы, хотя й юнакы, ой різко утікалы,
Ляхы гонылы и йіх стынали, аж табур розорвалы,
И гды бы ночі тьма на помочі козакови не была,
Не одна б маты, гды б кто дал знаты, козацькая завыла».

О приключеніяхъ Хмельницкаго, который поручилъ командованіе войскомъ полковнику Джеджалыку, а самъ отправился вслѣдъ за Ханомъ, чтобы воротить его назадъ, въ виршѣ ничего не говорится. Заканчивается она изображеніемъ трагическаго положенія козаковъ, которыхъ ляхи „обточылы“. Три раза просили они короля о мирѣ на условіяхъ зборовскаго договора.

«Мовить не дает, з очу зганяет: «выдайте мы гетмана,
Панов слухайте, старшыну знайте, а идіть быты хана».

Digitized by Google

На все согласны козаки, только не согласны они отъ старшины своей „отступыты“. Въ отчаяніи рѣшились они загатить болото, которое было въ тылу у нихъ, чтобы вырваться изъ осады. Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ они устроили гати не изъ хворосту, котораго подъ рукой не было, а изъ возовъ, кожуховъ, войлоковъ и т. п.

«Лихы позналы, всі в шыку сталы и на нас пыльновалы,
Козаки же «понеділка ждали,
А в понеділок одбіглы ділок и борошна усёго,
Перебывайім да погибайім, щасливъ, що выйшов с того.
Тыйі плывают, до тых стріляют, ставыще залывают,
А другых в петрі, в лісі, як вепрів дикых, забывают»...

На этихъ словахъ обрывается вирша. Все въ ней до крайности просто и реально. Разсказъ идетъ бойко и живо, безъ излишнихъ словъ, безъ всякихъ риторическихъ возгласовъ. Въ языкѣ нѣтъ тяжеловѣсныхъ формъ и оборотовъ славянскихъ. Хотя и встрѣчаются по мѣстамъ полонизмы, но они не коснулись фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Вообще же по языку и стилю эта вирша близка къ народнымъ пѣснямъ. Авторъ ея, очевидно, подражалъ стихотворному размѣру одной изъ этихъ пѣсенъ, имѣя въ виду даже мотивъ ея. Размѣръ этотъ (5+5+7). Чрезвычайно важно для насъ это обстоятельство. Мы видимъ передъ собою сліяніе виршеваго творчества съ народнымъ, причемъ въ отношеніи къ формѣ центръ тяжести перемѣщается изъ книжной среды въ народную. Мы присутствуемъ какъ бы при самомъ зарожденіи тѣхъ произведеній виршеваго искусства, которыя съ теченіемъ времени превратились въ народныя пѣсни. Судя по наличному факту, не всякая вирша могла быть усвоена народомъ: для этого нужно было, чтобы составитель вирши самъ сдѣлалъ шагъ по направленію къ стихотворному размѣру народной пѣсни. Мы не нашли нашей вирши въ народной переработкѣ, но, безъ всякаго сомнѣнія, не мало есть пѣсенъ историческаго содержанія, въ которыхъ проглядываетъ виршевая основа. Такова, напримѣръ, изъ эпохи Хмельницкаго извѣстная пѣсня о Перебийносѣ: „Не дывуйтеся, добрии люде, що на Вкраини повстало“. По размѣру

Digitized by Google

она близка къ виршѣ о берестечской битвѣ (5+5+8), но дѣло не въ томъ: въ нѣкоторыхъ варіантахъ ея встрѣчаются такія формы, какъ *зляκнешъ*, *спаднешъ* [1]),—въ другихъ—такія слова, какъ *жызность*, *юнакъ* [2]). Нужно замѣтить при этомъ, что это послѣднее слово составляетъ исключительную принадлежность виршей. Въ разобранной нами виршѣ о берестечской битвѣ оно одинаково прикладывается къ полякамъ и козакамъ. Всѣ эти слова и формы ясно указываютъ на виршевое происхожденіе этой нѣкогда популярной въ народѣ пѣсни [3]).

Любопытно, что авторъ вирши о берестечской битвѣ самъ назвалъ свое произведеніе *думой*. Извѣстно, что первое упоминаніе о думахъ встрѣчается въ Анналахъ польскаго историка Сарницкаго подъ 1506 годомъ. Особенности думъ по Сарницкому слѣдующія: 1) общественное содержаніе ихъ (тѣ думы, о которыхъ говоритъ онъ, сложены были по поводу смерти двухъ воинственныхъ братьевъ-юношей въ борьбѣ съ Волохами); 2) элегическій характеръ и 3) печальный мотивъ ихъ; 4) жестикуляція при исполненіи думъ. Самое названіе этого рода произведеній Сарницкій считаетъ туземнымъ: elegiae, quae dumas Russi vocant [4]). Тотъ же нѣжный элегическій характеръ напѣва приписываютъ думамъ и болѣе поздніе писатели польскіе: таковы были въ XVI и XVII вв. подольскія думы, о которыхъ говоритъ въ переводѣ Аристотелевой политики польскій

---

[1]) Зап. о Юж. Руси, Кулиша, I, 272.

[2]) Лисенко, Збір. украинс. пісенъ, I, 28.

[3]) Считаемъ необходимымъ высказаться здѣсь по поводу вопроса о поддѣльности нѣкоторыхъ думъ и пѣсенъ, затронутаго издателями Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа еще въ 1874 — 1875 гг. Предполагали они въ концѣ изданія помѣстить эти думы и пѣсни съ примѣчаніями о томъ, почему они считаютъ ихъ поддѣльными. Но такъ какъ изданіе не окончено, то заподозрѣнныя думы и пѣсни до настоящаго времени состоятъ подъ судомъ и слѣдствіемъ въ ожиданіи окончательнаго приговора. Судъ, во всякомъ случаѣ, не скорый и не совсѣмъ милостивый. Мы тоже не сомнѣваемся въ поддѣльности нѣкоторыхъ думъ и пѣсенъ, но для всесторонней оцѣнки ихъ въ неопредѣленномъ будущемъ, позволяемъ себѣ выразить съ своей стороны желаніе, чтобы ученые, которые когда нибудь займутся этимъ вопросомъ, имѣли въ виду высказанныя нами въ изслѣдованіи нашемъ соображенія о старинныхъ книжныхъ вліяніяхъ на пѣснотворчество народное.

[4]) См. нашъ Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія, 289.

Digitized by Google

философъ Petrycy [1]). Въ одномъ польскомъ стихотвореніи Іеронима Морштина 1606 г.) *дума* входила въ обиходъ козацкой жизни, какъ ея необходимая принадлежность, при чемъ она игралась на трубахъ. Въ томъ же стихотвореніи думы называются военными псáлмами [2]). Какъ видно, думы слагались еще при жизни воспѣваемыхъ героевъ: такъ, по свидѣтельству „Краткой исторіи о бунтахъ Хмельницкаго", невѣста Тимофея Хмельницкаго наканунѣ свиданія съ нимъ велѣла пѣть о немъ *думу козацкую* [3]). Вообще же въ польскомъ языкѣ *дума*, по объясненію Линде, основанному на значеніи этого слова у старинныхъ писателей польскихъ, есть elegia rycerska, niby zamyślona pieśń [4]). Основываясь на всѣхъ этихъ данныхъ, можно полагать, что 1) родиной думъ была земля подольско-галицкая: и теперь народъ различаетъ въ Галиціи *думы* отъ *думокъ*; „дума, говоритъ Головацкій, это, по мнѣнію народа, *довга, поважна пѣсня*; напѣвъ ея тоже важнѣе, протяжнѣе" [5]); 2) думы въ старину, какъ и теперь въ Галиціи, были пѣсни эпическаго содержанія, растворенныя однако же лирическимъ настроеніемъ, свойственнымъ элегіи; 3) въ козацкую эпоху народной жизни явились думы *войсковыя, козацкія*; 4) отъ южноруссовъ эта форма поэзіи перешла въ польскую литературу, гдѣ тоже явилась *дума*—конечно, не въ видѣ народнаго произведенія, а въ видѣ пѣсни меланхолическаго характера, сочиненной личнымъ авторомъ. Подъ вліяніемъ установившагося въ польской литературѣ понятія о думѣ и названа думой вирша о битвѣ берестечской.

У старинныхъ малорусскихъ писателей дума существеннымъ образомъ отличается отъ вирши. Въ лѣтописяхъ Гра-

---

[1]) Słownik języka polskiego, Linde, 1807 г., I, 549.

[2]) Iagić, Gradia za Historiju slovinske narod. poesije, 76.

[3]) Записки о Южн. Руси, Кулиша, I, 44.

[4]) Słownik, Linde, 1807, I, 549. Раковскій, писатель польскій, жившій при Сигизмундѣ III, назвалъ свою пѣснь о татарскихъ разореніяхъ въ землѣ польской, съ воззваніемъ къ мести, думой. См. Encyklopedia powszechna, Ozgelbranda, т. VII, 591.

[5]) Народныя пѣсни Галиц. и Угорской Руси, Головацкаго, ч. III, отд. II. Послѣсловіе, 10.

Digitized by Google

бянки и Величка собрано не мало виршей, которыя такъ и называются *вѣршами*,—думой же у Велички называются вирши пѣсеннаго размѣра, предназначенныя для пѣнія. Такъ, онъ говоритъ, что епископъ львовскій, Іосифъ Шумлянскій „новій унѣятъ и похлѣбца лядскій", состоявшій при королѣ Собѣскомъ во время похода его на турокъ подъ Вѣну, „на досаду гетману Самойловичу зложилъ собою *думу* альбо *пѣснь* такую". Вотъ нѣсколько стиховъ изъ этой *думы—пѣсни*:

«Жался, Боже, жался, Боже, на гетмана,
Самойловича Ивана!
Що заказалъ христіяномъ,
Пойти противъ бѣсурманомъ!
О тожъ бачишъ, о тожъ бачишъ, що ся стало:
И безъ тебе ся надало
Королевѣ и Полякомъ,
Кавалеромъ и юнакомъ»...

и прочая, долго тоей *пѣсни албо думи*", не безъ досады прибавляетъ лѣтописецъ [1]).

Въ такомъ родѣ *думы-пѣсни* нерѣдко встрѣчаются въ старинныхъ рукописяхъ XVII и особенно XVIII в. Къ этому разряду произведеній полукнижнаго, полународнаго характера можно причислить извѣстную пѣсню Мазепы, а также стихотворенія А. Марковича, Н. Ханенка, священника Некрашевича и многихъ другихъ большею частію безъименныхъ авторовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній отличаются глубоко-народнымъ колоритомъ мысли и рѣчи, хотя и не вошли они во всенародное употребленіе.

Мы остановимся на пѣсняхъ этого переходнаго типа изъ эпохи Гайдамаччины.

Вотъ предъ нами страдальческій образъ мліевскаго ктитора Данила Кушнира, казненнаго въ м. Ольшаной за то, что при отобраніи въ м. Мліевѣ одной изъ церквей подъ Унію онъ своими непосвященными руками снялъ съ жертвенника св. чашу и спряталъ ее у себя въ коморѣ, чтобы не досталась эта свя-

[1]) Лѣтоп. Велички, т. II, 535.

Digitized by Google

тыня уніатамъ. 29 іюня 1766 г. согнали множество людей въ обозъ регимента̀ря польскихъ войскъ Воронича для созерцанія этой ужаснѣйшей казни. Въ сказаніи о мученіяхъ его говорится, что преступнику сперва обвертѣли руки пенькою, осмолили смолою и зажгли, и когда обгорѣли руки, то отсѣкли ему голову и вбили на колъ для устрашенія упрямыхъ схизматиковъ [1]). Тотчасъ послѣ событія сложена была пѣсня, глубоко искренняя по тону, но съ ясными признаками авторской руки [2]).

«Учынылы вражи ляхы у Вильшани славу
Да отняли Данылу Млиевському главу.
Тило его повелили огнемъ испалыты,
Главу его а до пали пъ гвоздьемъ прибыты.
Вражи сыны жыдыченькы тоди нарадилы,
Якъ ктытора Данылла на пали узрилы.
А у той часъ страхъ велыкый людямъ завдавалы,
Усихъ людей до едности на вiру наверталы.
Сподивалысь на йгомена, що винъ зарятуе,
А винъ тильки издачы по Украини да ляхивъ дратуе.
Заплакалы стари люде и малыи диты:
Горе, горе намъ на свити, що нигде прожыты!»

Игуменъ, упоминаемый въ пѣснѣ, есть никто иной, какъ извѣстный архимандритъ Мелхисидекъ Значко-Яворскій, который завѣдывалъ православными церквами на правой сторонѣ Днѣпра по порученію переяславскаго епископа Гервасія, подвластнаго Россіи. Заступничество Мелхисидека въ Петербургѣ и Варшавѣ за православныхъ, подвластныхъ Польшѣ, только дразнило ляховъ, какъ говорится въ пѣснѣ. Да и что могъ сдѣлать Мелхисидекъ, когда могущественная Екатерина II въ вопросѣ о диссидентахъ встрѣтила со стороны польской шляхты рѣшительное противодѣйствіе? Въ 1667 году она провела въ Варшавскомъ сеймѣ актъ въ пользу диссидентовъ: въ отвѣтъ на это сформировалась въ томъ же году барская конфедерація, поставившая задачей своей вооруженное сопротивленіе вмѣша-

[1]) Руководство для сельскихъ пастырей, 1860 г., кн. 2.

[2]) Пѣсня эта открыта въ рукописномъ сборникѣ П. А. Лукашевича, съ отмѣткой, что она списана съ сборника 1767 г.. Кіевс. Старина, 1886 г., Январь.

Digitized by Google

тельству русскаго правительства во внутреннія дѣла Польши, которая, по мнѣнію конфедератовъ, не должна была дѣлать постыдныхъ уступокъ иновѣрцамъ. Противъ конфедератовъ двинуты были русскія войска,—и мы имѣемъ пѣсню виршеваго склада объ осадѣ ими г. Станиславова, защищаемаго конфедератами. По обстоятельности и документальности разсказа пѣсня эта напоминаетъ думу о берестечской битвѣ.

Приступили, говорится въ пѣснѣ, москали къ осадѣ Станиславова во вторникъ.

«У середу рано стали ся сходити
Всѣ ляхи до купи: «що будемъ робити?»
Единъ мовитъ: «биймо!» десять: «утѣкаймо!»
А сто каже: «всѣ до духа москалямъ поддаймо!»
Москалѣ волаютъ, абы выходили
Всѣ ляхи изъ града, которіе тамъ были;
Панъ староста Блонскій сердца добувае,
Староста Снятинскій отъ страху вилѣвае.
Почали стрѣляти, на плацъ выходити,
А не единъ мислитъ, якъ бы добре втекти.
Мусѣли ся бити увесь день доволѣ,
А въ вечеръ зостали москалямъ въ неволѣ.
Любилисте, ляхи, добре людей грабовати,
Любите жъ въ неволѣ у насъ зоставати.
Любилисте пити гуси, кури много,
Днесь сидѣть въ неволѣ, не пжте николи» [1]).

Въ послѣднихъ словахъ пѣсни звучитъ таже язвительная нота укоризны ляхамъ за насиліе и чревоугодіе, которая подробно развита въ думахъ и пѣсняхъ о Богданѣ Хмельницкомъ и сподвижникахъ его.

Наконецъ, въ 1768 году наступила кровавая расправа, извѣстная въ исторіи подъ именемъ *уманской рѣзни*. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого событія сочинена была пѣсня, не успѣвшая еще отшлифоваться въ народномъ употребленіи, но за то вполнѣ свободная отъ преувеличеній, свойственныхъ часто народной пѣснѣ. Въ этой послѣдней говорится, напри-

[1]) Рукописн. сборн. Кибальчича, № 77.

Digitized by Google

мѣръ, что Максимъ Желѣзнякъ „зибравъ вийська сорокъ тысячъ“ [1]),—тогда какъ въ виршевой пѣснѣ ватага Желѣзняка ограничена всего тысячью человѣкъ. Разсказывается въ ней далѣе, что послѣ нѣкотораго раздумья, куда идти, гайдамаки направились въ Умань.

«Въ Умань же мы пишлы,
Тай почалы штурмоваты,
Тамъ багато панивъ найшлы,
Та давай имъ нижкы роспрaвляты».

Хотя слова „мы пишлы“ даютъ нѣкоторое основаніе считать автора участникомъ этого похода, однако же изъ дальнѣйшаго разсказа видно, что пѣсня сложена по слуху, такъ какъ въ ней предводители отдѣльныхъ гайдамацкихъ ватагъ, дѣйствовавшихъ въ разныхъ мѣстахъ, сведены подъ Умань вмѣстѣ съ Желѣзнякомъ и Гонтой.

«Ой пишовъ Швачка голкою шыты,
Лахивъ, жыдивъ по Умани лупыты;
А нашъ Нежывый цокоче,
Ажъ Умань зубамы скрыгоче.
А Журба ходячы зажурывся,
Що, головко бидна, Умань загорывся.
Та въ бандуру мицно грае,
Себе, козака, писнею розважае».

Впрочемъ, неточныя показанія пѣсни о совмѣстномъ дѣйствіи Швачки, Неживаго и другихъ подъ Уманью находятся во внутреннемъ согласіи съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что въ этотъ періодъ времени отдѣльные *ватажки* дѣйствовали по общему плану и взаимному соглашенію.

Есть еще одинъ эпизодъ въ этой пѣснѣ о какомъ-то сотникѣ Метлицѣ, который, повидимому, готовъ былъ противодѣйствовать гайдамакамъ, и за это убитъ былъ Желѣзнякомъ и Швачкой. Передъ смертію Метлица говоритъ предводителямъ гайдамацкимъ:

---

[1]) Лисенко, Збірник писень, I, 23.

Digitized by Google

«Слухай, Максыме, Швачко й Нежывый,
Бодай же конець вашъ бувъ нудный та гиркый! [1]).

На этотъ эпизодъ намекаетъ другая пѣсня, сочиненная отъ лица одного изъ предводителей, названныхъ Метлицей. Она изображаетъ этого предводителя въ неволѣ, въ оковахъ:

«Литавъ же я на степахъ,

говоритъ онъ,

Якъ орелъ крылатый,
А теперъ же я въ цепахъ,
Якъ медвидь мордатый».

Ждетъ онъ неминуемой смерти, и вспомнились ему зловѣщія слова Метлицы... Съ нѣмымъ укоромъ одинъ за другимъ встаютъ предъ нимъ образы невозвратнаго прошлаго. Мелькаетъ въ его воображеніи широкій, вольный Днѣпръ, къ которому обращается онъ съ страстною мольбою:

«Ой, ричка—Днипръ широка,
Течешъ ты въ Чорнее море...
Охъ, визьми мене зъ собою,
Бо горе жъ тутъ, горе!»

Жалѣетъ онъ, что оставилъ крутые пороги днѣпровскіе:

«Въ тыхъ крутыхъ порогахъ
Вода съ камиииями воюе,
Въ тыхъ зеленыхъ дибровахъ
Сыва зозуленька кукуе...
Охъ, кукувала вона, кукувала,
Та щыру правду мени казала,
Що тамъ було мени жыты
И щастя свое мигъ тамъ зловыты,
Не хтивъ ии знаты,
Та полетивъ на родыну...
Теперъ же мени не спийматы
Тую щаслывую годыну»...

[1]) Скальковскій, Наѣзды гайдамакъ, 147—152. Кіевс. Стар., 1882 г., Сентябрь.

Digitized by Google

Вотъ за это бурное участіе въ судьбѣ близкихъ своихъ, рода-племени своего, и приходится дорого расплачиваться узнику. Онъ долженъ разстаться съ мечтою о счастіи, долженъ подумать о смертномъ часѣ:

«Годи мени козакуваты, говоритъ онъ,
Годи птахомъ въ поли литаты,
Пора себе въ желиза заковаты,
Пора въ Бога прощенія заробляты,
Колы бъ далы прощенія заробыты,
Бога молытвамы вмолыты,
А тоди хоть умираты:
Не страшно въ домовыну съ покутою лягаты» [1]).

Эта задушевная пѣсня показываетъ намъ, на какую высоту могла подняться виршевая поэзія, проникаясь народнымъ настроеніемъ и затрогивая жизненные вопросы, волновавшіе народную массу. Конечно, по поводу этихъ вопросовъ сочинялись вирши людьми неодинаковаго литературнаго ценза, но, за немногими исключеніями, высокій литературный цензъ находился въ обратно пропорціональномъ отношеніи къ достоинству самихъ виршей. Поэтическія краски даетъ не школьная наука сама по себѣ, въ ея отвлеченіи отъ жизни, а именно эта самая жизнь, воспроизведенная въ чарующихъ звукахъ роднаго слова, которое стоитъ въ неразрывной связи съ естественнымъ методомъ народной мысли и народнаго чувства. Только тотъ могъ написать виршу, не оскорбляющую поэтическаго чувства, кто зналъ народную жизнь не по наслышкѣ, кто чувствовалъ ея трепетаніе въ своемъ собственномъ сердцѣ. Мы думаемъ, что къ этому болѣе всего способны были грамотные люди, входившіе, такъ сказать, во вкусъ народной жизни. Это были именно тѣ самые странствующіе школьники и имъ подобные просвѣтители народа, о которыхъ мы говорили выше... При всѣхъ своихъ недостаткахъ они принимали живое участіе въ тревогахъ и радостяхъ народной жизни. Сохраняя въ большей или меньшей степени нѣкоторыя культурныя привычки мысли и слова, они не теряли чувства

[1]) Кіевская Старина, 1882, Сентябрь.

Digitized by Google

народности, которое постоянно поддерживалось живымъ общеніемъ съ народомъ. На почвѣ этого общенія они вдохновлялись иногда сюжетами исторической важности, хотя произведенія свои, написанныя на историческія темы, они предназначали, повидимому, не столько для школьнаго, сколько для всенароднаго употребленія. Думать надобно, что и составлялись эти произведенія внѣ школьной обстановки, въ тотъ періодъ личной жизни авторовъ, когда они выступали, какъ говорилось въ старину, „збройно и оружно“. Такъ объясняемъ мы сравнительную скудость въ старинныхъ школьныхъ сборникахъ виршей военно-бытоваго содержанія. Слѣды ихъ существованія можно, однако же, какъ мы видѣли, открыть иногда въ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ. Но особенно ощутительно отраженіе виршеваго искусства на языкѣ и стилѣ народныхъ малорусскихъ думъ. Положительно можно сказать, что это искусство, взятое во всемъ его объемѣ виршей нравоучительныхъ, нравоописательныхъ и историческихъ, оказало рѣшительное вліяніе на выработку своеобразной поэтической формы думъ.

Откуда же эта форма?

Digitized by Google

IV.

Отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ.

Мы видѣли въ предыдущихъ очеркахъ болѣе или менѣе ясное отраженіе виршевыхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ. Но прежде чѣмъ перейдемъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи поэтической формы думъ, считаемъ необходимымъ всмотрѣться въ техническіе пріемы, которыми руководствовались творцы думъ при самомъ построеніи ихъ.

Для распознанія этихъ пріемовъ мы должны остановиться на нѣкоторыхъ думахъ, сходныхъ по содержанію съ пѣснями.

Найболѣе удобный матеріалъ для этого сравненія представляютъ думы болѣе ранняго сложенія—изъ эпохи, предшествовавшей войнамъ Богдана Хмельницкаго.

Предъ нами—цѣлый рядъ картинъ, изображающихъ борьбу козаковъ съ татарами и турками на морѣ и на сушѣ. Собственно говоря, въ этихъ картинахъ боевыхъ сценъ мало—преобладаютъ сцены, въ которыхъ дѣйствующія лица испытываютъ на себѣ тяжелыя послѣдствія разореній и погромовъ татарскихъ или же стремятся къ освобожденію себя отъ этихъ послѣдствій. Однимъ изъ нихъ была неволя татарская, та самая неволя, которая хорошо извѣстна была всей средневѣковой Европѣ въ борьбѣ ея съ мусульманскимъ міромъ. Не наше дѣло разсказывать здѣсь объ этой неволѣ по историческимъ документамъ, касающимся южной Руси [1]). Довольно для насъ простой ссылки на общеизвѣстный фактъ, что татары уводили въ плѣнъ цѣлые десятки

[1]) См. объ этомъ Истор. пѣсни малорус. народа Антоновича и Драгоманова, т. I. 73—74.

Digitized by Google

тысячъ людей обоего пола изъ городовъ и селъ южно-русскихъ. Нерѣдко и козакамъ удавалось производить такія же опустошенія въ Крыму. Такъ, въ 1675 г. знаменитый кошевой запорожскій Иванъ Сирко вторгнулся въ Крымъ съ 20 тысячами войска и захватилъ въ плѣнъ 13 тысячъ человѣкъ. Любопытно, что въ составѣ этихъ плѣнниковъ большинство (7 тысячъ) было христіанъ, которые раньше попали въ неволю татарскую. Не менѣе любопытно и то, что 3 тысячи изъ этихъ христіанскихъ плѣнниковъ не пожелали возвращаться на родину, потому что „тамъ, въ Крыму, говорили они, мѣютъ уже свои осѣдлиска и господарства, и для того тамъ лутше себѣ желаютъ жыти, нежели въ Русѣ, ничего своего не имущи“ [1]). Происходило, по видимому, этническое смѣшеніе элементовъ самыхъ разнородныхъ. Какъ извѣстно, въ данномъ случаѣ Сирко приказалъ безпощадно истребить всѣхъ тѣхъ плѣнниковъ, которые заявили желаніе возвратиться въ Крымъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на ренегатовъ, какъ на враговъ своей родины. Когда кровавая расправа была окончена, онъ „до мертвыхъ труповъ, говоритъ лѣтописецъ, вымовилъ такія слова: „спѣте тутъ до страшного суду Господня, нежели бысте мѣли въ Криму между бесурманами размножаться на наши христіанскіи молодецкіи голови“ [2]). Вотъ на этой почвѣ глубокихъ нравственныхъ потрясеній, сопровождаемыхъ физическими страданіями, и развивалось поэтическое творчество народное, выдвигая однородныя темы, какъ въ пѣсняхъ, такъ и въ думахъ. И тамъ, и здѣсь мы видимъ предъ собою цѣлые ряды плѣнниковъ и плѣнницъ неодинаковыхъ нравственныхъ качествъ, неодинаковой душевной силы. Но то, что въ пѣсняхъ является въ видѣ намека, въ видѣ отдѣльныхъ указаній на тѣ или другія состоянія страдающихъ людей, выступаетъ въ думахъ, какъ цѣльная картина, пропитанная, такъ сказать, влагою невысохшихъ слезъ или же поднятая на высоту для всенароднаго созерцанія козацкой славы. Послѣдній мотивъ явственно слышится въ думѣ о побѣгѣ невольниковъ то изъ тем-

[1]) Лѣтопись Величка, т. II. 376.

[2]) Ibidem, 377.

Digitized by Google

ницъ, то изъ каторги турецкой, напримѣръ, въ думѣ о Самойлѣ Кишкѣ или же въ думѣ объ Иванѣ Богуславцѣ по варіанту Котляревскаго. Но такъ какъ для этихъ думъ почти невозможно подобрать соотвѣтствующихъ параллелей въ пѣсняхъ, то мы должны изъ цѣлаго ряда невольницкихъ думъ выбрать думу, болѣе элегическаго, чѣмъ торжествующаго характера.

Остановимся на думѣ о Марусѣ Богуславкѣ.

Немало есть народныхъ пѣсенъ о плѣнницахъ, которыя помирились съ своимъ положеніемъ. Конечно, это были тѣ изъ нихъ, которыя красотой своей могли расположить къ себѣ суровыхъ похитителей своихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ достигали въ новой средѣ выдающагося положенія. Такова, напримѣръ, была Росса или Роксолана, жена Сулеймана I, имѣвшая большое вліяніе на султана [1]). Для уясненія поэтическаго образа „дивкы-бранкы, Маруси попивны Богуславкы“, не лишено нѣкотораго значенія то обстоятельство, что эта Роксолана по своему происхожденію тоже была поповна, только не изъ Богуслава, а изъ Рогатина. Реализмъ этого образа поддерживается и пѣсней народной, въ которой сохранилось воспоминаніе о томъ, какъ

«Туркы воювалы,
Билу Челядь забиралы,
И въ нашои попаденькы
Взялы воны тры дивонькы» [2]).

Но дѣло не въ этихъ болѣе или менѣе случайныхъ сближеніяхъ. Гораздо важнѣе тѣ пѣсни, въ которыхъ плѣнницы, подобно Марусѣ Богуславкѣ, отказываются отъ своего рода-племени. Въ одной изъ нихъ рѣчь идетъ о „дивкѣ-бранкѣ, Маріанкѣ“, которую татаре уводятъ въ плѣнъ. Съ дороги она пишетъ къ отцу своему письмо, въ которомъ проситъ его, чтобы онъ не тосковалъ:

«Нехай тато не сумуе,
Най ми посагъ не готуе...

[1]) О другихъ султаншахъ изъ малороссіянокъ см. Антоновича и Драгоманова Историческія пѣсни малорус. народа, Т. I. 236—237.

[2]) Головац. Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, I, 49.

Digitized by Google

Ой бо вже я иду полемъ,
Та вже лисомъ зелененькымъ,
Та й съ Турчыномъ молоденькымъ,
Чы съ Турчыномъ, Арабыномъ,
Чы съ невирнымъ Татарыномъ» [1]).

Пѣсня эта только намекаетъ на поворотъ симпатій, вызванный неволею въ душѣ плѣнницы. Есть другая пѣсня, въ которой настроеніе это мотивируется болѣе опредѣленнымъ образомъ. Разсказывается въ ней о встрѣчѣ матери съ дочерью въ плѣну у татаръ. Въ одинъ изъ набѣговъ татаринъ захватилъ мать своей жены, не подозрѣвая того, что это была его теща. Пріѣзжаетъ онъ домой и отдаетъ женѣ своей „невильницю, ажъ до смерти робитницю“. Заказано было ей:

«Оченькамы стадо пасты,
Рученькамы кужиль прясты,
Ноженькамы колысаты».

И вотъ плѣнница-мать поетъ надъ колыбелью своего внука:

«Люлю, люлю, Татарчатко,
По доненьци унучатко,
Бодай стадо выздыхало,
Бодай кужиль сполотнила,
Бодай дытя скаменило»!

Докладываетъ объ этомъ слуга своей хозяйкѣ: прибѣжала она „боса, безъ пояса“,

«Та вдарыла по лыченьку
Свою ридну матусеньку».

Не била я тебя, говоритъ мать дочери, когда кормила тебя своею грудью.

«Маты моя ридненькая!
Скыдай съ себе свои латы,
Вбирай дорогии шаты,
Будешъ съ намы панувати»,

---

[1]) Головац. Народныя пѣсни галиц. и угорс. Руси, I. 22.

Digitized by Google

говоритъ ей дочь.

«Лишш вбоги мои латы,
Нижъ дороги твои шаты:
Волю дома бидоваты,
Якъ въ чужыни пановаты»,

отвѣчаетъ мать.

Пѣсня заканчивается обращеніемъ дочери къ слугамъ, чтобы они отвезли мать въ родные края [1]).

Глубокою стариною вѣетъ отъ этой пѣсни, хотя бы уже потому, что она встрѣчается не только въ малорусской, но въ великорусской и даже бѣлорусской редакціи [2]). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о мѣстѣ первоначальнаго сложенія ея, замѣтимъ только, что неволя татарская знакома была всему русскому міру, поэтому и пѣсня о двухъ плѣнницахъ, матери и дочери, могла проникнуть въ самые отдаленные углы его. Что касается до малорусской редакціи ея, то она представляетъ особенный интересъ по своему отраженію въ думѣ о Марусѣ Богуславкѣ. Намъ рисуетъ эта дума ту-же плѣнницу, которая не можетъ разстаться съ обстановкой своей неволи, но глубже и шире развиваетъ драматическій мотивъ, лежащій въ основѣ пѣсни, а главное—переноситъ этотъ мотивъ съ семейной почвы на общественную.

Семь-сотъ козаковъ, говоритъ дума, сидятъ въ каменной темницѣ, сидятъ они уже тридцать лѣтъ, солнца праведнаго не видятъ. Приходитъ къ нимъ „дивка-бранка, Маруся попивна Богуславка“, и спрашиваетъ ихъ: отгадайте,

«Що въ нашій земли хрыстіянській за день тепера»?

Не могутъ отгадать козаки-невольники, и говоритъ имъ „дивка-бранка, Маруся попивна Богуславка“:

«Що сегодня у нашій земли хрыстіянській Велыкодная субота,
А завтра святый праздныкъ роковый день Велыкъ-день».
«То тоди ти козакы тее зачувалы,

---

[1]) Ibidem, I, 42—43

[2]) Библіографію этой пѣсни см. Историч. пѣсни малорус. народа, Антоновича и Драгоманова, т. I, 286—296.

Digitized by Google

Биллымъ лыцемъ до сырои земли прыпадалы,
Дивку-бранку,
Марусю-попивну Богуславку,
Клялы-проклынялы»

за то, что она извѣстіемъ этимъ дала еще болѣе почувствовать имъ горечь неволи. Тогда Маруся утѣшаетъ ихъ обѣщаніемъ освободить ихъ изъ неволи,—когда „панъ турецькый“ поѣдетъ въ мечеть и отдастъ ей, Марусѣ, ключи отъ темницы. И вотъ въ самый день праздника, „въ роковый день Великъ-день“, она

«Темныцю видмыкае,
Всихъ козакивъ, бидныхъ невольныкивъ, на волю выпускае
И словамы промовляе:
«Ой, козаки, вы бидни невольныкы!
Кажу я вамъ, добре дбайте,
Въ городы хрыстиянськи утикайте,
Тилькы прошу я васъ одного города Богуслава не минайте,
Моему батьку и матери знаты давайте:
Та нехай мий батько добре дбае,
Гуртивъ, великыхъ маеткивъ нехай не збуває,
Великыхъ скарбивъ не збырае,
Та нехай мене, дивкы-бранкы, зъ неволи не выкупае,
Бо вже я потурчылась,
Побусурменылась
Для роскоши турецькои,
Для лакомства пещасного» [1])...

Все сдѣлала Маруся, что могла, для своей далекой родины, возвратила ей семь-сотъ защитниковъ ея, но убѣжать съ ними не могла. Грустно сознаетъ она свое пристрастіе къ „лакомству *нещасному*“, и мы невольно поддаемся обаянію ея словъ, въ которыхъ слышится мольба о состраданіи къ ея немощи.

Что же представляетъ эта трогательная дума сравнительно съ пѣснями о плѣнницахъ?

Ничто иное, какъ поэтическую композицію болѣе сложную, чѣмъ пѣсни,—эти же послѣднія ничто иное, какъ матеріалъ

[1]) Кулишъ, Записки о южной Руси, Т. I, 210.

Digitized by Google

для самой композиціи. Само собою разумѣется, что матеріалъ долженъ былъ существовать раньше композиціи, поэтому мы имѣемъ нѣкоторое основаніе предполагать, что творцы думъ пользовались готовымъ уже пѣсеннымъ матеріаломъ для своихъ произведеній.

То же нужно сказать и о думахъ, изображающихъ боевыя столкновенія козаковъ съ татарами и турками.

Излюбленный образъ пѣсенъ, сюда относящихся, это одинокая смерть козака въ степи, вдали отъ родныхъ и родины. Безъ сомнѣнія, это тоже одинъ изъ древнѣйшихъ мотивовъ народной поэзіи. Встрѣчается онъ у сербовъ и даже у грековъ, но въ редакціяхъ русскихъ онъ разработанъ, такъ сказать, топографически, примѣнительно къ степному раздолью, на которомъ происходили роковыя встрѣчи русскихъ наѣздниковъ съ татарскими и турецкими. Характерная принадлежность этого раздолья по малорусскимъ пѣснямъ—степныя могилы, на которыя любуются хищныя птицы въ ожиданіи новыхъ жертвъ боя, надъ которыми насыпаны будутъ свѣжія могилы:

«Сокилъ зъ орломъ та й злитается,
Сокилъ орла та й пытается:
Чымъ же той свитъ закрашается?
Чы горамы, чы долынамы,
Чы велыкымы та могыламы?»[1]).

Вслѣдъ за этой прелюдіей начинается сама пѣсня объ умирающемъ козакѣ на одной изъ этихъ могилъ. Такихъ пѣсенъ въ народной малорусской поэзіи чрезвычайное множество. Это пѣсни о *рубаныхъ козакахъ*. Обыкновенно изображаются въ нихъ предсмертныя минуты этихъ степныхъ рыцарей. Послѣднею заботою ихъ въ эти минуты бываетъ передача отцу и матери печальной вѣсти о смерти сына ихъ. Вѣстниками бываетъ воронъ, орелъ и соколъ, но чаще всего является вѣстникомъ добрый конь козака, который спрашиваетъ своего хозяина:

«Кому мене уручаешъ,
Кому коня покыдаешъ?

[1]) Чубинскій, Труды этногр.-статистической экспедиціи, V, 943.

Digitized by Google

Чы турчыну, чы татарыну?»
«Тебе турчынъ, отвѣчаетъ ему хозяинъ, не пиймае,
А татарынъ не всидлае,
Бижы, коню, все лугамы,
Та все бытыми шляхамы»,

прибѣги на дворъ къ моей матери, будетъ она спрашивать тебя обо мнѣ, скажи ей, что я

«женывся,
Та поняв соби паняночку,
Въ чыстимъ поли земляночку:
Що куды витеръ не вие,
А сонечко не грие,
Безъ виконець, безъ дверець,
Тамъ спыть твій сынъ молодець» [1]).

Вотъ обычная схема этихъ пѣсенъ, но бываютъ иногда легкія отступленія отъ нея. На вопросъ матери о сынѣ конь отвѣчаетъ зловѣщимъ предложеніемъ посѣять песокъ на камнѣ: когда взойдетъ желтый песокъ и расцвѣтетъ зеленымъ барвинкомъ, тогда и сынъ ея воротится домой [2]). Этотъ послѣдній мотивъ встрѣчается иногда въ пѣсняхъ и думахъ объ отъѣздѣ козака изъ родины. Обыкновенно въ этихъ пѣсняхъ младшая сестра спрашиваетъ брата—козака, когда его въ гости ждать: онъ отвѣчаетъ загадкой о пескѣ, посѣянномъ на камнѣ [3]), или же о млиновомъ камнѣ и павиныхъ перьяхъ: когда млиновый камень начнетъ плавать, а павиныя перья начнутъ тонуть, тогда онъ воротится домой [4]). Тотъ же мотивъ широко развитъ въ думахъ объ отъѣздѣ козака изъ родины, съ тѣмъ же симпатичнымъ образомъ младшей сестры и съ тѣми же загадочными отвѣтами козака [5]).

---

[1]) Чубинскій, Труды экспедиціи, 94 ².

[2]) Ibidem, 941, 942, 943, 953; Головацкій, Народ. пѣсни галиц. и угорс. Руси I, 97—98; III, 45—46.

[3]) Чубинс. Труды экспедиціи, V, 890; Закревс. Старосвѣтскій бандуристa, 62-63.

[4]) Чубинс. Труды экспедиціи, 881; Головац. Народ. пѣсни галиц. и угорс. Руси, ч. III, 12.

[5]) Максимовичъ, Украинс. народныя пѣсни, 1834, 62. Лукашевичъ, Малорос. и червонорус. думы и пѣсни, 59. Кулишъ, Записки о южн. Руси. I. 14.

Digitized by Google

Но какъ пѣсни, такъ и названныя сейчасъ думы вращаются исключительно въ сферѣ семейныхъ отношеній. Не выходятъ изъ этой сферы и нѣкоторыя думы о смерти одного или нѣсколькихъ козаковъ въ степи (большею частію трехъ, иногда двухъ братьевъ). Есть, однакоже, одна прекрасная дума, въ которой тотъ же образъ умирающаго козака всецѣло проникнутъ суровою поэзіею козацкой жизни. Мы разумѣемъ думу о Ѳедорѣ Безродномъ. Только одинъ варіантъ этой думы (А. А. Котляревскаго) связываетъ героя ея съ отцемъ-матерью, и то въ видѣ напоминанія объ нихъ, сдѣланнаго слугою умирающаго козака:

«Ты въ мене, говоритъ онъ своему слугѣ,
Отець и маты ридненьки, и братъ и сестрыця вирненьки» [1]).

Въ остальныхъ варіантахъ мы видимъ обстановку козацкой смерти строго козацкую, войсковую.

«Надъ сагою днипровою лежыть Ѳедоръ Безридный,
Безплеминный,
Постреляный,
Порубаный,
На раны смертельнии знемаганный» [2]).

Онъ отдаетъ на пямять о себѣ джурѣ своему коня, оружіе и все свое имущество козацкое, но при этомъ онъ хочетъ убѣдиться, будетъ-ли джура имѣть видъ настоящаго, браваго козака. Онъ приказываетъ ему сѣсть на коня и проѣхать передъ нимъ, и когда джура исполнилъ его желаніе, тогда только онъ рѣшилъ, что счеты его съ міромъ окончены.

«Ой благодарю тебе, Господа мылосердного, говоритъ онъ,
А що не ледай—кому моя худоба буде доставать!» [3])

Затѣмъ проситъ онъ джуру посмотрѣть, не ѣдутъ-ли козаки Днипромъ-Славутою, и даетъ ему отеческое наставленіе, какъ онъ долженъ встрѣтить козаковъ *по козацькому звычаю:*

---

[1]) См. ниже эту думу въ гл. VI.

[2]) Метлинс. Народ. южнор. пѣсни, 440.

[3]) Записки юго-зап. отдѣла географ. общества, I, 19.

Digitized by Google

«Шлычокъ на копию искладай,
А самъ нызько уклоняй,
Наперед Господу Богу
И батькови кошовому,
Отаману вийськовому,
И всему товарыству кревному и сердешному» [1]).

Джура передаетъ козакамъ просьбу умирающаго товарища, чтобы они

«Тило козацьке, молодецьке въ чыстимъ поли поховалы,
Звиру-птыци на поталу не подалы» [2]).

Дальше слѣдуетъ трогательная картина козацкихъ похоронъ. Одинъ изъ варіантовъ думы заканчивается характернымъ обобщеніемъ въ козацкомъ духѣ:

«То ще добре козацька голова знала,
Що безъ вийська козацького не вмирала!» [3])

Такимъ образомъ, и въ этой думѣ мы видимъ однородные поэтическіе мотивы, разбросанные во многихъ пѣсняхъ.

Перейдемъ теперь къ думѣ, болѣе массивной по содержанію, чѣмъ двѣ разобранныя нами думы, и въ то же время однородной съ ними по архитектурному построенію. Мы разумѣемъ думу объ Ивасѣ Коновченкѣ [4]).

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem.

[3]) Максимовичъ, Украинскія народ. пѣсни, 1834, 4.

[4]) Событіе, о которомъ разсказывается въ этой думѣ, М. А. Максимовичъ относитъ къ 1634 году, „когда задпѣпровскіе козаки ходили въ Бѣлгородщину на татаръ и разбили ихъ подъ Тягиномъ“. По его предположенію, корсунскій полковникъ Филоненко былъ сыномъ Филона Чигая (Украинс. народныя пѣсни, 1834 г., 51). Но въ 1634 г., замѣчаетъ Костомаровъ, край праваго берега Днѣпра представлялъ безлюдную пустыню, между тѣмъ „обстановка жизни, представленная въ этой думѣ, скорѣе можетъ указывать на времена, предшествовавшія эпохѣ Хмельницкаго: спокойное пребываніе іудеевъ въ краѣ—это черта времени до жесточайшаго избіенія жидовъ при Хмельницкомъ“. (Исторія козачества въ памятникахъ южнорус. пѣснотворчества, отд. оттискъ, 67). Разсматривая думу въ стилистическомъ отношеніи, мы тоже готовы отнести ее скорѣе къ первой, чѣмъ ко второй половинѣ XVII в.

Digitized by Google

Нужно сказать прежде всего, что это самая живучая дума. Сохранилась она во множествѣ варіантовъ и поютъ ее даже на правой сторонѣ Днѣпра, гдѣ, вообще говоря, думы встрѣчаются рѣдко [1]). По словамъ одного лирника, думу эту заставляютъ пѣть родители непокорныхъ дѣтей и „парубки“, которымъ очередь идти въ солдаты [2]). Сущность думы заключается въ изображеніи столкновенія между матерью и сыномъ, между семейнымъ строемъ жизни и общественнымъ. Старая Коновчиха—это не та мать, о которой поется въ пѣснѣ:

«Ой мала вдова сына сокола,
Выгодовала, въ вийсько оддала» [3]).

Только въ одномъ варіантѣ думы о Коновченкѣ она благословляетъ сына въ походъ противъ турокъ, но и то—скрѣпя сердце [4]). Въ остальныхъ варіантахъ она, какъ представительница семейнаго начала, страстно желаетъ, чтобы сынъ ея оставался при ней. Такая мать чаще всего встрѣчается въ пѣсняхъ. Нерѣдко она проклинаетъ своего сына за то, что онъ хочетъ промѣнять домашній очагъ на опасности боевой жизни [5]). То же дѣлаетъ и Коновчиха. Въ думѣ этому проклятію пред-

---

[1]) Галицкій варіантъ этой думы представляетъ уже историческую пѣсню съ обыкновеннымъ стихотворнымъ размѣромъ, который выдерживается довольно правильно сначала до конца, и для котораго иногда конецъ предыдущаго стиха повторяется въ началѣ слѣдующаго:

„Ой рано, ранесенько и коника сидлае,
И коника сидлае, и на Бога не гадае“.

Историческая дѣйствительность въ этомъ варіантѣ едва замѣтна. Вмѣсто полковника Хвилоненка является гетманъ. Событіе представлено въ идеальномъ отдаленіи. (См. Головац. Народныя пѣсни галиц. и угорс. Руси, ч. I, 9—12).

[2]) Какъ въ народной поэзіи прилаживается старое къ новому, можно видѣть изъ варіанта, записаннаго въ к. подольской губерніи:

„А якъ же я буду, говоритъ Коновченко, *охвицерськои*, лыцарськои, козацькои славы—памяты поиматы,
То буду я отъ *государя* чести й славы надиляты“.
(„Кіевс. Стар.“ 1889 г. Сент. 676).

[3]) Чубинс. Труды экспедиціи, V, 882.

[4]) Максимовичъ, Украинскія народныя пѣсни, 1834, 53.

[5]) Головац. Народн. пѣсни галиц. и угорской Руси, ч. I. 100.

Digitized by Google

посланъ цѣлый рядъ подробностей, не существующихъ въ народныхъ пѣсняхъ;—именно характерный разговоръ матери съ сыномъ послѣ того, какъ этотъ послѣдній горячо откликнулся на призывъ полковника Хвилоненка въ „охотне вийсько“.—Есть у насъ хозяйство, есть у насъ чѣмъ жить, говоритъ мать сыну. Но юноша пренебрегаетъ скромной долей „хлѣбороба“; онъ боится, что будутъ козаки „на пидпытку“ его „зневажаты“,— будутъ его „полежаемъ, домотуромъ, гречкосиемъ узываты“ [1]). Онъ проситъ свою мать, чтобы она купила ему коня. Коновчиха отказала ему въ этомъ и отправилась въ церковь, а всю козацкую зброю заперла, оставила только „шаблю булатну, та пыщаль семыпйадну“. Взялъ это оружіе Ивась и отправился „пихотою у вохотне вийсько“. Въ воротахъ встрѣчается онъ съ матерью:

«Эй, говоритъ онъ, не подобало бъ тобѣ козаку молодому и дорогы переходыты,
Подобало-бъ тобѣ въ кутку сыдыты,
Та хоть чужую дытыну малую колыхаты,
А бы-якъ зъ упокоемъ хлиба-солы ужываты».

Вотъ уже послѣ этого мать разразилась проклятіемъ. Но мать—какъ мать: на третій день она одумалась:

«Рукы до Бога здыймае,
Господа зъ небесъ благае:
Дай мени, Боже, си слова передъ собою маты,
А свого сына Ивася Вдовыченка хоть разъ у вичи повыдаты».

Купила она коня и послала съ нарочнымъ, чтобы онъ Ивася догналъ и коня ему отдалъ. Глубоко тронутъ былъ юноша этою всепрощающею любовью матери.

«Я жъ думавъ, говоритъ онъ, що мене маты у доми клене-проклынае;
Ажъ вона обо мни велыкое старанне мае,

---

[1]) Метлинс. Народныя южнорус. пѣсни, 415. Въ изложеніи думы мы будемъ держаться этого варіанта: онъ совмѣщаетъ въ себѣ подробности, сближающія его

Digitized by Google

Дай мени, Боже, сей походъ сходыты,
Знавъ бы я, якъ свою матюръ у доми споважаты!›

Но это дѣло далекаго будущаго, когда утихнутъ молодыя страсти. Впереди Ивасю предстоитъ доказать свою козацкую отвагу. Вызываетъ полковникъ охотниковъ „у первому рази на герци погуляты“. На этотъ вызовъ откликается Ивась:

«Ты дыти молоде, отвѣчаетъ ему полковникъ,
Розумомъ не дийшле,
У походахъ не бувало,
Крови хрыстиянскои не выдало».
«Возьмы ты, отвѣчаетъ ему Ивась, утя старée,
А друге младее,
Пусты ты на воду:
Чы не равно буде плысты младе,
Якъ бы старе?›

Выѣзжаетъ Ивась на герць:

«Турокъ пйатдесятъ пидъ мичъ узявъ,
Девйатеро жывцемъ извйазавъ,
Передъ Хвылона, Корсунського полковныка, въ наметъ
приставлявъ».

Этотъ успѣхъ вскружилъ голову отважному юношѣ. Пьетъ онъ вмѣстѣ съ полковникомъ „медъ та оковыту горилку“.

«Якъ ставъ у соби нещасный хмель зачуваты,
Ставъ у другый разъ у Хвылона, Корсунського полковныка,
благословення прохаты».

Не совѣтуетъ ему полковникъ

«Хмельному на герци гуляты».

Невольно припоминается при этомъ совѣтъ матери сыну изъ пѣсни:

«Ой, ты сыну мий, ты дытыно моя,

съ остальными, при этомъ лучшія картины, разбросанныя въ другихъ варіантахъ, въ немъ соединены, какъ бы въ фокусѣ.

Digitized by Google

Не пый, не пый та горилочкы, бо зведе зъ ума».
«Я горилкы напйусь, отвѣчаетъ ей сынъ, и ума наберусь».

Въ думѣ этотъ семейный мотивъ переведенъ въ бытовую обстановку козацкой жизни. Почти то же отвѣчаетъ полковнику Ивась, что и сынъ матери въ пѣснѣ.

«Сталы его туркы въ хмелю познаваты,
Сталы по камышахъ засидаты,
Сталы его зъ коня збываты»,

Отправляетъ полковникъ козаковъ на выручку Ивася, но они застали его едва живымъ. Это былъ уже *рубаный* козакъ:

«Вже жъ винъ и очыма не гляне,
И рукамы не здиме,
И ногамы не пийде,
Тилько стыха словамы промовляе:
По малу, братци! Не вразьте моихъ смертельныхъ ранъ:
Не булатнымы шаблямы мене рубалы,
Не ордынськымы стриламы зъ коня сбывалы,
Се мене отцева молытва, та материни слезы побылы».

Привезли Ивася въ таборъ козацкій. Послѣдней просьбой его было не посылать тѣла его на родину, не сокрушать сердца матери, и безъ того горемъ убитой, но тамъ же на полѣ битвы, „по козацьки поховаты“. Слѣдуетъ затѣмъ уже извѣстная намъ картина похоронъ козацкихъ. Дума заканчивается разсказомъ о томъ, какъ старая Коновчиха встрѣтила войско козацкое, возвращавшееся изъ похода, какъ она съ боязливымъ предчувствіемъ своего горя разспрашивала козаковъ о своемъ сынѣ, какъ они отвѣчали зловѣщими намеками о женитьбѣ козака на „препышной паннѣ“—степной могилѣ. Этотъ щемящій сердце образъ „препышной панны“, знакомый намъ изъ пѣсенъ о *рубаныхъ* козакахъ, поставленъ въ непосредственную связь съ пиромъ, который устроила мать погибшаго героя для его товарищей по оружію: пиръ этотъ въ одно и то же время былъ „похоронъ и весилля“.

Ярко взошла и быстро закатилась звѣзда молодаго Ивася. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ это былъ самый симпа-

Digitized by Google

тичный образъ громадной силы, которая въ разцвѣтѣ молодости гибнетъ безплодно для общаго блага. А все же, какъ говоритъ дума, „слава его не вмре, не поляже“. Это и есть задушевная мысль творца думы, который имѣетъ въ запасѣ поэтическую формулу для соединенія въ одномъ лицѣ „козацкой славы“ съ грѣхомъ Ивася, сознающаго въ предсмертную минуту, что „матерыни слезы его побылы“. Глубоко мотивированъ въ думѣ этотъ контрастъ психическимъ анализомъ дѣйствующихъ лицъ, которые расходятся въ своемъ настроеніи не по эгоизму личныхъ страстей, а только по роковой необходимости, вытекающей изъ разности положенія и возраста. Въ концѣ концовъ—мать Ивася не переставала любить его ни на минуту, даже и тогда, когда проклинала,—въ свою очередь Ивась умѣлъ цѣнить свою мать и отвѣчать на любовь ея любовью. Творецъ думы въ глубинѣ картины поставилъ мать, какъ живую душу семьи, а на переднемъ планѣ изобразилъ козацкое товарищество „кревне и сердешне“, и всю эту толпу привелъ въ дивное согласіе высоко поднятыхъ человѣческихъ стремленій.

Сложный это процессъ творчества. И въ этой думѣ, какъ въ двухъ предыдущихъ, онъ повторяется съ правильностью строго выдержаннаго метода. Можно различать въ немъ два предшествующіе момента: поэтическое настроеніе, почерпаемое изъ пѣсенъ, и впечатлѣніе отъ событія, сходнаго съ содержаніемъ пѣсенъ. Оба эти момента сливаются въ одинъ цѣльный актъ поэтическаго вдохновенія, который въ отличіе отъ амплификаціи пѣсеннаго матеріала мы называемъ концентраціей или же, такъ сказать, сгущеніемъ его.

Теперь вопросъ въ томъ, что преобладаетъ здѣсь—пѣсенные мотивы или же событіе, изображаемое въ думахъ?

Мы думаемъ, что во всѣхъ думахъ историческаго содержанія исходной точкой творчества было событіе, но въ однѣхъ оно располагало къ возсозданію извѣстныхъ уже поэтическихъ образовъ, въ другихъ—нѣтъ. Если это событіе не выходило изъ ряда обыкновенныхъ явленій жизни, много разъ воспроизведенныхъ въ народныхъ пѣсняхъ, то поэтическіе мотивы этихъ послѣднихъ какъ бы сами собою напрашивались въ думу, со-

Digitized by Google

ставляя, такъ сказать, декоративную отдѣлку ея, разработанную иногда со всею тонкостью психическаго анализа, свойственнаго думамъ. Отмѣченная именемъ лица, затронутаго событіемъ или же принимавшаго въ ходѣ его личное участіе, дума снабжалась реальными подробностями козацкаго быта и являлась такимъ образомъ дальнѣйшимъ развитіемъ пѣсни. Если же событіе было совсѣмъ не заурядное или же слишкомъ извѣстное поэту, который могъ быть очевидцемъ и даже непосредственнымъ участникомъ его, то пѣсни теряли свое импонирующее значеніе. Могли быть такіе случаи, что по поводу громкаго и притомъ свѣжаго событія не успѣли еще сложиться и самыя пѣсни. Тогда творецъ думы предоставленъ былъ самому себѣ и долженъ былъ искать вдохновляющаго настроенія въ самомъ событіи. Таковы, напримѣръ, думы, изображающія эпоху Богдана Хмельницкаго: онѣ отличаются сухимъ реализмомъ, въ которомъ слышится безпощадно жесткій смѣхъ надъ побѣжденнымъ врагомъ. Нѣтъ въ нихъ почти ничего, что напоминало бы тонкій и нѣжный рисунокъ народныхъ пѣсенъ. Совсѣмъ не то представляютъ думы болѣе ранней эпохи: онѣ извлекаютъ изъ народныхъ пѣсенъ самые задушевные лирическіе звуки,—событіе же, о которомъ идетъ рѣчь въ этихъ думахъ, представляется обыкновенно въ какомъ-то полусвѣтѣ.

Но, какъ бы рѣзко ни отличались эти два типа думъ по своему внутреннему строю, мы должны сказать, что во всѣхъ думахъ неизмѣнной остается поэтическая форма ихъ, не имѣющая ничего подобнаго въ поэзіи иныхъ славянскихъ народовъ.

Снова ставимъ вопросъ: откуда эта форма?

Намъ кажется, что происхожденіе ея до нѣкоторой степени опредѣляется психическимъ строемъ самихъ думъ, въ которомъ отчасти можно разгадать индивидуальный образъ поэтовъ, слагавшихъ думы.

Въ дополненіе къ тому, что сказали мы объ этомъ предметѣ въ первой главѣ нашего изслѣдованія, считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Строй этотъ глубоко народный. Нѣтъ въ немъ ни одной ноты, которая чужда была бы народному міровоззрѣнію, на-

Digitized by Google

роднымъ симпатіямъ и убѣжденіямъ. Главная нота въ думахъ— это идея свободы отъ насилій всякаго рода надъ личностью человѣка. Представителемъ и защитникомъ этой свободы былъ козакъ, и въ этомъ словѣ заключается основной нервъ поэтическаго настроенія, господствующаго въ думахъ. Какъ извѣстно, и послѣ паденія козачества, слово это осталось въ народныхъ пѣсняхъ въ значеніи не столько воина, сколько удалаго добраго молодца и вообще любезнаго народному сердцу человѣка. Въ думахъ воспроизводится именно тотъ моментъ въ жизни козачества, когда оно не превратилось еще въ привиллегированное сословіе, когда послѣдній человѣкъ изъ народной массы легко могъ сдѣлаться козакомъ, т. е. свободнымъ человѣкомъ. Только одна дума о Ганжѣ Андыберѣ изображаетъ сословную рознь въ средѣ самаго козачества, но всѣ симпатіи ея на сторонѣ большинства, презираемаго „дуками-серебряниками“, и самъ Ганжа Андыберъ есть безпощадный врагъ привиллегій козацкихъ. Однимъ словомъ, думы въ этомъ отношеніи поютъ то же, что и позднѣйшая гайдамацкая пѣсня:

«Вызволь же насъ, милый Боже, та изъ тои неволи,
Та дай ще разъ засиаты козацькои волн» [1]).

Но идея свободы является въ думѣ не въ видѣ безграничныхъ пожеланій, а въ видѣ опредѣленныхъ и ясныхъ стремленій къ сословной равноправности и экономической полноправности. Это и есть чисто народная или же, точнѣе говоря, крестьянская струя, которая сообщаетъ козацкимъ представленіямъ о свободѣ демократическую окраску. Точкой соприкосновенія между крестьянскими и козацкими интересами была религія, но она уже представляетъ нѣчто болѣе сложное въ культурномъ отношеніи, чѣмъ соціально-экономическіе интересы крестьянской массы. Что касается до козацкихъ представленій о свободѣ, то они, совмѣщая въ себѣ все предыдущее, стояли уже на ступени національнаго самосознанія. Здѣсь уже ясно выдвигалась болѣе широкая идея о народѣ, который имѣетъ

[1]) Головац. Народн. пѣсни галиц. и угорс. Руси, ч. I, 17.

Digitized by Google

свои порядки жизни, отличающіе его отъ другихъ народовъ, и который живетъ на извѣстной территоріи. Дума раздвигаетъ эти предѣлы до самой Вислы:

«Эй, Ляхы жъ вы, Ляхы, мостывни паны...
Колысь наши диды надъ сею ричкою козаковалы,
Да въ сій ричци скарбы поховалы»... [1]).

Пѣсня ограничивается теченіемъ Случи:

«Ой чы бачъ, Ляше, що по Случъ наше,
По костяную могылу»... [2]).

Но дѣло не въ тѣхъ или другихъ границахъ, а въ проснувшейся національной потребности поставить эти границы. Это было уже дѣломъ козацкаго режима, который далъ организацію разрозненнымъ движеніямъ народной массы и съ успѣхомъ направилъ эти движенія къ опредѣленнымъ цѣлямъ. Если же въ думахъ выражается не только народное, но и національное настроеніе, то очевидно, что и творцы думъ были люди, проникнутые тѣмъ и другимъ настроеніемъ, т. е. совмѣщали въ себѣ элементы крестьянскій—простонародный и козацкій культурно-народный или же національный.

Къ тому же выводу мы должны придти, если припомнимъ данныя, указанныя нами выше и относящіяся къ техникѣ поэтическаго выраженія въ думахъ. Не говоря уже о томъ, что творцы думъ, какъ мы видѣли, охотно черпали матеріалъ изъ обширной области народнаго пѣснотворчества въ видѣ тѣхъ или другихъ поэтическихъ образовъ и цѣлыхъ картинъ, они вносили въ свои произведенія самый методъ народно-поэтическаго представленія, вытекающій изъ индивидуальныхъ особенностей малорусскаго племени. Мы разумѣемъ тотъ душевный складъ, свойственный малороссіянамъ, который заключается въ лирическомъ отношеніи къ явленіямъ жизни и выражается то въ элегическомъ, то въ сатирическомъ настроеніи, то въ соединеніи одного съ другимъ. На этой почвѣ народнаго темпера-

[1]) Кулишъ, Зап. о Южн. Руси. I, 56.
[2]) Лысенко, Збирникъ украинс. писень, I, 28.

Digitized by Google

мента только и могли возникнуть думы, которыя самымъ названіемъ своимъ указываютъ на психическія свойства народа, среди котораго онѣ появились. Очевидно, творцы думъ выходили изъ народа или же, во всякомъ случаѣ, принадлежали ему. Но, всматриваясь пристальнѣе и глубже въ эту народную психическую ткань, лежащую въ основѣ думъ, мы должны сказать, что она въ значительной степени культивирована. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ данномъ случаѣ мы изучаемъ явленіе этнографическое, на которомъ лежатъ свѣжіе еще культурные слои. Правда, это не есть свѣжесть современной культуры, въ движеніи которой народъ не принимаетъ активнаго участія. Это — старомодная культура, но въ ней есть одно любопытное качество, которое даетъ ей право на вниманіе и уваженіе: она была создана иниціативой и силами самого народа не ради пустой прихоти, а ради высокихъ интересовъ нравственныхъ, не лишенныхъ общечеловѣческаго значенія. Вотъ почему мы не видимъ разлада между рефлексивными свойствами мысли, которыми обладали творцы думъ, и народно-поэтическими образами, въ которые они облекали эту мысль. Напротивъ того, въ поэтическомъ стилѣ думъ мы смѣло можемъ отмѣтить, какъ выдающуюся особенность ихъ, полную гармонію между природой и искусствомъ. Самый языкъ думъ представляетъ удивительное приспособленіе книжныхъ стихій рѣчи къ народнымъ, книжнаго строя къ народному. Не могло все это случиться само собою, въ безсознательномъ порывѣ наивнаго творчества. Думы—не простыя пѣсни, навѣянныя мимолетными впечатлѣніями жизни, пропѣтыя для того, чтобы выразить приливъ или отливъ субъективныхъ ощущеній въ данную минуту. Думы предназначались для широкаго круга слушателей, которые искали въ нихъ серьезнаго отвѣта на вопросы жизни семейной и общественной. Знали это творцы думъ и, конечно, должны были приготовиться къ этимъ отвѣтамъ надлежащимъ образомъ,—должны были найти для своихъ мыслей болѣе или менѣе широкое основаніе въ культурной обстановкѣ своего времени, должны были согласовать эту обста-

Digitized by Google

новку съ міровоззрѣніемъ народнымъ. А это уже дѣло болѣе или менѣе сознательнаго искусства... [1]).

Высказанныя нами соображенія проливаютъ тусклый свѣтъ на безъименныхъ представителей этого искусства. Попытаемся подойти къ нимъ еще ближе.

---

[1]) Убѣжденіе, что дума не простая пѣсня, что въ ней нельзя употребить всякое заурядное слово, перешло и къ позднѣйшимъ исполнителямъ думъ. См. объ этомъ Запис. о Южной Руси, Кулиша, I, 179.

Digitized by Google

V.

Творцы и пѣвцы думъ.

Есть одна идея, въ которой, какъ въ фокусѣ, сходятся нити, соединяющія въ одно цѣлое народныя малорусскія пѣсни и думы съ полународными и чисто книжными виршами: это идея матери, и притомъ въ симпатично-печальномъ образѣ матери-вдовы. Давняя это идея въ южнорусской землѣ. Еще въ начальной лѣтописи мы видимъ эту умную, глубоко озабоченную судьбою своего сына вдову, которая говорила ему: „азъ, сыну, Бога познахъ и радуюся; аще и ты познаеши Бога, то радоватися начнеши“. Онъ же не внимаше того, глаголя: „како азъ хощю инъ законъ одинъ приняти? А дружина моя сему смѣятися начнуть“... и не послуша матери, и твореше норовы поганьскыя, не вѣдый, аще кто матери не слушаетъ, въ бѣду впадае. Се же тому гнѣвашеся на матерь. Но обаче любяше Олга сына своего Святослава, ркущи: „воля Божия да будеть; аще Богъ възхощеть помиловати роду моего и земли рускые, да възложить имъ на сердце обратитися къ Богу, яко же и мнѣ Богъ дарова“. И се рекши, моляшеся за сына и за люди по вся дни и нощи, кормячи сына своего до мужьства его и до възъраста его“ [1]).

Эти послѣднія строки невольно напоминаютъ слова малорусской думы о матери-вдовѣ, которая сына своего

---

[1]) Лѣтопись по Ипатс. списку, 41.

Digitized by Google

«Изъ малыхъ литъ годовала, лелияла,
До зросту въ наймы не пускала,
Пры старости литъ славы да памяты прожыты сподивала» [1]).

Не исполнились желанія матери-козачки, какъ не исполнились и желанія княгини Ольги. Конечно, причины размолвки обѣихъ матерей съ сыновьями и тамъ и здѣсь были иныя, но и лѣтописной матери-княгинѣ не чуждо было простое желаніе материнскаго сердца видѣть сына дома въ печальную пору безпомощной старости: „И рече ему (Святославу) мати: „видиши ли мя болну сущю, камо хощеши (идти) отъ мене?“ Бѣ бо разболѣлася уже. Рече же ему: „погребъ мя, иди амо же хощеши“ [2]).

Всѣ эти сопоставленія мы дѣлаемъ вовсе не для того, чтобы протянуть непрерывную линію между формами жизни княжеской и козацкой Руси. Извѣстно, что въ быту простыхъ людей того отдаленнаго времени, когда жила княгиня Ольга, родители имѣли большую власть надъ дѣтьми. Почти то же мы видимъ и позже—въ козацкій періодъ южнорусской исторіи. Такъ, въ XVI вѣкѣ, говоритъ одинъ почтенный изслѣдователь южнорусской старины, „родители могли закладывать своихъ дѣтей съ правомъ перезалога для кредитора; эта власть принадлежала не только отцу и обоимъ родителямъ вмѣстѣ, но и матери-вдовѣ въ отношеніи къ дочерямъ“ [3]). Что же могло вызвать апотеозу метери въ думахъ, совпадающую съ настроеніемъ всѣхъ слоевъ малорусскаго народа—книжныхъ и некнижныхъ?

Намъ кажется, что въ XVI в. положеніе матери-вдовы сдѣлалось сравнительно болѣе тягостнымъ, чѣмъ было оно прежде. И по обычному праву власть ея не распространялась на взрослыхъ сыновей, теперь же, когда явилась для всѣхъ полная возможность поступать въ „охотне вийсько“, власть эта еще болѣе съузилась. То было время, когда для борьбы внут-

---

[1]) Лукашевичъ, Малорус. и червонорус. думы и пѣсни, 36.

[2]) Лѣтопись по Ипатс. списку, 44.

[3]) Будановъ, „Черты семейнаго права запад. Россіи въ половинѣ XVI в.“ (Чтенія въ историч. обществѣ Нестора лѣтописца, кн. 4, 77).

Digitized by Google

ренней и внѣшней многіе отказывались отъ всякихъ семейныхъ узъ, какъ это мы видимъ въ Запорожьѣ,—время, когда „зъ день годыны", какъ говоритъ дума, „счыналыся велыки войны на Вкраини". Много было тогда злополучныхъ женъ, которыя потеряли мужей своихъ въ этихъ войнахъ,—злополучныхъ вдовъ-матерей, которыя не могли удержать взрослыхъ сыновей своихъ отъ страстнаго желанія „съ козакамы погуляты, щобъ отцевськои славы не втеряты". И вотъ, въ виду беззащитнаго положенія матери-вдовы, творцы думъ поднимаютъ свой голосъ для возстановленія нравственныхъ правъ ея на вниманіе къ ней со стороны дѣтей ея. Во имя христіанской правды они напоминаютъ имъ о всемогуществѣ материнской молитвы, материнскихъ слезъ, и на разные лады повторяютъ слова лѣтописца: „аще кто матери не слушаеть, въ бѣду впадае". Мотивъ этотъ, очевидно, чисто христіанскій, и такъ какъ онъ съ особенною настойчивостью развитъ въ древнѣйшихъ, такъ называемыхъ, невольницкихъ думахъ, то мы не можемъ отказаться отъ мысли, что первые творцы думъ принадлежали къ сословію каликъ убогихъ, искреннихъ проводниковъ въ народныя массы гуманныхъ идей христіанства. Сохраняя основныя черты своего типа, эти калики убогіе съ теченіемъ времени, въ XVII и XVIII вв., значительно измѣнялись подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, такъ что въ ближайшее къ намъ время они дошли до простыхъ исполнителей народныхъ думъ. Можно думать, однакоже, что въ старину между ними были и выдающіеся люди, одаренные творческими силами.

Высказывая это положеніе, мы повторяемъ, повидимому, общеизвѣстную истину. Но именно то, что кажется общеизвѣстнымъ, нерѣдко требуетъ всякаго рода объясненій, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о произведеніяхъ народнаго творчества, составленныхъ безъимепными авторами. Здѣсь прежде всего является вопросъ, *какъ* могла возникнуть стихотворная форма думъ въ средѣ каликъ убогихъ, которыхъ въ Малороссіи называютъ обыкновенно *старцями* или *дидамы*?

Digitized by Google

Обратимся къ спеціальному репертуару всей этой „нищей братіи“, которая и донынѣ распѣваетъ свои *псáльмы* на сборищахъ народныхъ.

Въ *псáльмахъ* этихъ съ ясно обозначенною книжною стихіей рѣчи мы встрѣчаемъ прежде всего глагольную рифму. Вотъ нѣсколько образцевъ изъ самой популярной псáльмы объ убогомъ Лазарѣ:

«Де ся мени трафытъ смерть, то *откуплюся*,
А не откуплюся, то *одобйуся*,
До царства небесного самъ *доберуся*,
Господеви найвышшому не *помолюся*,
А всимъ свитымъ его не *покорюся*» [1]).

Или:

«Чы не мигъ бы ты мени то *вчынyты*,
Же я тебе буду вирне *просыты*,
Свій мызельный палець въ море *вмочыты*,
Мои смажущи уста та *захолодыты*,
Той пекельный вогонь *прыгасыты*,
Мой спаленый языкъ *закропыты*» [2]).

Или:

«Нехай бы я промежъ нымы хоть *пророковавъ*,
Отъ Господа Бога пророчество *извищавъ*,
Уже бъ я свое сребро, злото на церквы *дававъ*,
Еже празникъ и недиля молебни *наймавъ*,
Тебе, брате Лазаре, всегда *помынавъ*,
И нищыхъ, убогыхъ добромъ *надилявъ*,
Души своій царства вже бъ я *вготовавъ*» [3]).

Благодаря рѣшительному преобладанію глагольной рифмы, на первый планъ видвигается въ *псáльмахъ* цѣлое предложеніе или же самостоятельная часть слитнаго предложенія, какъ логическая основа стиха, которая не всегда можетъ совпадать съ одинаковымъ количествомъ слоговъ въ стихахъ. Отсюда не-

[1]) Головац. Народ. пѣсни галиц. и угорской Руси, ч. III, 264.
[2]) Ibidem, 266.
[3]) Ibidem, 270.

Digitized by Google

избѣжное послѣдствіе—неравенство стиховъ, что и находимъ мы во многихъ псàльмахъ. Отсюда же и другое послѣдствіе—речитативный оттѣнокъ въ исполненіи псáльмъ. Особенно рѣзко выступаютъ всѣ эти особенности стихотворнаго размѣра въ „просьбуванняхъ“, или же, такъ называемыхъ, „жебранкахъ“. Приведемъ одну изъ нихъ для примѣра:

«Сынъ едыный,
Исусъ Хрыстосъ правдывый!
Зошлы, Господы, Ангела-хранытеля у сей домъ
благочестывый!
Прошу тебе, отець-маты,
Нызькымъ уклономъ,
Покирнымъ словомъ,
Даруй мени едыную рубашечку, або убраннячко,
На гришнее мое тило прыкрываннячко,
Прыкрыйте жъ, отець-маты,
Мое гришне тило,
Щобъ одъ буйного витру воно не марнило,
И одъ праведного сонечка не вгоряло,
Одъ морозу не вымерзало,
Одъ дощу не вымокало,
То таьъ и васъ прыкрые Митиръ Божая честнымъ
своимъ омофоромъ» [1]).

Мы имѣемъ предъ собою ту же конструкцію стиховъ, что и въ думахъ. Очевидно, что возникла она на почвѣ псальмъ виршеваго происхожденія, но проведена со всею послѣдовательностью въ думахъ, которыя дальше стояли отъ книжныхъ вліяній, чѣмъ псальмы.

Далѣе слѣдуютъ вопросы: давняя ли это конструкція? Не создана ли она позднѣйшими исполнителями думъ?

Въ послѣднія 20—30 лѣтъ въ этнографическихъ изданіяхъ не мало появилось всякаго рода сообщеній о пѣвцахъ, отъ которыхъ записаны были думы. Много симпатичнаго заключаетъ

[1]) Записана нами въ кобеляц. у. полт. губ.

Digitized by Google

въ себѣ этотъ вымирающій уже типъ слѣпца-рапсода. Смотритъ онъ на свое ремесло, какъ на дѣло богоугодное, завѣщанное ему самимъ Іисусомъ Христомъ, который по вознесеніи своемъ предназначилъ для проповѣди своего ученія не однихъ Апостоловъ, но также хромыхъ и слѣпыхъ [1]). Глубоко вѣритъ онъ въ дѣйствительность всего того, о чемъ поетъ въ своихъ псальмахъ и думахъ [2]). Самъ онъ бываетъ сильно растроганъ содержаніемъ думъ, прерывая иногда исполненіе ихъ всякаго рода замѣчаніями и поясненіями [3]). „Боже, твоя воля, хто его повыгадувавъ, що не можна выдумать бы такъ никому въ свити!“ говорилъ одинъ изъ нихъ во время исполненія думы о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова [4]). Въ этомъ наивномъ замѣчаніи пѣвецъ выразилъ не одно удивленіе свое къ невѣдомымъ ему творцамъ думъ, но и сознаніе полнаго безсилія своего выдумать что-нибудь похожее на думы. И дѣйствительно, въ текстѣ думъ мы не видимъ слѣдовъ творчества, современнаго самимъ записямъ, зато въ большомъ изобиліи встрѣчаемъ слѣды искаженія и забвенія стариннаго текста. Сами пѣвцы иногда съ огорченіемъ сознаютъ, что многое забыли они, пересказывая думу „черезъ десяте въ двадцяте слово“ [5]) или же, какъ говорилъ одинъ изъ нихъ: „стыхъ зъ однием, да зъ другои, да й извяжешъ такъ“ [6]). „Мали старци насталы“ [7]), говорятъ они, а когда-то, по словамъ ихъ, живали „старечи короли“ [8]), или же „старечи цехмыстри“, которые заводили у себя цѣлыя школы учениковъ-пѣвцевъ, собиравшихъ для своихъ учителей по городамъ и селамъ милостыню [9]). Собственно говоря, въ разныхъ концахъ Малороссіи и теперь существуютъ эти школы,

---

[1]) Кіевская Старина, 1889 г., Сентябрь, 663, 672.
[2]) Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 45.
[3]) Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 15—42.
[4]) Ibidem, 38.
[5]) Кіевс. Старина, 1882 г., Дек., 24.
[6]) Историч. пѣсни Антон. и Драгом., I, 332
[7]) Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 13.
[8]) Ibidem, 2.
[9]) Кіевскій Телеграфъ, 1873 г., № 59.

Digitized by Google

или, лучше сказать, учителя, имѣющіе двухъ-трехъ учениковъ, но въ репертуарѣ современныхъ „старцивъ“ очень рѣдко попадаются думы [1]). Какъ извѣстно, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе забывается эта поэтическая старина, поэтому напрасно стали бы мы искать въ пѣвцахъ думъ, отъ которыхъ онѣ записаны, создателей вольнаго стихотворнаго размѣра, состоящаго въ неразрывной связи съ внутреннимъ строемъ думъ, въ чемъ собственно и заключается поэтическая форма ихъ. Надобно полагать, что и въ XVIII вѣкѣ пѣвцы думъ не обладали уже самодѣятельною творческою силой, изъ которой возникла эта форма, ибо ни одно событіе XVIII вѣка не воспѣто въ думахъ [2]). Такимъ образомъ мы должны отодвинуть появленіе этой формы къ болѣе давнему времени. Съ приблизительною точностью оно опредѣляется хронологическою линіею событій, выше которой не поднимаются думы. Мы разумѣемъ событія XVII и XVI вв. Но, въ виду того, что думы сливаются съ пѣснями, изображающими черты народнаго быта, возникшія раньше XVI вѣка, линія эта незамѣтно теряется въ туманѣ предшествующихъ вѣковъ и совершенно уходитъ изъ нашихъ глазъ. Проникнуть далѣе, за предѣлы XVI вѣка, можно только съ помощью гипотезы. Но мы предпочитаемъ стоять на почвѣ фактовъ, доступныхъ нашему зрѣнію, поэтому, въ заключеніе нашего изслѣдованія, считаемъ необходимымъ высказать нѣсколько соображеній о той обстановкѣ, въ которой могли появиться творцы думъ, а равно о перемѣнахъ въ этой обстановкѣ, которыя неизбѣжно должны были отразиться на самихъ думахъ.

Мы должны поставить на видъ прежде всего то обстоятельство, что въ старину, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Россіи, нищая братія стояла подъ непосредственнымъ покровомъ церкви, которая давала ей организованную помощь въ видѣ

---

[1]) См. объ этомъ интересную статью В. Боржковскаго подъ заглавіемъ „Лирники“ въ Кіевс. Старинѣ, 1889 г., Сентябрь.

[2]) Изъ первыхъ годовъ XVIII в. мы имѣемъ полу-пѣсню, полу-думу о популярнѣйшемъ героѣ старинной Малороссіи Семенѣ Палiѣ. (См. у Максимовича въ над. пѣсенъ народныхъ 1849 г.). Въ самомъ смѣшеніи двухъ разныхъ стилей выразилось паденіе творчества думъ.

Digitized by Google

страннопріимныхъ домовъ, больницъ и всякаго рода пріютовъ [1]). Понятно поэтому громадное значеніе нищей братіи въ формировкѣ народно-поэтическихъ представленій о жизни въ направленіи христіанскомъ. Серединное положеніе ея между церковью и народомъ давало ей полную возможность вносить въ міровоззрѣніе народа широкія основы христіанской мысли, не отрываясь при этомъ отъ родныхъ мотивовъ поэтической старины, которая опиралась на языческія преданія. Отсюда произошло такъ называемое двоевѣріе, и донынѣ сохранившееся въ народной поэзіи, но уже съ преобладаніемъ христіанскаго настроенія—особенно въ пониманіи нравственныхъ задачъ жизни. Положительно можно сказать, что въ лицѣ нищей братіи церковь нашла самыхъ усердныхъ миссіонеровъ христіанства, которые съ теченіемъ вѣковъ подорвали въ народной жизни роль старинныхъ скомороховъ и другихъ представителей языческаго веселья.

Но это времена давнія.

Обращаясь къ эпохѣ пробужденія умственной жизни въ южной Руси, т. е. къ XVI вѣку южнорусской исторіи, мы встрѣчаемъ въ положеніи нищей братіи нѣчто новое. Она тоже стоитъ подъ защитою церкви, но эта церковь въ католическомъ государствѣ не пользуется покровительствомъ властей. Напротивъ того, со временъ брестской уніи она составляетъ предметъ систематическаго преслѣдованія со стороны государства. Самъ народъ долженъ былъ защищать церковь и въ ней искать опорной точки для борьбы съ врагами. Появились братства, которыя внесли въ организацію церковной жизни сознаніе народныхъ нуждъ и интересовъ. Въ числѣ этихъ интересовъ выдающееся положеніе заняла филантропія—главнымъ образомъ въ видѣ устройства „шпиталей“ для нищей братіи. Это были не больницы, но богадѣльни, въ которыхъ жили увѣчные старики, преимущественно слѣпые. Пользуясь пособіями отъ прихожанъ той церкви, при которой были шпитали, они промыш-

[1]) См. объ этомъ обстоятельную статью Ефименка: „Шпитали въ Малороссіи“. (Кіевс. Старина, 1883 г., Апрѣль).

Digitized by Google

ляли и на сторонѣ посредствомъ испрошенія подаяній. Каждый шпиталь входилъ въ составъ „старечого“ братства или цеха, слагавшагося изъ нѣсколькихъ шпиталей одного и того же города или деревни. Цехъ имѣлъ свое имущество, свои права и обязанности—главнымъ образомъ по отношенію къ церкви. Почти не было церкви безъ шпиталя. Въ первой половинѣ прошлаго вѣка въ трехъ полкахъ лѣвобережной Украины было 589 шпиталей [1]). Мы не имѣемъ статистическихъ свѣдѣній о количествѣ шпиталей въ болѣе раннее время, но упоминанія о шпиталяхъ встрѣчаются очень часто, начиная съ XVI вѣка, и, что въ особенности замѣчательно, въ самомъ началѣ XVII вѣка появляются шпитали военные—въ 1601 году въ Трехтемировѣ, а въ 1629 г. въ Кіевѣ „для людей рыцерскихъ, отъ непріятелей въ разныхъ битвахъ покалѣченныхъ“ [2]).

Теперь обратимъ вниманіе на обстоятельство чрезвычайной важности, именно на то, что одна и та же церковь простирала свои заботы и попеченія о шпиталяхъ и о школахъ. Оба эти учрежденія отъ нея получали свою нравственную и матеріальную поддержку и, конечно, состояли между собою въ постоянномъ и живомъ общеніи. Намъ уже извѣстны обитатели школъ съ ихъ „орацiями“ на разные случаи, съ ихъ „кунштами“ и „виршами“, „шпаргалами“ и „партесами“. Исполняли они при церкви, какъ и шпитальные „старци“, низшія обязанности. Отъ нихъ-то и получали „старци“ произведенія школьной мудрости, которыя и разносили въ народѣ. Усваивая эти произведенія, многое они измѣняли въ духѣ народномъ, ибо обязаны были примѣняться къ народному пониманію, къ народному складу рѣчи. Но странствующіе школьники требовались не въ однихъ школахъ. На нихъ былъ спросъ и въ войскѣ, гдѣ нужны были люди грамотные для войсковыхъ канцелярій. Не разъ случалось, что они мѣняли перо на саблю, участвуя въ разныхъ баталіяхъ. Они были свидѣтелями народныхъ движеній и нерѣдко

---

[1]) Основа, 1862 г., Ст. А. М. Лазаревскаго: „Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталяхъ въ XVIII в “.

[2]) Кіевская Старина, 1883 г., Апрѣль, 715—716.

Digitized by Google

играли въ этихъ движеніяхъ не послѣднюю роль. Впечатлѣнія свои они выражали тоже въ виршахъ, которыя проникали въ школы и шпитали. Здѣсь эти вирши перерабатывались тѣми же „старцями“ для народнаго обихода. Такимъ образомъ, въ школахъ и шпиталяхъ старинной Малороссіи сосредоточивалась та полународная, полукнижная среда, которая объединяла умственные интересы духовенства, козаковъ и посполитаго люда. Вотъ изъ этой именно среды и могли выходить творцы думъ. Знали они изъ народныхъ пѣсенъ о безъименныхъ герояхъ, погибшихъ въ борьбѣ съ татарами и турками, а между тѣмъ жизнь выдвигала новыхъ героевъ, о которыхъ гласила народная молва. Нужно было прославить этихъ героевъ, поэтому „старци“ создаютъ въ честь ихъ пѣснопѣнія особеннаго рода, въ которыхъ изъ старинныхъ обрядныхъ величаній, подновленныхъ школьными кантами, берутъ элементъ славленія, а изъ народныхъ пѣсенъ яркіе и излюбленные народомъ поэтическіе образы. Знали также „старци“, чего стоила народу эта безконечная борьба его съ невѣрными, какія опустошенія производила она въ мирной жизни земледѣльца, поэтому они пользуются нравоучительно-религіозною философіей псальмъ для того, чтобы внести примиряющее начало въ сознаніе своихъ слушателей. Много утѣшенія проливали они въ душу осиротѣлой матери, потерявшей сына своего въ борьбѣ съ врагами, много добрыхъ чувствъ пробуждали они въ народной толпѣ напоминаніемъ о плѣнныхъ герояхъ, которые съ нетерпѣніемъ ожидаютъ выкупа изъ неволи.

Такъ сама собою, подъ неотразимымъ впечатлѣніемъ бытовыхъ условій жизни, явилась поэтическая форма думъ, какъ плодъ взаимодѣйствія вліяній школьныхъ и народныхъ.

Когда началось это взаимодѣйствіе?

Къ сожалѣнію, мы не можемъ отвѣчать на этотъ вопросъ съ документальной точностью. Знаемъ только, что въ XVI вѣкѣ, предъ самымъ началомъ широкой просвѣтительной дѣятельности, съ которою выступили южнорусскія центральныя братства львовское и кіевское, существовали уже въ наличности всѣ элементы, изъ которыхъ слагалось умственное общеніе между школой и народомъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытно завѣщаніе Василія

Digitized by Google

Загоровскаго, каштеляна брацлавскаго, написанное имъ въ турецкой неволѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1580 г. Онъ проситъ, чтобы къ дѣтямъ его, двумъ сыновьямъ, когда исполнится имъ по семи лѣтъ, пригласили „дьяка добре учоного", который долженъ научить ихъ „руское науки въ писме святомъ.... въ своемъ языку рускомъ". Въ другомъ мѣстѣ завѣщанія онъ назначаетъ дьяку бо́льшее денежное вознагражденіе, чѣмъ діакону и даже священнику, „абы въ тои белои избе противъ шпиталное чорное избы мешкаючи, дѣти, которые на науку будутъ ему давати, вдячне училъ", а также, чтобы „книги, якихъ церковъ пилне потребуетъ, зъ добраго зводу уставичне писалъ". Тутъ есть все: и дьякъ, списывающій книги и обучающій дѣтей въ школѣ, и два шпиталя, которые по завѣщанію должны быть устроены при церквахъ—одинъ во Владимірѣ, другой въ Суходолахъ, каждый „для 12 особъ убогихъ а здоровья неспособнаго людей". Есть даже бакаляръ статечный, котораго завѣщатель желаетъ пригласить въ домъ свой для обученія дѣтей его „науки латинского писма" [1]). Мы не имѣемъ только псальмъ и виршей, которыя тогда уже могли появиться въ школьномъ употребленіи, за то имѣемъ такія оригинальныя произведенія второй половины XVI вѣка, какъ переводы книгъ св. Писанія на народный языкъ, свидѣтельствующіе о стремленіи книжныхъ людей приблизить „рускую науку въ писме святомъ" къ народному пониманію. Поэтому мы не видимъ достаточныхъ основаній ограничивать началомъ XVII вѣка школьныя вліянія на народную мысль, слѣдовательно, и на поэтическое народное творчество. Но, конечно, вполнѣ окрѣпли эти вліянія въ XVII вѣкѣ, когда въ большемъ изобиліи появился въ школахъ извѣстный уже намъ литературный матеріалъ. По мѣрѣ накопленія этого матеріала, крѣпче стягивался узелъ, соединявшій народное пѣснотворчество съ книжными вліяніями, завязанъ же былъ этотъ узелъ, безъ сомнѣнія, раньше XVII вѣка.

Полагать надобно, что въ средѣ тѣхъ же „старцивъ", и тоже не позже XVI вѣка, установилась и заунывная мелодія

---

[1]) Архивъ югозапад. Россіи, т. I, ч. 1, № 16.

Digitized by Google

думъ [1]). Въ старину, какъ и въ позднѣйшее время, когда записывались думы, пѣвецъ вносилъ въ эту мелодію особенную выразительность посредствомъ речитативныхъ вставокъ и музыкальной декламаціи, которая сопровождалась подыгриваньемъ на кобзѣ или на бандурѣ. Оба эти инструмента теперь уже вышли изъ употребленія, но въ прежнее время они составляли обычную принадлежность козацкаго быта. Особенно это нужно сказать о кобзѣ—инструментѣ болѣе простомъ и популярномъ, чѣмъ бандура [2]).

---

[2]) Не отрицая вліянія Востока на эту мелодію, г. Фаминцынъ допускаетъ возможность заимствованія ея у сербскихъ пѣвцевъ, которые, по свидѣтельству польскихъ писателей XVII в., доходили въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. до Польши и Малороссіи (Домра и сродные ей музыкальные инструменты, 152). Справедливо замѣчаетъ объ этомъ мнѣніи рецензентъ сочиненія Фаминцына: „дума, говоритъ онъ, создавалась подъ такимъ напоромъ чисто народнаго возбужденія, что трудно принять здѣсь воздѣйствіе какихъ-нибудь внѣшнихъ, случайныхъ вліяній, что нужно искать происхожденія этой музыки въ самыхъ бытовыхъ условіяхъ—въ культурномъ вліяніи черноморскихъ Тюрковъ". (Вѣстникъ Европы, 1891, Августъ).

[1]) *Кобза*—венгер. Koboz, турец. qopûz (Miklosich, Die Freund. Wörter in den Slaw. Sprachen, 1867 г.) музыкальный инструментъ, сдѣланный изъ дереневаго дерева, о трехъ струнахъ. Это любимый инструментъ украинской молодежи; перешелъ онъ къ козакамъ отъ татарскихъ народовъ (Encyklopedia powszechna, Orgelbranda, 1860 г. т. XIV, 954). „Названіе *кобза*, говоритъ г. Фаминцынъ, можетъ быть прослѣжено въ старинныхъ памятникахъ славянскихъ и неславянскихъ до 1250 г. Извѣстно оно было Половцамъ, которые принесли, какъ названіе, такъ и инструментъ изъ азіатской своей родины". (Домра и сродные ей инструменты рус. народа, 91).

Бандура — италіанс. *pandóra* и *mandola*, испанс. *bandurria* и *bandéla*, португальс. *bandurra*, француз. *pandore* и *mandole* отъ *pandura*, *panduríum*, гречес. πανδοῦρα (Diez, Etymolog. Wörterbuch der romanisch. Spr., 1870 г., I, 302; болѣе подробную этимологію слова см. у А. Н. Веселовскаго: „Разысканія въ области рус. духовнаго стиха, Прилож. къ XIV т. Записокъ Академіи наукъ, № 1. 159—161)—музыкальный инструментъ въ родѣ лютни со струнами изъ желтой мѣди, съ короткой шейкой или грифомъ, нѣкогда былъ въ большомъ употребленіи у козаковъ на Украинѣ, откуда перешелъ въ Польшу и на Русь (въ Галицію). (См. Encyklopedia powszechna, Orgelbranda, 1860 г., т. II, 798—799). Въ послѣднее время высказано было иное мнѣніе о происхожденіи малорусской бандуры: г. Фаминцынъ ведетъ ея исторію изъ Англіи, гдѣ она изобрѣтена была въ четвертомъ году царствованія королевы Елисаветы, т. е. въ 1561 году, оттуда распространилась она по всей Европѣ и чрезъ Польшу въ концѣ XVI в. проникла въ Малую Русь, гдѣ и сдѣлалась національнымъ инструментомъ, вытѣснивъ изъ употребленія кобзу и получивъ

Digitized by Google

Съ кобзою въ рукахъ козакъ шелъ на любовное свиданіе:

«Не боиться козаченько ни грому, ни тучи,
Хорошенько въ кобзу грае, до дивчыны йдучы» [1]).

Пѣніемъ и игрой на кобзѣ онъ выражалъ буйный разгулъ молодости:

«Ой далеко чуты козака Ворла, що иде съ кобзыною,
На кобзоньци грае, ще краще спивае,
Та жъ бо его ненька, та его старенька
Изъ жалю омливае» [2]).

О бандурѣ мы рѣдко встрѣчаемъ упоминанія въ бытовыхъ малорусскихъ пѣсняхъ. Какъ инструментъ болѣе сложный, онъ требовалъ, повидимому, болѣе опытныхъ и искусныхъ рукъ, хотя и бандура употреблялась не для однихъ пѣсенъ общественнаго содержанія [3]). Въ виршахъ и думахъ есть упоминанія о бандурѣ. Сюда относится извѣстная уже намъ вирша, подписываемая подъ изображеніемъ запорожца, играющаго на бандурѣ, и дума о смерти козака-бандуриста, который называлъ свою бандуру *подорожною*. Есть указанія въ думахъ, что въ самыя трудныя минуты жизни козакъ не разлучался съ своею бандурою. Такъ, въ думѣ о Семенѣ Палiѣ говорится, что и въ Си-

---

отъ нея названіе (Домра и сродные ей музыкальные инструменты рус. народа, 111—123). Но если названіе этого инструмента находится въ очевидной этимологической связи съ инструментомъ балканскихъ славянъ *pandura*, а этотъ послѣдній, по мнѣнію г. Фаминцына, могъ быть заимствованъ славянами чрезъ посредство Византіи изъ арабско-персидскаго Востока, то не могла ли этимъ путемъ появиться бандура и въ южной Руси гораздо ранѣе XVI вѣка,—тѣмъ болѣе, что самъ г. Фаминцынъ для подкрѣпленія своего мнѣнія о роли Византіи въ передачѣ этого инструмента славянамъ ссылается на одну изъ фресокъ Кіево-Софійскаго собора, изображающую музыканта съ пятиструннымъ инструментомъ, похожимъ на бандуру? (Ibidem, 41).

[1]) Головац. Народныя пѣсни галиц. и угорс. Руси. I, 252.

[2]) Ibidem, 272. Чубинс., Труды экспедиціи, V, 110. Пароцкій, польскій писатель конца XVI в., говоритъ: „Козаки съ большой радостью показывали невообразимыя штуки, стрѣляли, пѣли и на кобзахъ играли“. (Encyklop. powszechna Orgelbranda, 1860 г., т. XIV, 254).

[3]) Козаковъ, которые играли на бандурѣ, танцовали и пѣли, называли бандуристами. При Станиславѣ Августѣ вошло въ моду не только на Украинѣ и на

Digitized by Google

бири искалъ онъ въ пѣніи и въ игрѣ на бандурѣ душевнаго успокоенія:

«Прыйшовъ панъ Палий додому та й сивъ у намити,
На бандурци выгравае: «Лыхо жыты въ свити!
Той, душу заклавшы, свыту, бачъ, гаптуе,
А той по Сибиру мовъ у лузи дубуе!» [1]).

Всѣ эти данныя не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что не одни „старци“ играли въ старину на кобзѣ и на бандурѣ, хотя отсюда вовсе не слѣдуетъ, что они не принимали участія въ созданіи народныхъ малорусскихъ думъ. Говоримъ это въ виду мнѣнія, давно высказаннаго, что „воинскія думы сложены самими дѣйствующими лицами кровавыхъ трагедій старины, а не безоружными слѣпцами“ [2]). Дѣйствительно, по мѣрѣ успѣховъ козацкаго оружія въ борьбѣ съ поляками въ эпоху Богдана Хмельницкаго, думы становятся ближе къ текущей дѣйствительности, которая отражается въ нихъ со всѣми подробностями бытовой и воинской обстановки. Въ то же время онѣ стоятъ вполнѣ независимо отъ вліянія лирическихъ пѣсенъ соотвѣтствующаго содержанія, чего нельзя сказать о думахъ болѣе ранней эпохи. По всему видно, что творцы думъ сами были непосредственными свидѣтелями событій. Мы думаемъ, однако же, что типическія особенности думъ не могли выработаться и установиться на полѣ битвы, вдали отъ культурныхъ вліяній школы, поэтому иниціатива въ созданіи думъ всегда принадлежала „старцямъ“, изъ среды которыхъ съ теченіемъ времени выдѣлился особый типъ войсковыхъ кобзарей или бандуристовъ. Ютились эти бандуристы въ козацкихъ отрядахъ и знали о происшествіяхъ своего времени не по наслышкѣ. Это

Волыни, но и въ самой Варшавѣ, держать исправныхъ и разряженныхъ козаковъ-бандуристовъ для утѣхи гостей посредствомъ пѣнія и танцевъ. Впрочемъ, однообразіе того и другаго не всѣмъ приходилось по вкусу. (Encyklop. powszechna Orgelbranda, 1860 г., т. II, 799).

[1]) Максимовичъ, Украинс. народн. пѣсни, 1849 г.

[2]) Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 193. Это давнее мнѣніе недавно было высказано и г. Фаминцынымъ, который, впрочемъ, не приводитъ въ пользу его

Digitized by Google

были постарѣвшіе воины-козаки, которые по старости и другимъ причинамъ не владѣли оружіемъ и входили въ составъ полковой „музыки“. Они развлекали своимъ искусствомъ козаковъ въ промежутки боевыхъ часовъ, а по окончаніи похода разносили славу о герояхъ по всей Украинѣ. При всеобщей заинтересованности ходомъ событій, непосредственнымъ участникомъ которыхъ былъ самъ народъ, думы, распѣваемыя бандуристами на ярмаркахъ и въ другихъ людныхъ мѣстахъ, доставляли ему не только поэтическое наслажденіе, но и удовлетворяли потребностямъ политическаго знанія. Такъ же популярны были думы и въ средѣ козацкой старшины, въ составъ которой входило много людей *письмéнныхъ*, требовавшихъ отъ народной поэзіи книжной приправы. Въ одной думѣ мы встрѣчаемъ прямое указаніе на то, что онѣ распѣвались предъ слушателями изъ этого круга людей, которые называются „народными головами“ [1]). Здѣсь уже мы видимъ молодыхъ бандуристовъ, которые изучали думы для развлеченія „народныхъ головъ“. По свидѣтельству историка Новой Сѣчи, „почти всякій старшина имѣлъ у себя хлопца-торбаниста“ [2]). Мода на бандуристовъ въ XVIII в. отъ козацкой старшины перешла ко двору, а отсюда къ русскимъ вельможамъ [3]). Любопытны по-

никакихъ новыхъ соображеній и доказательствъ. (Домра и сродные ей музыкальные, инструм. рус. народа, 145—157).

[1]) Метлинс., Южнорус. народ. пѣсни, 441.

[2]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, 1846 г., 331.

[3]) Въ дневникѣ Н. Хансько подъ 1732 годомъ упоминается бандуристъ, бывшій при Петрѣ II (не названъ по имени). (См. Кіевская Старина, 1884 г., Сентябрь, Приложенія, 81). Подъ тѣмъ же годомъ упоминается какой-то другой дворцовый бандуристъ, Ермолай Самкевичъ. (Ibidem, Августъ, Приложенія, 71). При дворѣ Елисаветы Петровны состояли бандуристами слѣпецъ Григорій Михайловичъ Любистокъ. Въ 1742 году онъ женился, въ 1743 году пожалованъ дворянствомъ, а потомъ произведенъ въ полковники. (См. Дневныя Записки Я. Марковича, 1859 г., ч. II, 182, 191). Оффиціальный титулъ этого бандуриста былъ такой: „Двора Ея Императорскаго Величества спѣвальной музыки тенористъ и россійскій дворянинъ Г. М. Л.“. Вообще въ дневникахъ XVIII вѣка довольно часто встрѣчаются лаконическія свѣдѣнія о бандуристахъ, которые за трудъ свой получали доброхотныя даянія. Даже въ началѣ XIX в. не прекратился среди малорусскаго дворянства обычай держать въ составѣ домашней прислуги козачковъ, которые съ инструментомъ въ рукахъ отлично танцовали, акомпанируя сами себѣ.

Digitized by Google

хожденія одного изъ этихъ рапсодовъ, который состоялъ сперва бандуристомъ при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ Леонтьевѣ, а по смерти его отправился въ Сѣчь, гдѣ и „находился чрезъ 6 годъ, упражняясь при охотныхъ козакахъ бандурною игрою“, и „получалъ одежду и деньги за играніе имъ на бандурѣ“. Изъ Сѣчи онъ перешелъ къ гайдамакамъ,—какъ зрячій, сторожилъ гайдамацкое добро и получалъ отъ нихъ свою долю добычи. Подлинная фамилія его была Рыхлѣевскій, по уличному Бандурка [1]). Коденскій судъ надъ гайдамаками смотрѣлъ на этихъ бандуристовъ, какъ на подстрекателей народнаго возстанія: трехъ изъ нихъ онъ приговорилъ къ смертной казни [2]).

Такимъ образомъ, въ XVIII вѣкѣ мы видимъ бандуристовъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ: являются они то въ народѣ, то въ домахъ малорусской и великорусской знати. Изъ одного и того же инструмента они должны были извлекать разные звуки во вкусѣ своихъ слушателей, а это не могло, во всякомъ случаѣ, благопріятствовать самобытности поэтическаго вдохновенія. Да и вкусы эти въ козацкой старшинѣ были уже не тѣ, что прежде. Довольно поспѣшно превращалась она въ малороссійское шляхетство, которое гордилось славою предковъ только лишь въ расчетахъ на сословныя привиллегіи. Снова водворялись въ странѣ крѣпостные порядки, отъ которыхъ отбилась она въ эпоху Богдана Хмельницкаго, поэтому гармонія интересовъ крестьянскихъ и козацкихъ, которою проникнуты думы, давно уже исчезла. Послѣ Палія почти не было уже всенародныхъ героевъ, о которыхъ можно было бы сказать съ положительнымъ убѣжденіемъ, какъ это обыкновенно говорилось въ думахъ, что

«Слава ихъ не вмре, не поляже,
Буде вона славна помижъ козакамы,
Помижъ друззямы,

(См. объ этомъ Записки доктора де-ля-Фліза, Русская Старина, 1892 г., Февраль, 345).

[1]) Кіевская Старина, 1886 г., Октябрь, 379—388.

[2]) Ibidem, 1882 г., Апрѣль, 164—165.

Digitized by Google

Помижъ рыцарями,
Помижъ добрыми молодцями» [1]).

Одни козаки превращались въ пановъ, другіе въ подданныхъ, друзья расходились въ разныя стороны, не стало рыцарей, не стало добрыхъ молодцевъ. Какъ же могло устоять противъ теченія поэтическое творчество думъ, которое изображало всѣхъ этихъ людей на высотѣ героическаго увлеченія всенароднымъ благомъ?

Таковъ былъ общій строй жизни въ Гетманщинѣ. На правой сторонѣ Днѣпра было еще хуже. Здѣсь по старой памяти къ сословнымъ угнетеніямъ присоединялись религіозныя. Не могло уже Запорожье серьезно помочь гайдамакамъ, какъ оно помогло когда-то Хмельницкому. Славное нѣкогда сѣчевое братство само доживало послѣдніе годы свои и уже давно не распоряжалось самостоятельно своими военными предпріятіями. Въ 1775 году оно пало, а вмѣстѣ съ нимъ разлетѣлась въ прахъ послѣдняя опора козачества. Отъ старой Сѣчи остались только скорбныя пѣсни о разореніи ея, а не думы о рыцаряхъ войска запорожскаго. А между тѣмъ, въ польской Украинѣ было совсѣмъ не до думъ. Тамъ происходила нѣкоторымъ образомъ агонія польскаго государства, которое въ послѣднія минуты своего существованія представляло патологическую картину позднаго гороизма, смѣшаннаго съ старою болѣзнію нетерпимости и ожесточенія противъ народа, котораго въ свое время оно не умѣло понять и оцѣнить. Съ народомъ этимъ сводились старые счеты, вызвавшіе уманскую бойню, за которою въ видѣ возмездія послѣдовала еще болѣе ужасная, продолжительная и хладнокровно обдуманная коденская бойня. Не угасло и въ это тяжелое время поэтическое творчество народа, но оно выразилось не въ думахъ, а въ пѣсняхъ. Быстрый натискъ кровавыхъ событій, повидимому, поставилъ пѣвцевъ въ необходимость воспользоваться болѣе подвижной формой поэзіи, чѣмъ думы. Да и въ сознаніи самихъ гайдамаковъ помутились уже старые

[1]) Лукашевичъ, Малорус. и червонорус. думы и пѣсни, 47.

Digitized by Google

идеалы козачества, поэтому и дѣянія ихъ не могли быть воспроизведены въ думахъ съ обычнымъ окончаніемъ ихъ—прославленіемъ героевъ. Вдали передъ собою народъ не видѣлъ свѣтлаго будущаго, а отъ ужасовъ настоящаго онъ уходилъ вмѣстѣ съ своими бандуристами въ гетманщину, гдѣ думы и нашли послѣднее свое успокоеніе. Здѣсь, въ средѣ сельскаго люда, особенно въ средѣ незакрѣпощенныхъ еще козаковъ, сидѣвшихъ на своемъ грунтѣ, а также въ средѣ мелкаго хуторскаго панства, не утратившаго симпатій къ народу, сохранились еще привычки мысли и чувства къ поэтическимъ преданіямъ козацкой старины, воснѣтой въ думахъ. Привычки эти въ теченіе XVIII вѣка поддерживались старинными учрежденіями въ родѣ сельскихъ школъ и шпиталей съ ихъ обычной обстановкой, съ мандрованными дьяками и странствующими школярами. Подъ сѣнію этой старины и пріютились пѣвцы народныхъ думъ. Но это было уже новое поколѣніе пѣвцевъ, которые называли себя не бандуристами, а кобзарями. Такъ, вѣроятно, назывались и старинные бандуристы въ средѣ посполства, ибо кобза въ старину была инструментомъ болѣе простонароднымъ, чѣмъ бандура. Съ паденіемъ козачества на трехструнную кобзу было перенесено представленіе о многострунной бандурѣ,—кобза же въ смыслѣ трехструннаго инструмента совсѣмъ вышла изъ употребленія. Въ связи съ этимъ смѣшеніемъ инструментовъ находится и смѣшеніе понятій о самой думѣ. Названіе этого рода поэзіи думой кой-гдѣ уцѣлѣло почти до нашихъ дней [1]), но большею частью сами кобзари называютъ думы или *псальмами* [2]), или же *пѣснями про старовину* [3]). По всей вѣроятности, въ то давнее время, когда писалъ свои Анналы Сарницкій, слово *дума*, сохраняя свое старинное значеніе, въ какомъ оно и донынѣ употребляется въ Галиціи, начало уже служить для названія пѣсенъ особаго рода, именно пѣсенъ вольнаго размѣра, исполняемыхъ подъ

[1]) Кіевская Старина, 1882 г. Декабрь, 28.

[2]) Историчес. пѣсни малорус. народа, Антоновича и Драгоманова, I, Предисловіе, XV.

[3]) Записки юго-запад. отдѣла географичес. общества, II, 113.

Digitized by Google

звуки бандуры или кобзы. Нельзя, конечно, допускать для тѣхъ отдаленныхъ временъ строгой классификаціи родовъ и видовъ въ области народной поэзіи: дума, называясь думой, въ то же время была и пѣсней, поэтому и тогда было уже возможно смѣшеніе этихъ понятій. Но мало по малу, по мѣрѣ того, какъ дума, не подновляемая повымъ приливомъ поэтическаго творчества, начала опускаться изъ козацкой среды въ простонародную, самое слово *дума* начало выходить изъ употребленія между пѣвцами думъ. Въ Галиціи оно сохранилось въ своемъ древнемъ южнорусскомъ значеніи, потому что *галицкая дума* не претерпѣвала тѣхъ измѣненій, какимъ подвергалась *украинская дума* въ теченіе измѣнчивыхъ судебъ козацкой жизни. Зато въ Галиціи нѣтъ и думъ въ украинскомъ смыслѣ этого слова, ибо дума есть произведеніе по преимуществу козацкое, а козачество въ Галиціи никогда не процвѣтало.

Настало новое время. Надъ народомъ тяготѣютъ новые интересы жизни. Подъ давленіемъ этихъ интересовъ онъ ни на минуту не можетъ оторваться отъ угнетающихъ его заботъ о завтрешнемъ днѣ. Собственное прошлое его кажется ему сказкой. Онъ не понимаетъ его, онъ равнодушенъ къ нему. Поэзія думъ не трогаетъ его сердца. „Теперъ молодй все позабувалы, жалуются кобзари, старыхъ писень не слухають: ему спивай про старовыну, а винъ и не знае, що воно таке е“ [1]). Мало того. Архаическая фразеологія думъ послужила матеріаломъ для одной юмористической пѣсни, которая есть ничто иное, какъ пародія на думы. Вотъ эта пѣсня:

«На сынёму мори,
Пидъ прыпичкомъ доли,
Да тамъ куца собака обметыцю ила:
Де не взялася съ помыйныци супротывна хвыля,
Тому куцому собаци хвистъ одкрутыла,
А я сыльне злякався,
На темни луга̀,

[1]) Кіевская Старина, 1882 г. Декабрь, 5.

Digitized by Google

На густи лисà,
На дыки степà,
На ничъ у куточокъ сховався,
Черезъ коминъ поглядаю,
Тамъ вареныкы-невильныкы въ сметани потопаютъ,
А я на ныхъ велыке мылосердие маю,
Въ бездонный глечыкъ скыдаю» [2]).

Такъ изъ вѣка въ вѣкъ однѣ формы жизни смѣняются другими, а за ними слѣдуютъ и формы поэзіи. Но, если народъ, создающій тѣ и другія, способенъ къ самоанализу, хотя бы въ видѣ безпощадной ироніи надъ своими собственными произведеніями, то мы не можемъ отказаться отъ убѣжденія, что онъ подлежитъ не столько стихійному насилію слѣпой эволюціи, сколько разумному и жизнеупорному закону человѣческаго прогресса.

---

[2]) Чулбинс. Труды экспедиціи, V, 1170.

Digitized by Google

VI.

Старинная запись народныхъ малорусскихъ думъ съ обзоромъ варіантовъ къ нимъ.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ мы познакомились въ первый разъ съ старинною записью народныхъ малорусскихъ думъ, принадлежавшей покойному А. А. Котляревскому. Тогда же явилось у насъ желаніе заняться изученіемъ думъ, но, подготовляя матеріалъ для этого изученія, мы упустили изъ виду самую рукопись, и только благодаря любезности Н. А. Котляревскаго, предоставившаго ее въ распоряженіе редакціи „Кіевской Старины", рѣшились мы привести наши мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ въ систематическій порядокъ.

Отрывки изъ девяти думъ, заключающихся въ рукописи, напечатаны были Н. И. Костомаровымъ въ извѣстномъ трудѣ его, помѣщенномъ въ „Русской Мысли" за 1880 и 1883 гг. подъ заглавіемъ „Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества". Въ видѣ дополненія къ нашему труду издаемъ полный текстъ всѣхъ тринадцати думъ, находящихся въ рукописи, освободивъ его отъ своеобразной транскрипціи, которую сообщилъ ему Н. И. Костомаровъ, и сохранивъ всѣ орфографическія особенности подлинника.

Рукопись, въ самомъ дѣлѣ, заслуживаетъ такого изданія, потому что она представляетъ едва-ли не самую давнюю запись малорусскихъ думъ прямо изъ устъ народныхъ. На заглавномъ листѣ ея стоятъ слѣдующія любопытныя строки, написанныя, судя по почерку, рукою самого составителя рукописи: „Повѣсти

Digitized by Google

малороссійскія числомъ 16 [1]). Списаны изъ устъ слѣпца Ивана, лучшаго рапсодія, котораго засталъ я въ Малороссіи въ началѣ XIX вѣка". Кто былъ этотъ списатель, не видно изъ рукописи, но слова его находятся въ полномъ согласіи съ водяными знаками бумаги, на которой написана вся рукопись: на синихъ листахъ ея, на которыхъ помѣщены самыя „Повѣсти малороссійскія", водяные знаки относятся къ 1808 году, а на бѣломъ заглавномъ листѣ, который пришитъ къ рукописи, повидимому, послѣ того, какъ она была написана, водяные знаки указываютъ на 1827 годъ. Принимая во вниманіе эти данныя, можно полагать, что рукопись современна первому (цертелевскому) изданію малорусскихъ думъ (1819 г.), а можетъ быть, и древнѣе его.

Всѣхъ листовъ въ рукописи включительно съ заглавнымъ, составляющимъ обвертку ея, восемь съ половиною, полулистовъ семнадцать. Пагинаціи листовъ нѣтъ, но каждая пьеса отмѣчена числомъ. Думы и пѣсни расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Три брата въ плѣну въ Азовѣ, 2) Козакъ Иванъ Коновченко изъ города Черкассъ, 3) Пирятинскій поповичъ Алексѣй, 4) Федоръ Безродной, 5) Три брата Самарскіе, 6) Атаманъ Матяшъ старый, 7) Козакъ прощается съ сестрами, 8) Братъ да сестра, 9) Кишка Самыйло, 10) Иванецъ богославецъ гет: Запорож:, 11) Вдова въ городѣ Чечельницѣ (въ Польшѣ), 12) Дворянская жена, 13) Чечотка, 14) Попадья, 15) Разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ, 16) Вдова Сирка Ивана. Послѣ этой послѣдней думы стоитъ непонятное для насъ слово: *Сабардакъ*. Отъ предшествующаго текста оно отдѣлено чертой и само подчеркнуто. Едва-ли, впрочемъ, это есть заглавіе новой, не записанной пьесы, потому что передъ нимъ нѣтъ обычной нумераціи.

За исключеніемъ перваго полулиста, всѣ остальныя пьесы писаны въ сплошную строку, безъ раздѣленія на стихи. Нерѣдко встрѣчаются сокращенія обычныхъ, часто повторяющихся фразъ и собственныхъ именъ. Вообще же письмо четкое и до-

[1]) Есть въ рукописи, кромѣ думъ, три извѣстныя пѣсни—тоже изъ кобзарскаго репертуара: „Дворянская жена", „Чечотка" и „Попадья".

Digitized by Google

вольно разборчивое. Только буквы *е* и *я* въ окончаніяхъ словъ пишутся однообразно и сбивчиво. Что касается до правописанія рукописи, то въ этомъ отношеніи она представляетъ немало любопытныхъ данныхъ, для объясненія которыхъ мы должны сдѣлать нѣкоторыя историческія справки.

Извѣстно, что во второй половинѣ прошлаго вѣка литературная русская рѣчь, регулированная Ломоносовымъ, начала проникать въ кіевскую академію, которая въ то время была еще всесословнымъ учебнымъ заведеніемъ и, вмѣстѣ съ коллегіумомъ харьковскимъ и семинаріями переяславской и черниговской, служила разсадникомъ просвѣщенія для всего юга Россіи. Этому много содѣйствовали митрополиты кіевскіе, заканчивавшіе свое образованіе на сѣверѣ или же являвшіеся оттуда на митрополію. Таковъ былъ Гавріилъ Кременецкій (1770—1783), при которомъ началась реформа въ положеніи малорусскаго духовенства, и особенно Самуилъ Мислављскій (1783—1796), при которомъ послѣдовало приведеніе кіевской епархіи въ штатное положеніе. Оба они всѣми мѣрами старались поставить кіевскую академію въ такое положеніе, чтобы она могла удовлетворять общимъ требованіямъ просвѣщенія, обязательнымъ во всемъ государствѣ, поэтому они стремились уравнять ее съ великорусскими учебными заведеніями и со стороны языка. Какъ смотрѣлъ Кременецкій на старинную малорусскую рѣчь, видно изъ доклада его св. Синоду, что „въ каѳедральной библіотекѣ кіевской оказался между прочими лѣтописцами одинъ лѣтописный въ семидесяти четырехъ листахъ хроникон, существомъ матеріи до россійской исторіи касающійся, но къ изданію въ печать, развѣ за переводомъ на чистой россійской слогъ изъ нарѣчія, которое больше походитъ на простонародное старинное здѣшнее съ польскимъ и славенскимъ смѣшанное, годнымъ быть могъ“ [1]). Синодъ приказалъ кіевскому митрополиту послать эту хронику къ архіепископу Платону. Самуилъ Мислављскій былъ членомъ россійской академіи, которая, какъ извѣстно, учреждена была для разработки русскаго языка. Новиковъ

[1]) О лѣтописяхъ, изданныхъ отъ св. Синода, Д. Полѣнова. 7.

Digitized by Google

считалъ его писателемъ „изобильнымъ въ знаніи россійскаго слова“ [1]). Неудивительно поэтому, что Самуилъ обращалъ особенное вниманіе на преподаваніе въ кіевской академіи русскаго языка. Онъ требовалъ отъ воспитанниковъ ея, чтобы они учили оды Ломоносова наизусть, при чемъ сами они должны были упражняться въ сочиненіи стиховъ, наблюдая „остроту въ эпиграммахъ, нѣжность въ мадригалахъ, простоту въ басняхъ, удовольствіе въ пѣсняхъ, страданіе въ элегіи, искренность въ сатирѣ, восторгъ въ одѣ, ужасъ и жалость въ трагедіи, смѣхъ и обманы въ комедіи“ [2]). Въ 1784 году онъ приказалъ студенту богословія Дмитрію Сигаревичу, уроженцу московской губерніи, „быть учителемъ россійской поэзіи и элоквенціи по правиламъ поэзіи, напечатаннымъ въ Москвѣ, ораторіи-же—по правиламъ господина Ломоносова“ [3]). „Вмѣстѣ съ тѣмъ, говоритъ историкъ кіевской академіи Аскоченскій, на счетъ академіи отправлены были три студента (Никита Соколовскій, Павелъ Логиновскій и Данилъ Домонтовичъ) въ московскій университетъ съ крѣпкимъ наказомъ, чтобы они какъ можно старались изучить великорусскій говоръ и произношеніе. По окончаніи курса наукъ они обязаны были возвратиться въ Кіевъ для занятія учительскихъ должностей. Наличные учителя также въ свою очередь получили отъ митрополита предписаніе наблюдать, сколько возможно, чтобъ въ ихъ урокахъ не страдалъ русскій языкъ. Іеродіакону Анатолію, назначенному преподавателемъ исторіи и географіи, строго указано было изъяснять оныя на россійскомъ языкѣ съ наблюденіемъ выговора, какой наблюдается въ Великороссіи. Такой же приказъ получилъ учитель французскаго языка Лапкевичъ. Самыя дѣти не оставлены были безъ вниманія ревнительнымъ архипастыремъ. Онъ учредилъ особаго репетитора въ сиротскомъ домѣ (бурсѣ) для обученія живущихъ тамъ мальчиковъ россійской грамотѣ, подтвердивъ и ему, какъ можно болѣе, стараться о правильномъ выговорѣ. Настойчивость Са-

[1]) Исторія россійской академіи, Сухомлинова, 186.

[2]) Ibidem, 189.

[3]) Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академію, Аскоченскаго, т. II, 342.

Digitized by Google

мула была такъ велика, что нѣкоторые наставники откровенно отнеслись къ нему съ представленіемъ о своей неспособности исполнять его волю, извиняясь тѣмъ, что они никакъ не въ состояніи перемѣнить своего малороссійскаго выговора“ [1]).

Въ такомъ же духѣ и направленіи составлялись грамматическіе учебники и руководства для малороссіянъ.

Мы имѣемъ подъ руками любопытную въ этомъ отношеніи книгу подъ заглавіемъ: „Правила о произношеніи россійскихъ буквъ и о исправномъ тѣхъ же въ новѣйшемъ гражданскомъ письмѣ употребленіи или о правописаніи, собранныя изъ россійскихъ грамматикъ въ 1772 г.“. Составитель этихъ правилъ заботливо отмѣчаетъ погрѣшности правописанія, происходящія отъ малороссійскаго выговора, напримѣръ, отъ произношенія во всѣхъ словахъ, безъ разбору, *и* какъ *ы* (стр 11), отъ смѣшенія твердаго и мягкаго *л* (*похвалный*, *мольба*) (стр. 13), отъ произношенія *ѣ* какъ *и*—„что весьма слуху противно“ (стр. 12). Отмѣчены также особенности великорусскаго выговора, напримѣръ, превращеніе въ концѣ словъ звучныхъ согласныхъ въ отзвучные (*берекъ*, *дорокъ*, вмѣсто *берегъ*, *дорогъ*) (стр. 11),—въ родит. падежѣ именъ прилагат. мужес. и сред. р. *во* вмѣсто *го* (ibid.), произношеніе *о* безъ ударенія, какъ *а* (стр. 9). Къ послѣдней особенности авторъ относится снисходительно. „Иногда, говоритъ онъ, пишутъ въ именит. падежѣ именъ прилагат. вмѣсто *ы* или *і* буквы *о* или *е*. Это происходитъ отъ единаго подражанія простому выговору, почему московской нѣжной выговоръ необходимо произноситъ *о* какъ *а*“ (стр. 42).

Другой подобнаго рода учебникъ правописанія изданъ былъ въ Харьковѣ въ 1782 году подъ заглавіемъ: „Краткія правила россійскаго правописанія, изъ разныхъ грамматикъ выбранныя и по свойству украинского діалекта для употребленія малороссіянамъ дополненныя“ [2]). Составитель его, Переверзевъ, въ отдѣлахъ о склоненіи и спряженіи ограничивается

[1]) Ibidem, 343.

[2]) Второе изданіе было въ 1787 г. Есть въ библіотекѣ Академіи наукъ. Мы пользовались этимъ послѣднимъ изданіемъ.

Digitized by Google

ссылками на соотвѣтствующіе параграфы въ грамматикѣ Ломоносова (стр. 36, 38). Онъ указываетъ нѣкоторыя малорусскія формы, отступающія отъ великорусскихъ (напр: *бере, пдемо, писавъ* вмѣсто *беретъ, пдемъ, писалъ*, будущее сложное отъ *имамъ*, „въ книгахъ не употребительное"), но главное вниманіе свое онъ сосредоточиваетъ на звукахъ. Онъ предостерегаетъ отъ смѣшенія *и* съ *ы*: „Крайнѣ (sic) осторожно малороссіянамъ надлежитъ примѣчать, какъ изъ правилъ, такъ и изъ употребленія въ произношеніи, дабы по неосторожности не написать: *купылъ мило*; *онъ въ небитность вашу меня былъ предъ всѣмы*; *противъ нашей мислы и волы*; *чѣмъ бить, тѣмъ и слить*" (стр. 15). „Различіе, говоритъ онъ, должно примѣчать между слѣдующими реченіями: *никто, нѣкто; никакой, нѣкакой; нигдѣ, нѣгдѣ; никогда, нѣкогда*, понеже малороссіяне, слѣдуя выговору, сіи реченія одно вмѣсто другаго безъ разбору иногда употребляютъ" (стр. 18). „Предлогъ *съ* малороссіяне часто употребляютъ неправильно вмѣсто *изъ*, притомъ перемѣнивъ *с* въ *з*, наприм. говорятъ, а нѣкоторые и пишутъ: *здѣлаю зъ* дерева, пришли *зъ города, выѣхали зъ лѣсу*, выволокли *зъ ямы*, вмѣсто *здѣлаю* (sic) *изъ дерева*" и т. д. (стр. 28).

Есть одна замѣтка, касающаяся синтаксиса: „Малороссіяне неправильно употребляютъ: *купилъ рабочіе волы, гонитъ дойныя овцы* и проч. вмѣсто *воловъ, овецъ*" (стр. 37). Въ заключеніе сочинитель говоритъ: „ревностный чистоты слова любитель не постыдится исправлять таковыя и симъ подобныя поползновенія въ себѣ самомъ и въ другихъ, прилагая къ правиламъ дѣйствительнаго наставника употребленіе".

Конечно, составитель нашей рукописи, записывая малорусскія думы изъ устъ лучшаго народнаго *рапсодія* своего времени, не могъ вполнѣ исправить въ себѣ самомъ *поползновенія* къ малорусской рѣчи, которую зналъ онъ, повидимому, съ дѣтства, поэтому во всей рукописи преобладаютъ звуки и формы малорусскія. Тѣмъ не менѣе есть въ ней нѣчто чуждое малорусскому нарѣчію.

Больше всего бросается въ глаза употребленіе буквы *ѣ*, посредствомъ которой изображается звукъ *е*, поэтому *ѣ* стоитъ

Digitized by Google

на мѣстѣ *е*, и обратно—*е* на мѣстѣ *ѣ*: *хмѣль* и *хмель*, *сѣдла* и *сéдла*, *слѣзами* и *слезами*, *наимѣньшій* и *наименьшому*, *тоненькъ* (покрывало) и даже *поглядаѣ* рифмуется съ глаголомъ *не мае*,—*кроме*, *выбегали* и проч.

Основные *о* и *е* большею частію замѣняются позднѣйшимъ *и* и даже *ы*, но встрѣчаются и такія начертанія, какъ *соль*, *пойди*, *на чужой* (сторонѣ), *только*, *дробными* (слезами).

Основное *и* выдерживается правильно, но попадается и *ы* вмѣсто *и*, напр. *милы* (имен. множ. отъ *милый*).

Въ словахъ отъ корня *бы* безразлично употребляются то *ы*, то *у*, впрочемъ, съ преобладаніемъ этого послѣдняго звука: *была*, *не бывала*, *прибывати* и *була*, *бувала*, *прибувати*.

Въ правописаніи согласныхъ звуковъ отмѣтимъ *л* вмѣсто *в*: *желтый*, *жилъ*, *выгонялъ*, *скаралъ*,—твердое *ц*: *отецъ*, *отца*, *сердцу*,—отзвучные согласные вмѣсто звучныхъ: *свалился*, *отцурались*, *не сбудили*, *отгадати*.

Но если всѣ эти фонетическія особенности правописанія (за исключеніемъ употребленія буквы *ѣ*) могли появляться и въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, и въ письменности малорусской первой половины XVIII вѣка, то нельзя того же сказать о словахъ и многихъ формахъ словъ, усвоенныхъ составителемъ рукописи не отъ народнаго *рапсодія*, который заинтересовалъ его своими *повѣстями*. Совсѣмъ не помалорусски звучатъ, напримѣръ, слова: *гдѣ*, *что*, *чтобы*, *какъ*, *недалече*, *понедельникъ*, *человѣка*, *пчолы*, *отвѣчаетъ*. Сюда же относятся формы именъ существительныхъ: *маткѣ*, *въ пыли*, *въ степи*, *братцы* (есть и *братця*), *братьевъ*, *небывальцовъ* (есть и *братывъ*, *небывальцывъ*), формы именъ прилагательныхъ: *великое*, *божьей* (церкви), *божьяго* (есть и *божого*), *славнаго*, даже *другова*,—мѣстоименныя формы: *мнѣ*, *тебѣ*, *себѣ* (есть и *мени*, *мини*, *тоби*, *соби*), *меня*, *тебя*, *себя* (есть и *мене*, *тебе*), *онъ* (есть и *винъ*).

Все это формы великорусскія. Часто стоятъ онѣ, какъ видно изъ предыдущихъ примѣровъ, рядомъ съ малорусскими, особенно въ рифмахъ съ глагольными окончаніями: *догоняе*=*сѣдаетъ*, *збудовавъ*=*скаралъ* и проч. Иногда онѣ оказываютъ

Digitized by Google

вліяніе одна на другую, и тогда получаются смѣшанныя комбинаціи—не то великорусскія, не то малорусскія, напр.: *не имѣтъ* (мечъ), *втикалъ*, *не малъ*, *скорейше*, *мене*, *тебе* (дат. пад.), *тебѣ* (винит. пад.).

Можно полагать, что составитель рукописи не былъ твердъ и въ русскомъ правописаніи, основанномъ на грамматикѣ Ломоносова: объ этомъ свидѣтельствуютъ такія формы, какъ *въ поле*, *на горе*, *на море* вмѣсто *въ полѣ*, *на горѣ*, *на морѣ*, а также начертаніе предлоговъ въ предложныхъ словахъ и слiяніе ихъ съ управляемыми словами, напримѣръ: *втикало*, *безъневинно*, *ввойнѣ*, *сплечь*, *вруки*, *справой* (руки) и т. п. Тѣмъ не менѣе онъ усвоилъ нѣкоторые пріемы грамматическаго письма, поддержанные привычкой къ литературной русской рѣчи въ живомъ употребленіи. Это видно, между прочимъ, изъ того, что ему чужды были нѣкоторыя грамматическія формы малорусскихъ словъ. Онъ пишетъ, напр: „Старшая сестра *выходила* (вмѣсто *выхождала*),

«Коня за поводы *хватала*»,—

или же:

«Бодай ты щастя—доли *не имѣлъ*» (вмѣсто *не мавъ*),
Что ты намъ объ меньшемъ сыну правды *не сказалъ*»,—

или же: „*по имѣнію*“ (вмѣсто *по имѣнню*), что совсѣмъ искажаетъ смыслъ рѣчи.

Такимъ образомъ нѣтъ въ нашей рукописи послѣдовательной и опредѣленной системы правописанія. Вотъ это отрицательное качество и сообщаетъ тексту ея внутренній признакъ достовѣрности. Составлена она, очевидно, безъ всякой предвзятой цѣли, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ поэтическаго матеріала, который передается въ сыромъ видѣ, безъ стилистической подкраски,—составлена при этомъ въ такое время, когда старинное малорусское правописаніе было уже забыто, а новые методы правописанія не были еще предложены, т. е. въ промежутокъ времени между 1808 и 1827 годами, отмѣченный водяными знаками бумаги, о которыхъ мы говорили выше.

Digitized by Google

Безъ всякаго сомнѣнія, свойствами рукописи въ значительной степени опредѣляется и цѣнность думъ, записанныхъ въ ней. Рукопись надежная и въ то же время давняя, слѣдовательно, мы имѣемъ въ ней твердую точку опоры для сравненія думъ въ разныхъ позднѣйшихъ записяхъ. Несовершенство правописанія не могло, конечно, не отразиться на художественномъ обликѣ нѣкоторыхъ думъ, заключающихся въ рукописи, но, вообще говоря, стоятъ онѣ на значительной высотѣ художественной техники и силы. Ко всему этому нужно прибавить, что, сверхъ десяти варіантовъ извѣстныхъ уже думъ, въ рукописи нашей сохранились три думы, которыя не были извѣстны собирателямъ народныхъ пѣсенъ: 1) Атаманъ Матіашъ, 2) ВдоваСирка Ивана, 3) Разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ. Помѣщаемъ сперва думы семейнаго содержанія, всѣ же остальныя мы расположимъ по сходству или однородности мотивовъ, которые въ нихъ развиваются.

1.

Вдова въ городѣ Чечельницѣ (въ Польшѣ) [1]).

Содержаніе этой думы въ болѣе архаическомъ видѣ мы встрѣчаемъ въ галицкихъ народныхъ пѣсняхъ, гдѣ говорится о томъ, что безбожный сынъ прогналъ свою мать изъ дому: „будутъ, говоритъ онъ, у мене кумы—побратымы, а ты, маты, въ латаний свытыни“. Вышла бѣдная мать за ворота, некуда дѣваться ей. Встрѣтилась она съ замужней своей дочерью и проситъ ее, чтобы она приняла её къ себѣ въ домъ, но и здѣсь получаетъ отказъ: „лыхого я мужа маю, говоритъ дочь, викномъ зъ хаты утикаю“. Не успѣла матъ разговориться съ своей дочерью, какъ бѣжитъ за нею сынъ и проситъ ее вернуться домой,—случилось съ нимъ несчастіе, убило „жинку мыленькую и дытынку малепькую“. Это тебя наказываетъ самъ Богъ,

[1]) Четыре варіанта этой думы помѣщены въ сборникѣ Метлинскаго (Народ. южно-рус. пѣсни, 345—355), пятый записанъ Костомаровымъ (Труды экспедиціи, Чубинс., V, 847—849), шестой Кулишемъ (Запис. о Юж. Руси т. I, 19—24), седьмой—Русовымъ (Записки юго-зап. отдѣла кіевс. географ. общества, I, 11—14), восьмой—Горленкомъ (Кіевс. Старина, 1882 г., Декабрь, 497—499), девятый—печатаемый по рукописи А. А. Котляревскаго.

Digitized by Google

отвѣчаетъ ему мать, за мои кровавыя слезы [1]). Въ думѣ объ изгнаніи матери уже не одинъ сынъ, а три. Послѣ изгнанія живетъ она у „блызького сусиды“. Преступныхъ дѣтей ея караетъ не только Богъ, но и общественное мнѣніе. Во всѣхъ варіантахъ этой думы причина изгнанія матери есть семейный разладъ, или ожидаемый, какъ у Кулиша, или же состоявшійся вслѣдствіе женитьбы ея сыновей, какъ въ остальныхъ варіантахъ. Основная мысль думы заключается въ нравоученіи, которымъ она во всѣхъ варіантахъ заканчивается: „щаслывый то чоловикъ въ свити бувае, который отця и матирь почытае“.

Для выраженія этой мысли, которая въ варіантѣ Котляревскаго высказана сжато, въ другихъ варіантахъ болѣе подробно, совершенно достаточно основныхъ фактовъ, т. е. разсказа объ изгнаніи матери и о несчастіяхъ сыновей ея, которые раскаялись, да поздно. Но въ нѣкоторыхъ варіантахъ рѣчь идетъ еще о томъ, что она сдается на просьбу дѣтей своихъ возвратиться домой, и тогда „ставъ имъ Господь помагаты“. По нашему мнѣнію, это позднѣйшая прибавка, отъ которой основная мысль ничего не выигрываетъ, поэтому думы съ этой прибавкой мы считаемъ болѣе поздними. Есть она въ четвертомъ варіантѣ, помѣщенномъ у Метлинскаго (352—354), а также въ варіантахъ Кулиша и Котляревскаго. Что касается до указанія въ этомъ послѣднемъ варіантѣ на происхожденіе вдовы изъ города Чечельницы, [2]) то оно имѣетъ такое же фиктивное значеніе, какъ и въ варіантѣ Кулиша упоминаніе о томъ, что вдова жила „въ славнимъ городи у Крылови“.

---

1) Въ недѣлю рано пораненько
Не у бору сосна зашумѣла,
Не съ буйнымъ вѣтромъ говорила,
То вдова, старенькая жена, на подворье выходила,
5) Трехъ сыновъ маленькихъ на рукахъ выносила,

---

[1]) Головацкаго, Народ. пѣсни, т. II, 577, т. III, 158,—196—198.

[2]) Чечельницы—нынѣ Чечельникъ, мѣстечко ольгопольскаго уѣзда подольс. губерніи.

Digitized by Google

Господа милосердного на помощъ просила:
«Господи милостивый, пречистая мати!
Поможи мини спхъ дѣтей погодовати!»
То вдова, старенькая жена, 20 лѣтъ пробувала,
Сыновъ своихъ годовала,
Сыновъ поженила.
Якъ стали сыны господарство соби собирати,
Стали они матку стареньку изъ хаты выгонати:
«Пиди ты, мати,
Съ нашей хаты:
Нехай мы не будемъ черезъ тебе женъ своихъ молодыхъ страхати,
А дѣтокъ маленькихъ лякати».
То въ недѣлю рано-пораненько
Идетъ вдова изъ сынового двора, спотыкае,
За слѣзами свѣта Божьего не видае,
На улицу выходила,
Близкую сусѣду, молодую челядину, тамъ забачала,
Словами промовляла,
Дробными слезами обливала:
«Молодая челядино, близкая сусѣдо!
Прійми ты мене до свого дому пробувати,
Буду я тебѣ при старости лѣтахъ дѣтокъ маленькихъ доглядати,
Аби мене (sic) дала въ своемъ куту до смерти доживати».
Вдова, старенькая жена, 19 лѣтъ въ чужомъ домѣ пробувала,
Ни которой соби кривды не мала,
Своихъ сыновъ проклинала.
Якъ стала вдова своихъ сыновъ лаяти и проклинати,
Не стали они щастья и доли соби мати.
Старшій сынъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Якій я бувъ соби домъ коштовный збудовавъ,
Та мене Господь громомъ и тучею скаралъ,
Що я свою матку стареньку изъ хаты выгонялъ».
Середуншій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Радъ бы я свою матку стареньку до себе взяти,
Вѣда мнѣ, що жена у меня безбожная,

Digitized by Google

Що день у насъ сварка буває».
Меньшей (sic) братъ словами промовляе,
До суспды прихожае,
Матку свою стареньку до себе ублагае:
«Иды ты, мати,
До нашей хати,
Далась намъ, мати,
Безъ тебя бѣда знати».
Вдова до своихъ сыновъ приходила,
Ни которой соби отъ нихъ кривды не мала.
Рано-пораненько на подворье выходила,
Господа милосерднаго просила:
«Господи милостивый!
Прости ты мнѣ сіи слова, що я своихъ сыновъ проклинала,
Бо я отъ нихъ великую кривду мала,
А теперь я у нихъ пробуваю,
Нѣ которой соби кривды не маю».
Якъ стала вдова, старая жена, у своихъ сыновъ пробувати,
Сталъ имъ Господь помогати,
Стали они господарство собирати,
Стали одинъ другому словами промовляти:
«Щастливый то человѣкъ въ свѣтѣ буває,
Который отца и матерь почитае,
Тому Господь Богъ помагае».

2.

Братъ да сестра [1]).

Для уясненія этой думы приводимъ нѣсколько стиховъ изъ народной пѣсни, въ которой нарушеніе добрыхъ отношеній между братомъ и сестрой считается преступленіемъ, неизбѣжно вызывающимъ кару небесную:

[1]) Намъ извѣстны шесть варіантовъ этой думы: Цертелева (Опытъ собранія народ. малорос. пѣсенъ 1819 г., 57—58); Максимовича (Украинс. народ. пѣсни 1834 г., 63—64; Сборникъ украинс. пѣсенъ 1849 г., 9—10); Метлинскаго (Народ. южнорус. пѣсни, 355—357); Кулиша (Зап. о Южн. Руси. I, 24—28); Чубинскаго (Труды экспедиціи, V, 468—470); варіантъ, помѣщенный въ „Кіевской Старинѣ" 1882 г., Августъ; варіантъ Котляревскаго.

Digitized by Google

«Тымъ на свити хлибъ не родыть,
Що братъ до сестрыци не говорыть,
Тымъ на свити теряється,
Що братъ сестры цураться,
Тымъ на свити добра нема,
Що братъ сестры за рядъ не ма» [1]).

Мы считаемъ болѣе поздними тѣ варіанты думы о братѣ и сестрѣ, въ которыхъ братъ говоритъ сестрѣ, что онъ не можетъ навѣстить ее такъ-же, какъ не можетъ „писокъ на билимъ камени схожаты, рикы о Петру замерзаты, калына о Ризди процвитаты". Это очевидная вставка изъ думы объ отъѣздѣ козака изъ родины. Есть она въ варіантахъ Кулиша и Чубинскаго. Болѣе древними мы считаемъ тѣ варіанты, которые заканчиваются жалобой сестры на измѣнчивость людскихъ привязанностей. Таковы варіанты Максимовича и Котляревскаго.

Встрѣчается эта дума въ пѣсенной переработкѣ [2]). Слѣды размѣра думы еще видны, но въ угоду пѣсеннаго размѣра вольное теченіе рѣчи ограничено. Особенно это ясно видно изъ послѣдняго четверостишія..

---

1) Въ недѣлю рано-пораненько
Не сива зозуля заковала,
Якъ сестра до брата съ чужой стороны поклонъ посылала,
Жалибненько до себе прохала:
«Братику мій рядненькій,
Якъ голубоньку сивенькій!
Прибудь ты до мене,
Отвѣдай мене
На чужой сторонѣ,
При несчасливой фортувинѣ!»
Братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Сестро моя рядненька!

[1]) Чубинскій (Труды экспедиціи, V, 929); см. также Головацкій (Народныя пѣсни, I, 232).

[2]) Чубинскій... V, 928—929.

Digitized by Google

Радъ бы я до тебе прибувати,
Да не знаю, гдѣ тебе шукати:
Не можно менѣ, сестро, за темными лугами,
За быстрыми рѣками,
За широкими степами».
Сестра тое зачувае,
До брата словами промовляе,
Дробнымп слезами облывае:
«Братику мій ридненькій!
Черезъ луги темные, высокіе, яснымъ соколенькомъ перелини,
Черезъ рѣки быстрые, глубокіе, бѣлымъ лебеденькомъ переплыви,
Черезъ степи широкіе малымъ—не великимъ перепелонькомъ перебѣжи,
На мій двиръ, брате, сивымъ голубонькомъ прилети,
Жалибненько загуди.
Тугу сердцу моему раздѣли,
Що въ нашей, брате, земли христіанской людямъ Богъ праздныкъ дае,
Люди до церкви идутъ,
Якъ бчелки гудутъ,
Изъ церкви выступаютъ,
Якъ рожа процвѣтаютъ,
Одно до одного приступаютъ,
По приятельству на хлѣбъ, на соль до себе зазывае,
Мене, брате, нещаснои мовъ нихто родомъ не знае,—
Що якъ бувъ у насъ отецъ и мати,
Тогди могли насъ всѣ люди родомъ знати,
Якъ померъ отецъ и мати,
Не сталъ насъ нихто вже знати,
Не стало ни кума, ни побратима,
Пришибла мене, брате, на чужой сторонѣ злая, нещасливая година,
Отцуралась сердечна названа родина;
Тылко у мене, брате, сердечнаго роду,
Що выйду я въ божій храмъ, на святые отци подивлюся,
Господу Богу помолюся:
Ото у мене, брате, отецъ и матуся»!

Digitized by Google

3.

Козакъ прощается съ сестрами [1]).

Есть цѣлый рядъ народныхъ пѣсенъ, изображающихъ отъѣздъ козака изъ родины. Въ разныхъ пѣсняхъ причины отъѣзда разныя: или мать-вдова сама снаряжаетъ своего сына на войну [2]),—или, скрѣпя сердце, покоряется своей участи и только умоляетъ сына на войнѣ „не забавляться“ [3]), или же, наконецъ, прогоняетъ его изъ дому [4]). Вотъ этотъ послѣдній мотивъ семейныхъ недоразумѣній подробно развитъ въ думахъ съ замѣной матери, какъ главнаго дѣйствующаго лица, отчимомъ. Повидимому, пѣвцы думъ не могли помириться съ представленіемъ бессердечности не только въ матери, но даже и въ отцѣ: такъ, по крайней мѣрѣ, высказался одинъ изъ нихъ [5]). Во всѣхъ варіантахъ этой думы выступаютъ сестры отъѣзжающаго козака—одна или двѣ, но большею частію три; младшая отличается особенною сердобольностью. Такъ-же точно и въ пѣсняхъ соотвѣтствующаго содержанія провожаютъ козака сестры. Онѣ спрашиваютъ его, когда онъ воротится назадъ, а онъ отвѣчаетъ имъ загадками, въ которыхъ звучитъ печальная нота вѣчной разлуки. Намъ кажется, что это и есть первооснова думы, осложненная позднѣйшими прибавками; поэтому мы считаемъ наиболѣе древнимъ варіантомъ думу, помѣщенную въ сборникѣ Метлинскаго, такъ-какъ нѣтъ въ ней ни матери, ни отчима, ни заключительныхъ размышленій пѣвца о тяжелой жизни вдали отъ

---

[1]) Варіантъ этой думы помѣщенъ у Цертелева (Опытъ собранія народ. малорус. песенъ, 1819 г., 57—58); отсюда перепечатанъ Максимовичемъ (Украинс. народ. пѣсни, 1834 г., 61—62; Сборн. украинс. пѣсенъ, 1849 г., 7—8). См. также варіанты: у Метлинскаго (Народ. южнор. пѣсни, 434—436), у Лукашевича (Малор. и червонор. думы и пѣсни, 59—61), въ Запискк. юго-западн. отдѣла геогр. общ., I, 14—16; въ „Кіевской Старинѣ“ за 1882 г., Декабрь, 490—491. Къ этимъ пяти варіантамъ нужно присоединить печатаемый нами шестой варіантъ по рукописи Котляревскаго.

[2]) Чубинскій, Труды... V, 882; 907—908. Максимовичъ, Украинс. народ. пѣсни, 1834 г., 157. Головацкій, Народн. пѣсни..., ч. I, 24—25; ч. III, 12.

[3]) Чубинскій, Труды... V, 864. Головацкій, Народ. пѣсни... III, 97.

[4]) Чубинскій, Труды... V, 864; 890; 948.

[5]) Записки юго-западн. отдѣла геогр. общ. I, 14.

Digitized by Google

родины. Въ замѣнъ этихъ размышленій сестра, прощаясь съ братомъ, переживаетъ мыслію своею положеніе его въ чужой сторонѣ. Остальные варіанты, не исключая варіанта Котляревскаго, представляютъ уже болѣе или менѣе подробную картину всѣхъ семейныхъ отношеній—матери къ сыну и его отчиму, отчима къ молодому козаку, и самаго козака къ роднымъ сестрамъ его.

Есть двѣ пѣсни, передѣланныя изъ этой думы [1]). Одна изъ нихъ, помѣщенная у Закревскаго, явственно образовалась изъ варіанта Максимовича. Чтобы вылержать однообразный пѣсенный размѣръ, употреблены слѣдующія средства:

1) Повторены кое-гдѣ тѣ или другія слова думы, напр.: „иды, сыну, *иды, сыну*, мижъ чужии люде".

2) Въ нѣкоторые стихи вставлены цѣлыя слова, напр.: „чи *вже, брате, тебе ждаты* видъ чыстого поля?"

3) Одинъ разъ вставленъ даже цѣлый стихъ: „*хочъ же довго его ненька вичмы провожала*".

4) Четыре стиха думы соединены въ два:

1) Що найменьшая рыдае, да такъ промовляе:
2) Изъ якои тебе, брате, сторононьку ждаты?

Въ недѣлю рано-пораненько
Не во вся звоны зазвонено,
Якъ у крайнему дому говорено:
Отецъ и мати сына своего у чужу сторону выпроважае,
Словами промовляе:
«Пойди ты, сыну, въ чужую сторононьку межъ чужіе люди,
Чи не лучше тамъ тебе буди» (sic)?
Промолвивъ сынъ словами:
«Не хотѣлось мини, мати,
Въ чужой сторонѣ пробувати,
Что будутъ мене пришельцемъ называти».
Якъ сталъ козаче изъ двора исхожати,
Стало три сестрицы рыдненькія его выпровожати.
Старшая сестра выходила,

---

[1]) „Кіев. Стар" 18 2 г., декабрь, 492. Закревскій, Старосвѣт. Бандуриста, 92—63.

Digitized by Google

Коня за поводы хватала,
Середуншая сестра выходила,
Опрощенія прохала,
Меньша сестра выходила,
Брата жалибненько пытала:
«Брате мій милый,
Якъ голубоньку сивый!
Коли жъ ты будешъ до насъ въ гости прибувати?
Видкиля тебе, брате, выглядати:
Чи изъ чистого поля,
Чи отъ чорного моря,
Чи изъ славнаго люду—Запорожья»?
Братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Сестрица моя ридненькая,
Якъ возуленько сивенькая!
Тогди я буду, сестро, до васъ въ гости прибувати,
Якъ буде на бѣломъ камени желтый песокъ исхожати,
Будетъ синимъ цвѣтомъ процвѣтати,
Крещатымъ барвинкомъ въ 4 ряды бѣлый каминь устилати,
Будетъ, сестро, объ Рожествѣ червона калина процвѣтати
Будетъ объ Новымъ годѣ, объ святомъ Василіе, ягоды изрожати,
Будутъ, сестро, о Петрѣ рѣки замерзати:
Тогди я буду, сестро, до васъ въ гости прибувати»!
Сестра тое зачувае,
До брата словами промовляе:
«Брате мій милый,
Якъ голубоньку сивый!
Яка я на свѣтѣ стала,
Що я отъ старыхъ людей сего не чувала,
Що уже желтому песку на бѣломъ камени не всхожати,
Синимъ цвѣтомъ не процвѣтати,
Крещатымъ барвинкомъ въ 4 ряды не встилати,
Объ Рожествѣ червоной калинѣ не процвѣтати,
Объ Новымъ годѣ ягодъ не зрожати:
Такъ тоби, брате, до насъ въ гости не бувати,
Знать, тебе, брате, намъ въ очи не видати...

Digitized by Google

Ты, брате, сего не гнѣвися,
Назадъ завернися,
Отцеви своему и пани-матцѣ въ ноги уклонися,
55) Будешъ ты, брате, на чужой сторонѣ пробувати,—
Будетъ тобѣ, брате, Господь помагати»...
Бо якъ трудно-нудно, тяжко та важко недолугому чоловѣк
противъ силы важкий камень сняти,
Такъ же трудно на чужой сторонѣ безъ родины сердечной
помирати.

4.

Три брата въ плѣну въ Азов[1]).

По мнѣнію Костомарова, „въ основаніе думы о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова едва-ли легло въ самомъ началѣ опредѣленное, дѣйствительное событіе: скорѣе всего это плодъ народнаго творчества изъ бытовыхъ матеріаловъ“ [2]). Но такъ какъ и въ народѣ изначальная пѣсня сочиняется обыкновенно однимъ лицемъ, то, конечно, было такое *опредѣленное* событіе, которое

---

[1]) Есть довольно значительное количество варіантовъ этой думы: Цертелева (Опытъ собранія старинныхъ малорус. пѣсенъ, 1819, 21—25), Срезневскаго (Запорожская старина, 1, 34, перепечатана въ Историч. пѣсн. малорус. народа, Антон. и Драг. I, 120—124), Максимовича (Украинс. народ. пѣсни, 1834, 9—14, — Сборн. украинс. пѣсенъ, его же, 1849, 19—34,—Историч. пѣсни малорус. народа, Антон. и Драг., I, 124—127); это сводный варіантъ изъ двухъ варіантовъ—Цертелева и Шишгоцкаго: послѣдній помѣщенъ былъ въ Укр. Альм. за 1831 годъ; варіантъ Максимовича напечатанъ былъ также въ Изв. Акад. Наукъ, т. II, Аѳанасьевымъ съ кой-какими поправками въ языкѣ, см. Памятники и образцы народ. яз. 250—251),—Кулиша (Зап. о Юж. Руси, I, 32—42, перепечатанъ въ Историч. пѣсн. малорус. народа, Антон. и Драг., I, 114—120),—Русова (Зап. юго-зап. отдѣла кіевс. географ. общ., I, 6—11, перепечатанъ тамъ-же, I, 127—133),—Судовщикова (Истор. пѣс. малорус. народа, Антон. и Драг., I, 332—336),—Нѣговскаго (Ibid. I, 106—113),—Иващенка (Запис. юго-зап. отдѣла кіевс. геогр. общ., II, 119—123),—Горленка (Кіевс. старина, 1882 года. Декабрь, 499—504),—Костомарова (Исторія козачества, отд. оттискъ) и, наконецъ, Котляревскаго.

[2]) Исторія козачества въ памятн. южно-рус. народ. пѣсеннаго творчества, отд. оттискъ, 95.

Digitized by Google

побудило пѣвца сочинить пѣсню. Впрочемъ, для насъ важно въ данномъ случаѣ не то или другое событіе, послужившее поводомъ къ созданію этой думы, а первоначальная редакція ея. Костомаровъ считаетъ древнѣйшими варіантами свой и Котляревскаго на основаніи цѣлесообразности нравоучительнаго конца думы съ совѣщаніемъ старшихъ братьевъ о томъ, что сказать отцу и матери на вопросъ ихъ о младшемъ братѣ. Но въ думѣ о смерти трехъ братьевъ самъ-же Костомаровъ признаетъ нравоучительный элементъ амплификаціей [1]). Какъ-же быть? Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, однимъ и тѣмъ-же признакомъ опредѣлять древнѣйшее и позднѣйшее время.

Чтобы разобраться въ вопросѣ о взаимномъ отношеніи различныхъ варіантовъ этой думы, необходимо имѣть въ виду, что всѣ они съ одинаковою подробностію говорятъ о гибели младшаго брата. Это и есть герой думы, неповинная жертва малодушія средняго брата и безсердечія старшаго. Въ любящемъ сердцѣ этого „пишого пишеныци“ не было и капли горечи и негодованія на братьевъ за то, что они бросили его въ степи на произволъ судьбы; напротивъ того, онъ безутѣшно рыдаетъ при мысли, что ихъ настигла турецкая погоня. Симпатичный образъ этого юноши становится еще привлекательнѣе, когда мы узнаемъ объ его одинокой смерти на „Савуръ-могилѣ“, посреди волковъ да орловъ, „гостей не милыхъ“. По нашему мнѣнію, этотъ разсказъ о младшемъ братѣ и есть древнѣйшая часть думы. Въ варіантахъ Цертелева, Срезневскаго, Максимовича, Кулиша и Иващенка конные братья гибнутъ, настигнутые турецкой погоней, въ другихъ—они остаются живы, причемъ въ варіантахъ Котляревскаго, Костомарова, Нѣговскаго и Горленка представлена сцена свиданія ихъ съ отцемъ и матерью, а въ варіантахъ Русова и Судовщикова въ замѣнъ этой сцены разсказывается о томъ, что братья по возвращеніи на родину стараются искупить свой грѣхъ милостыней и проклинаютъ турецкую неволю. Вотъ эти послѣдніе варіанты мы и считаемъ наиболѣе древними. Въ варіантѣ Русова образъ старшаго брата обрисо-

[1]) Ibidem, 80.

Digitized by Google

ванъ болѣе мягкими чертами, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ варіантахъ: старшій братъ не обнаруживаетъ еще жадности по отношенію къ наслѣдству: онъ только малодушный трусъ, и больше ничего. Отсутствіе рѣзкой жестокости въ природѣ двухъ старшихъ братьевъ находится въ полномъ согласіи съ концемъ думы, гдѣ разсказывается, что по пріѣздѣ домой старшіе братья стали

«На святи церквы накладаты».

Такой-же конецъ думы и въ варіантѣ Судовщикова, но здѣсь уже есть указаніе на то, что старшій братъ отказываетъ въ помощи младшему не безъ расчета на отцевское наслѣдство. Это переходный варіантъ, отъ котораго могли пойти всѣ остальные, изображающіе старшаго брата грубымъ эгоистомъ, а средняго безхарактернымъ человѣкомъ. Распадаются эти остальные варіанты на двѣ категоріи: въ однихъ братья, не доѣхавши домой, претерпѣваютъ кару Божію:

«Турки набигалы
И тыхъ двохъ бративъ порубалы,
Тило козацьке карбовалы,
Въ чыстимъ поли роскыдалы,
Головы на шабли здиймалы,
Довго глумовалы» [1]).

По объему это варіанты средней редакціи. Въ другихъ варіантахъ братья пріѣзжаютъ домой, старшій братъ обманываетъ отца и мать, меньшій съ сердечнымъ сокрушеніемъ разсказываетъ всю правду. Это варіанты самой полной редакціи. Если допустить, что изображеніе характеровъ двухъ братьевъ развивалось постепенно, то къ числу позднѣйшихъ нужно отнести варіанты второй категоріи. Къ нимъ принадлежитъ и варіантъ Котляревскаго, представляющій въ самомъ концѣ значительную несообразность. Онъ ничего не говоритъ о погибели двухъ старшихъ братьевъ, между тѣмъ въ заключительныхъ стихахъ читаемъ:

[1]) Варіантъ Максимовича.

Digitized by Google

«*Померли* трехъ братьевъ *голова*,
Только слава не умретъ, не поляжетъ».

Еще одна подробность. Въ одномъ изъ варіантовъ полной редакціи (Нѣговскаго) говорится о появленіи младшаго брата на родинѣ:

«А меншый сынъ, пиша пишаныця, за гостя прыныкае».

Какъ это могло случиться послѣ подробнаго разсказа въ той-же думѣ о смерти младшаго брата на Савуръ-могилѣ? Есть довольно остроумное объясненіе этого темнаго мѣста въ думѣ: „не удалось младшему брату, говоритъ М. Андріевскій, прибыть въ гости къ отцу и матери, чего онъ такъ страстно желалъ живымъ, и вотъ онъ отъ времени до времени изъ дикой степи является къ нимъ въ гости легкимъ призракомъ [1]). Можно было бы согласиться съ этимъ объясненіемъ, если-бы стихъ былъ полнѣе и выразительнѣе. Весьма можетъ быть, что этотъ стихъ сохранился изъ неизвѣстнаго намъ затерянаго варіанта, въ которомъ младшій братъ, „пиша-пишаныця", добрался до родины позже старшихъ, къ изумленію и посрамленію ихъ.

1) Изъ города Азова [1]) была великая погоня,
Втикалъ полчокъ
Малый-невеличекъ,
Въ тикало (sic) три брата ридненькихъ —
5) Власно-ясны голубенки сивеньки,
Два брата конныхъ,
Межъ ними третій пѣшій-пѣшаница
За конными братами поспѣшае,
Коней за хвосты хватае,
10) На сырое коренья ноги козацкіе побиваетъ,
Кровь христіанская слѣды заливаетъ,
До братьевъ словами промовляетъ:

[1]) Козацкая дума о трехъ Азовскихъ братьяхъ, М. А. Андріевскаго. Одесса, 1884 г., 61.

[2]) Городъ Азовъ, теперь посадъ, на лѣвой сторонѣ устья Дона, занятъ былъ Турками въ 1475 году, а такъ какъ въ думѣ рѣчь идетъ о туркахъ, то есть нѣкоторое основаніе думать, что сама дума сложена не раньше конца XV вѣка.

Digitized by Google

«Братики мои ридненьки,
Якъ голубоньки сивеньки!
Добре вы, братця, дбайте,
Станьте вы, кони козацкія попасите,
А меня, найменьшаго брата, подождите,
По-пив-чтверти мыли въ городы христіянскіе подвезите».
Старшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Чи подобно то, брате, дѣло, чтобъ я тебя, ваготу,
на кони бралъ,
Свого коня томилъ?
Будетъ изъ города Азова тяжкая великая турецкая погоня,
Мы и сами не утечемъ, и тебя, брате, не вывеземъ,
А какъ ты живъ да здоровъ будешъ,
То и самъ въ землю христіанскую дойдешъ».
Тогда наймѣньшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Браты мои милы,
Якъ голубоньки сивы!
Добре вы, братця, уробите,
Мнѣ, найменьшему брату, сплечь головку снимите,
Мое тѣло козацкое въ степи на дорози поховайте,
Звѣрю, птицѣ, на поталу не дайте».
Средній братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Брате мой милый,
Якъ голубоньку сивый!
Наша рука козацкая на тебя не здыймется.
Сердце наше козацкое на тебя не осмѣлится,
Мечь нашъ булатный твоей шеи неймѣтъ,
На дробенъ макъ ввесь падетъ».
Наймѣньшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе,
Дробными слезами обливае:
«Браты мои милыи,
Якъ голубоньки сивыи!
Будете вы до тернывъ, до байракивъ прибувати,
Добре вы, братця, дбайте,
Терновое вѣтьви истинайте,

Digitized by Google

Мнѣ, найменьшему брату, на признаку покидайте:
Нехай бы я могъ знати,
Куды въ землю христіанскую до отца и матери прибывати».
Якъ стали браты шестого дня до тернивъ, до байракивъ прибывати,
Стали терновое вѣтья истинати,
Своему меньшему брату на признаку козацкую покидати.
Якъ стали изъ тернивъ, изъ байракивъ выбѣгати,
Стали на зеленыя травы поглядати,
Ставъ середній братъ до старшаго словами промовляти:
«Добре мы, брате, дбаймо,
Спидъ своихъ жупанивъ червоную китайку выдираймо,
Своему меньшему брату признаку козацкую покидаймо,
Чтобъ нашъ могъ братъ знати,
Куды въ землю христіанскую прибувати».
Старшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Чтобъ я свое добро дорогое марне по шляхахъ роскидалъ?
Буду я до отца и до панимятки въ землю христіанскую прибувати,
Будутъ меня ближныя почитати, поважати,
Будутъ противъ мене шапки снимати,
Будутъ меня на хлѣбъ, на соль зазывати».
Середній братъ тое зачувае,
Словами промовляе...
Назади оставае,
Спидъ своего жупана червону китайку выдирае,
Своему брату найменьшему на признаку покидае.
Сталъ меньшій девятаго дня до терновъ, до байраковъ прибывати,
Сталъ терновое вѣтьвя знахожати,
Словами промовляти:
«Я жъ то думалъ, что объ менѣ браты ничого не знаютъ,
Они на меня великое милосердіе маютъ,
Терновое ветвя стинали,
Мени, наймѣньшему брату, на признаку покидали:
Нехай бы я могъ знати,
Куды въ землю христіанскую прибывати».
Ставъ изъ тернивъ, изъ байракивъ выбигати,
Сталъ червону китайку знахожати,
Сталъ словами промовляти:

Digitized by Google

«Не дурно ся червона китайка на шляхахъ муравскихъ [1]) пробуває,
Знать, моихъ братьевъ въ живыхъ на свѣтѣ немае,—
Выдно, изъ города Азова была тяжкая турецкая погоня,
Мени на спочивку минала,
Моихъ братывъ постреляла, порубала,
Козацкую добычъ до города Азова назадъ завертала...
Колибъ мени Богъ далъ тѣло козацкое снахожати,
Могъ бы я суходолъ саблею копати,
Шапкою, приполомъ землю носити,
Могъ бы ихъ тѣло козацкое въ степу при дорозѣ похоронати,
Звѣрю, птицѣ на поталу не дати».
Самъ себѣ козацѣ (sic) думае—гадае, что его безъ хлѣбья, безъ ведья (sic) знемогае,
До Сауры могилы прибуває [2]),
Тамъ на Сауру могилу снисхожае,
Тамъ козакъ лягае, спочивае,
Самъ себѣ думае да гадае...
На очи не гляне
И на ноги не встане,
Головки козацкой не взведе:
Куды вѣтеръ повине, повинется,
Куды трава поклонитъ, туды и поклонится...
Тогда стали орлы чернокрыльцы налѣтати,
Стали въ головахъ козацкихъ сидати,
На черны кудри наступати,
Сталъ козакъ словами промовляти:
«Орлы мои чорноперы и гости невеселы!
Зождить мени малую часинку:

---

[1]) Муравскій шляхъ—это дорога, которая шла по водораздѣлу днѣпровскаго и азовско-донецкаго бассейновъ. Отъ Перекопа направлялась она къ верхнему теченію р. Конки, близъ теперешняго села Конскіе Раздоры александр. уѣзда, — затѣмъ, пересѣкая р. Волчью и проходя по Злодійской балкѣ, близъ теперешняго села Гавриловки александр. уѣзда, пролегала мимо Гончаровой балки у села Славянки павлоград. уѣзда, на р. Бикѣ, къ верхнему теченію р. Самары. По этой дорогѣ обыкновенно двигались крымскія орды для разоренія Московскаго государства.

[2]) „Саура могила высокая, лежащая на прямой дорогѣ въ Азовъ, теперь тамъ на вершины (sic) растетъ три куста бузиновыхъ". Это примѣчаніе вставлено въ текстъ думы тою же рукою, какою написана вся дума. Такое же названіе и теперь носитъ эта могила, находящаяся между рр. Міусомъ и Крынкой, при истокѣ р. Камышеваха: это одна изъ возвышенностей донецкаго кряжа, достигающая 50 футовъ

Digitized by Google

Якъ буде чорная хмара наступати,
Будетъ дробенъ дожчикъ накрапати,
Будетъ козацкая душа разно съ бѣлымъ тѣломъ розлучати,
Тогда вы будете въ головахъ козацкихъ сѣдати».
Уже черная хмара наступила,
Якъ душа козацкая съ бѣлымъ тѣломъ розлучила...
Стали орлы чернокрильцы налѣтати,
Въ головахъ козацкихъ сѣдати,
На черныя кудри наступати,
Изъ лоба кары очи выбирати,
Коло желтой кости тѣло козацкое оббирати,
Стали волки сирохмацы нахожати [1]),
Козацкія кости розношати
По долинахъ, по байракахъ,
По козацкихъ примѣтахъ.
Только козацкая голова на Саурѣ могилы пробувае,
Нихто той головы не дбае,
Кроме сива зозули прилѣтала,
Въ головахъ козацкихъ сѣдала,
Жалибненько заковала,
Нибы словами промовляла:
«Голово, голово козацкая!
Якъ ты спыла и зъѣла,
Хорошенько сходила,
По чужихъ земляхъ пробувала,
Козацкіе звычаи добре знала,
Теперь ты ни о чемъ не дбаешъ,
Кроме соби правдиваго судіи господа изъ небесъ желаешъ».
Два брата ридненьки,
Власны ясны голубоньки сивеньки,
До рѣчки Самарки, до криницы Салтанки прибували [2]),
Два дни и дви ночи на попасѣ стояли,
Свого найменьшого брата поджидали.
Старшій братъ тое зачувае (sic),
Словами промовляе,
Уже дробными слезами поливае:

[1]) „Сырое ѣдать“ — написано тою же рукою въ скобкахъ.

[2]) Рѣчка Самарка, теперешняя Самара, берущая начало свое въ изюмскомъ у. харьковской губ. и впадающая въ Днѣпръ въ новомосковс. у. екатеринослав. губ.

Digitized by Google

«Що мы, брате, будемъ думати да гадати,
Якъ будемъ мы до отца и до пайматки прибувати,
Якъ мы будемъ отцевы и маткѣ казати?
Якъ будемъ мы отцу и матцѣ по правдѣ казати,
Будетъ насъ отецъ и матка проклинати».
Середній братъ тое зочувае,
Словами промовляе,
Дробными слезами обливае:
«Будемъ мы, брате, отцу и матери по правдѣ казати,
То можетъ быть будетъ отецъ и мати на насъ великое милосердіе мати».
Старшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Отъ такъ мы, братику, скажимо,
Что въ городѣ Азовѣ не у одного пана въ темницѣ пробували,
Не одному и панови слуговали,
Мы сами—два насъ—утѣкали,
Свого наймѣньшаго брата отъ сна будили и не сбудили,—
То будетъ отецъ и мати помирати,
Будетъ худоба воставати,
Будемъ мы худобу на двѣ части паивати,
Межъ нами третій не будетъ никто мѣшати».
То два брата ридненьки тое словами промовляли,
На кони козацкія сѣдали,
Въ землю христіанскую до отца и матери пріѣжжали.
Отецъ и матѣръ на встрѣчу выхожаютъ,
Словами промовляютъ,
По дорозѣ поздоровляютъ,
Объ меньшомъ сынѣ пытаютъ:
«Сыны мои, сыны,
Какъ ясны соколы!
Вы сами пріѣжали,
Свого меньшого брата, а нашаго сына гдѣ вы заподѣли,—
Чи вы его за сіи кони турецкіе вороные,
Чи за сіи шаты дорогіе,
Туркамъ-янычарамъ отдавали»?
Старшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Отецъ и мати!

Digitized by Google

Мы въ городѣ въ Азовѣ не у одного пана въ темницѣ пробували,
Мы сами изъ темницы утикали,
Свого брата будили отъ сна и не сбудили».
Середній братъ тое зачувае,
Словами промовляе,
Къ сырой землѣ грудью упадаетъ,
Дробными слѣзами обливае:
«Отецъ и мати!
Мы въ городѣ Азовѣ у одного пана въ темницѣ пробывали,
Одному панови слуговали,
Мы всѣ три разомъ изъ темницы утѣкали,
Сами себѣ коней похватали,
Своему найменьшему брату коня не ухватили,
Только недобре мы починали,
Что свого меньшого брата на коня не брали,
По пилъ-чверти мили до отца и матери въ города
христіанскіе не подвозили.
Я добре знаю,
Что нашаго меньшого брата живого на свѣтѣ не маe:
Знать, его козацкая голова въ степи при дорогѣ полягае».
Отецъ и мати тогда добре дбали,
Середняго сына въ свой дворъ пріймали,
Старшаго изъ двора прогнали,
И лаяли, и проклинали:
«Бодай ты, сыну, себѣ щастья-доли не имѣлъ,
Что ты намъ объ меньшемъ сынѣ правды не сказалъ»!
Померла трехъ братьевъ голова,
Только слава не умретъ, не поляжетъ...
Будетъ слава славна
Помежъ друзьями козаками
И дородными головами.

5.

Три брата самарскіе [1]).

Въ нашемъ рукописномъ собраніи малорусскихъ пѣсенъ есть одна пѣсня, въ которой рѣчь идетъ о смерти двухъ род-

[1]) Дума эта напечатана у Максимовича (Сбор. украинс. пѣсенъ, 1849, 17—19) и перепечатана отсюда у Антон. и Драг. (Историч. пѣсни малорус. народа,

Digitized by Google

ныхъ братьевъ въ чистомъ полѣ [1]). Лежатъ они „у поли, край могылы“ „постриляни—порубани“. Спрашиваютъ они одинъ у другаго: какая рана болѣе тежелая—„стриляная чы рубаная“? Говоритъ одинъ изъ нихъ: „не шабли насъ порубалы, не кули насъ постриллы, а слезы отця и неньки насъ спиткалы“. Если бы знала мать о насъ, она бы насъ „поховала, якъ зозулька закувала“. „Я вамъ буду, говоритъ имъ орелъ, отець-маты, я васъ буду доглядаты“. Умоляютъ орла умирающіе братья, чтобы подождалъ онъ часа смертнаго. „Ще жъ часъ смертный не прыпавъ, орелъ очи вытягавъ“.

Такъ заканчивается эта трогательная пѣсня, послужившая, по нашему мнѣнію, ближайшей основой для думы о смерти трехъ братьевъ на поляхъ самарскихъ. Во всѣхъ четырехъ варіантахъ этой думы нѣтъ орла, но, въ замѣнъ этого обычнаго спутника *рубаныхъ* козаковъ, обязательно присутствующаго въ лирическихъ пѣсняхъ, выступаютъ реальныя подробности, свойственныя думамъ. Во всѣхъ варіантахъ ярко обрисована сожженная степь самарская,—только „у ричкы Самаркы, у крыныци Салтанкы“, гдѣ „тры терны дрибненькыхъ, тры байраки зелененькыхъ, лежать тры браты ридненькыхъ“ и просятъ другъ друга о помощи. Большими симпатіями къ роду-племени проникнуты варіанты Метлинскаго и Котляревскаго, хотя въ послѣднемъ, какъ и въ варіантѣ Костомарова, вовсе не упоминается о нравственной причинѣ несчастія, постигшаго трехъ братьевъ. Отличіе варіанта Котляревскаго отъ всѣхъ другихъ заключается въ томъ, что младшій братъ отказывается играть въ войсковые суремки, чтобы не услышали его игры Турки и не забрали полуживыхъ братьевъ въ плѣнъ. Вообще же варіанты Метлинскаго, Костомарова и Котляревскаго мы считаемъ переходными къ варіанту Максимовича, въ которомъ умирающіе козаки выражаютъ желаніе, чтобъ ихъ похоронили не отецъ и мать, а „странни козакы“. Очевидно, въ этомъ варіантѣ гуще

I, 257—259),—у Метлинскаго (Народ. южнор. пѣсни, 437—440),—у Костомарова (Исторія козачества... отд. оттискъ). Къ этимъ тремъ печатнымъ варіантамъ присоединяемъ варіантъ Котляревскаго.

[1]) Записана въ Каменецъ-Подольской губ.

Digitized by Google

наложены историческія краски, да и въ художественномъ отношеніи сравнительно съ другими онъ строже выдержанъ.

У рѣчки Самарки,
У криницы Салтанки,
Тамъ уси поля самарски пожарами погорѣли,
Только не горѣло два терны дрыбненькихъ,
Два байраки зелененькихъ,
Во тамъ подлѣ ихъ лежало три брата рыдненьки:
То они пострѣляны,
Порубаны,
На раны смертельныя знемогали,
Що у ихъ раны рубаныя кровью изошли,
А стрѣляныя до сердца пришли.
Промовитъ старшій братъ до середульшаго словами,
Обильется дробными слезами:
«Коли бъ ты, братику, добре дбалъ,
Що бъ ты на ноги козацкія вставалъ,
Збанокъ козацкій [1]) вруки (sic) бралъ,
До криницы Салтанки прихожалъ,
Холодной воды набиралъ,
Наши бъ раны козацкія смертельныя промывалъ.
Середуншій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
Якъ же мини, брате, на ноги козацкія вставати,
Що у мене ноги козацкія порубаны,
Руки козацкія пострѣляны,
Головка козацкая моя побита?
Попросимо мы свого меньшого брата,
Нехай нашъ найменьшій братъ на ноги козацкія вставае,
У тонкіе войсковие суремки [2]) заиграе,
То будутъ козаки чистымъ полемъ гулати,
Будутъ наши игры козацкія зачувати,
Будутъ они до насъ прибѣжжати,
Будемъ мы добре дбати,
Отцеви и матери въ землю христіанскую поклонъ передавати.

[1]) „Манерка солдатская"—примѣчаніе въ текстѣ рукописи.
[2]) „Трубы"—вставка тамъ-же.

Digitized by Google

Что бъ насъ отецъ и мати добре знали,
Они бъ до насъ приѣжжали,
Они бъ насъ хорошенько поховали.
Меньшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Браты мои милые,
Якъ голубеньки сивые!
Чи не тѣ жъ мене сабли турецки порубали, що и васъ?
Чи не тѣ жъ мене стрѣлки-янычарки пострѣляли, що и васъ?
Якъ вамъ, братця, неможно на ноги козацкія вставати,
Такь же и мени.
Хочь я, братця, буду въ тонкія суремки жалибненько играти,
То будутъ турки-янычари, безбожны бусурманы, чистымъ полемъ гуляти,
Будутъ наши игры козацкія зачувати,
Будутъ до насъ приѣжжати,
Будутъ намъ живьемъ каторгу завдавати.
Лучше намъ, братця, отъ тутъ въ чистомъ поле помирати,
Отца и пани-матки и родины сердечной въ очи не видати»...
Стала черная хмара на небѣ наступати,
Стали козаки во чистомъ поле помирати,
Стали свои головы козацкія въ рѣчкѣ Самаркѣ покладати...
Чѣмъ тая Самарка стала славна,
Що вона много войска возацкаго у себе видала.

6.

Федоръ Безродный [1]).

Дума о Федорѣ Безродномъ возникла на той же почвѣ древнѣйшихъ пѣсенъ о „рубаныхъ“ козакахъ. Издатели историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа справедливо видятъ въ варіан-

[1]) Мы знаемъ четыре варіанта этой думы: Цертелева (Опытъ собранія народн. украинс. пѣсенъ, 1819 г., 48—50), — отсюда перепечатана она Максимовичемъ (Украинс. народ. пѣсни, 1834, 5—7; Сборникъ украинс. народ. пѣсенъ, его-же, 1849, 25—27), изъ сборниковъ Максимовича издателями истор. пѣсенъ малор. народа (I, 248—249); второй варіантъ Метлинскаго (Нар. южнорус. пѣсни, 440—441; Историч. пѣсни малор. нар. Ант. и Драг., I, 249—251); третій — Русова (Записки юзо-зап. отд. географ. общ. I, 12—21; Историч. пѣсни малор. народа, Ант. и Драг., 252—255); наконецъ, четвертый варіантъ Котляревскаго. Кромѣ того, сохранились

Digitized by Google

тахъ Метлинскаго и Русова наслоенія позднѣйшей эпохи [1]). Въ варіантѣ Метлинскаго стихи 45—46 показываютъ, что дума исполнялась передъ козацкой старшиной. Самъ Федоръ Безродный называетъ себя паномъ. Федору-пану недостаетъ суровой простоты Федора-„атамана куринного“, о которомъ рѣчь идетъ въ варіантѣ Максимовича. Тѣ же слѣды болѣе поздняго времени видны и въ варіантѣ Русова—въ изображеніи богатаго костюма Федора Безроднаго. Поэтому варіантъ Максимовича мы считаемъ наиболѣе древнимъ и цѣльнымъ: въ сжатой формѣ онъ передаетъ всѣ главные моменты думы. Начало его переноситъ насъ въ вѣка болѣе отдаленные, когда Федоръ Безродный могъ быть жертвой неосторожности въ пограничной боевой жизни съ татарами. Варіантъ Котляревскаго мы относимъ къ болѣе позднимъ. Большое сходство онъ представляетъ съ варіантомъ Русова: и тамъ и здѣсь „товариство“ подозрѣваетъ джуру въ томъ, что онъ виновникъ смерти своего пана. Главное содержаніе во всѣхъ варіантахъ—это изображеніе смерти и похоронъ козака.

1) Тыей дороги (sic),
Потребы выйсковой,
Противъ земли цесарской,
Небагато выйска козацкаго понажено
5) И передъ мечемъ положено,
Ни одной души живой козацкой не оставлено,
Только подъ зеленою, похилою вербою,
Надъ днѣпровою сагою,
Надъ холодною водою,
10) Лежитъ козаче молодый,
Товарищу выйсковый,
Фсдоре безридный [1]),

отрывки изъ этой думы, см. Метлин. 441—442: въ одномъ изъ нихъ Федоръ Безродный названъ осаудомъ Богуславскимъ. Тамъ-же см. пѣсни, близко подходящія къ содержанію думы (442, 448). Одна изъ этихъ пѣсенъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ сохранила форму думы.

[1]) Стр. 256—257.

[2]) Максимовичъ высказалъ предположеніе, что Федоръ Безродный есть Фома Безродный, состоявшій войсковымъ писаремъ при отважномъ гетманѣ Богданкѣ въ 1576 г. (Украинс. народ. пѣсни, 1834 г., 5). Костомаровъ того мнѣнія, что это имя

Digitized by Google

Словами промовляе:
«Слуга молодый!
Не своимъ ты конемъ поѣжжаешъ,
Не своею сбруею выхваляешся,
Дести (sic) свого пана убилъ альбо ранилъ,
Али бо козацкой души тѣла избавилъ».
Слуга молодый добре дбае,
Съ коня вставае,
Словами промовляе:
«Отамане кошовый!
Я свого пана не убилъ, ни зрадилъ,
Ни козацкой души тѣла не збавилъ:
То жъ его турецкая булатна сабля порубала,
То жъ его стрѣлка-янычарка (sic) пострѣляла»
Отамане кошовый тое зачуває,
Словами промовляе:
«Козаки, панове-молодцы!
Добре вы дбайте,
На кони козацкіе сѣдайте,
Коло лугу Базавлугу объѣжжайте,
Федора безроднаго живого заставляйте».
Козаки тогди добре дбали,
Коло лугу Базавлугу [1]) объѣжжали,
Федора безродного живого не зостали,
Саблями, надолками суходылъ копали,
Шапками, полами землю носили,
Семиперстную могилу высыпали,
Изъ семипядныхъ пищаль пострѣляли.

7.

Козакъ Иванъ Коновченко изъ города Черкасъ [2]).

Пѣсенные мотивы этой думы указаны нами въ IV главѣ нашего изслѣдованія. Во всѣхъ варіантахъ ея нравственныя

не собственное, а нарицательное (Исторія козачества въ памяти. народ. пѣсен. творчества, отд. отпискъ, 71).

[1]) Базавлукъ—рѣчка, вытекающая изъ верхнеднѣпровскаго уѣз. екатериносл. губ. и впадающая въ Днѣпръ на границѣ екатериносл. и херсонс. уѣздовъ.

[2]) По количеству варіантовъ это самая распространенная дума. Она была напечатана Цертелевымъ (Опытъ собранія народ. малорос. пѣсенъ, 1819 г., 30—36)

Digitized by Google

Атамане курінный,
Пострелянный,
Порубаный,
На раны смертельныя изнемогае,
Ни отецъ, ни мати, ни родина кревна, сердечна того не знае.
То только у его слуга сидитъ,
Изъ днѣпровой саги холодной воды набираетъ,
Раны козацкія, смертельныя промываетъ,
До Федора Безроднаго словами промовляетъ:
«Пане мый молодый,
Федоре безрыдный!
Добре мы дбаймо,
До твого отца и паниматки, до родины сердечной, выйскомъ днѣпровымъ накажимо,
Нехай твой отецъ и мати добре дбае,
Покрывало тоненькѣ (sic) тебѣ пересылае,—
Нехай бы могли знати,
Якъ тебя на чужой сторонѣ поховати».
Федоръ безродный тое зочувае,
Словами промовляе:
«Слуга мой молодый!
Не поможетъ мнѣ на чужой сторонѣ покрывало тоненьке,
Ты мени, слуга, на чужой сторонѣ отецъ и мати рыдненька,
И братъ, и сестрица вирненька:
Добре ты, слуга молодый, дбай,
Изъ мого позлочистаго комера шовкову тягиню снимай,
На добраго коня сидай,
Промежду выйскомъ козацкимъ проѣжжай:
Чи будешъ ты угоденъ выйску днѣпровому,
Али бо атаману кошевому».
Слуга молодый добре дбае,
Съ позлочистаго комера шовкову тягиню снимае,
На добраго коня ссѣдае (sic),
Между войскомъ козацкимъ поѣжжае,
Отамане кошовый тое забачае,

1576 г. (Украинс. народ. пѣсни, 1834 г., 5). Костомаровъ того мнѣнія, что это имя не собственное, а нарицательное (Исторія козачества въ памятн. народ. пѣсен. творчества, отд. оттискъ, 71).

Digitized by Google

черты козака-юноши однѣ и тѣ же. Что касается до матери его, то въ варіантѣ Максимовича она изображена нѣсколько иначе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ. Какъ и въ другихъ варіантахъ, она не желаетъ разстаться съ своимъ сыномъ, но уступаетъ его настойчивой просьбѣ и даже благословляетъ его на путь. Затѣмъ она „выглядае“ своего Ивася, узнаетъ о славной смерти его и не только не проклинаетъ полковника Хвилоненка за то, что онъ увлекъ молодаго Коновченка въ походъ, но даже даритъ ему коня. Какъ мать-козачка, не чуждая козацкаго мужества, она спокойно переноситъ свое горе. По нашему мнѣнію, это и есть основной варіантъ, свободный еще отъ вліянія пѣсенъ. Нѣтъ въ немъ ни загадочныхъ рѣчей козаковъ о судьбѣ Коновченка, обращенныхъ къ его матери, ни зловѣщаго сна ея, который разгадываютъ возвращавшіеся изъ похода козаки. Эти подробности, по всей вѣроятности, вставлены въ думу послѣ того, какъ сложилась фабула ея, при чемъ въ однихъ варіантахъ о женитьбѣ Коновченка на „туркенѣ, пышной паннѣ“, говоритъ мать его, какъ о сновидѣніи (варіанты Лукашевича и рукописные—лубенскій, харьковскій

и буквально перепечатана изъ этого изданія Максимовичемъ (Украинс. народ. пѣсни, 1834,51—57); затѣмъ извѣстны варіанты Лукашевича (Малорус. и Червонорус. думы и пѣсни, 36, 47), Метлинскаго (Народ. южно-рус. пѣсни, 413—424), напечатанный въ Кіевс. Телеграфѣ (1873, № 59), Головацкаго (Народ. пѣсни галицкой и угорс. Руси, ч. I. 9—12: здѣсь она перепечатана изъ сборника Żeg. Pauli. 1839, 1, 155—158, а въ этотъсборникъ попала изъ Русалки Днѣстровой, 1837, 11), Конисскаго (Кіевс. Старина, 1882 г., августъ), Боржковскаго (два варіанта, ibidem, 1889, сентябрь) Кромѣ этихъ восьми печатныхъ варіантовъ, для ознакомленія съ думой мы пользовались шестью рукописными варіантами, записанными въ губерніяхъ Полтавской (лубенс. у.), Черниговской (черниговс. у.), Харьковской (богодуховс. у.), Кіевской (кіевс. у.), Каменецъ-Подольской и, наконецъ, варіантомъ Котляревскаго. Костомаровъ упоминаетъ еще о двухъ варіантахъ, изъ коихъ одинъ былъ записанъ имъ въ Харьковѣ, а другой былъ присланъ ему г. Морозомъ. Скудные отрывки изъ обоихъ варіантовъ напечатаны имъ въ изслѣдованіи его: Исторія козачества по памятникамъ южнорус. народ. пѣсен. творчества (Русская Мысль, 1880 г.), но на основаніи этихъ отрывковъ мы не могли составить представленія о цѣломъ. Считаемъ нужнымъ замѣтить также, что дума объ Иванѣ Коновченкѣ, помѣщенная въ Извѣстіяхъ академіи наукъ за 1853 г., т. II. (Памятники и образцы народ. языка, 206—210), составлена Афанасьевымъ-Чужбинскимъ изъ варіантовъ Максимовича и Лукашевича.

Digitized by Google

и Котляревскаго), въ другихъ говорятъ о томъ-же козаки, намекая матери на смерть сына ея (варіанты Метлинскаго, два Боржковскаго, варіантъ, напечатанный въ Кіевс. Телеграфѣ, и рукописные—черниговскій, кіевскій и подольскій). Въ этихъ послѣднихъ меньше амплификаціи, чѣмъ въ первыхъ, поэтому они, повидимому, ближе стоятъ къ варіанту Максимовича, но сонъ вдовы и рѣчи козаковъ такъ органически связаны между собою, что отсутствіе сна въ указанныхъ выше варіантахъ можно считать искаженіемъ болѣе полнаго текста. Есть и другой признакъ болѣе поздняго происхожденія этихъ варіантовъ. Нѣкоторые изъ нихъ (два варіанта Боржковскаго, галицкій и рукописный подольскій), независимо отъ ясныхъ слѣдовъ искаженія въ самомъ языкѣ, начинаются не съ воззванія полковника корсунскаго или черкасскаго, а съ изображенія мирной жизни вдовы Коновчихи съ сыномъ, причемъ о воззваніи Хвилоненка къ козакамъ нѣтъ ни слова,—въ другихъ (варіанты Кіевс. Телеграфа и рукописный кіевскій) мѣсто дѣйствія не въ Черкасахъ, а въ какомъ-то городѣ Копестрынѣ или Кебестрыни, и самое воззваніе идетъ отъ какого-то полковника Гниды, а въ варіантѣ Конисскаго—не извѣстно отъ кого. Рукописный харьковскій варіантъ представляетъ ту особенность, что Ивась Коновченко является иниціаторомъ похода: не его подбиваютъ козаки „на Черкень-долыну гуляты“, а онъ самъ „на выныкивъ, на броварныкивъ ставъ поклыкаты“. Это очевидное забвеніе первоначальнаго факта, за то не позабытъ въ харьковскомъ варіантѣ сонъ вдовы, что сближаетъ его съ варіантомъ средней редакціи. Къ этимъ послѣднимъ относится и варіантъ Котляревскаго. Ближе всего онъ стоитъ къ рукописному лубенскому по двумъ мотивамъ: во-первыхъ, Ивась напивается „оковытой“ тайно отъ полковника; во-вторыхъ, полковникъ принимаетъ сердечное участіе въ горѣ вдовы. Между варіантами средней редакціи варіантъ Котляревскаго, повидимому, отличается большею историческою точностію: Хвилоненко сперва обращается съ воззваніемъ къ охотникамъ въ Корсуни, затѣмъ самъ лично появляется въ Черкасахъ и обращается къ войсковой старшинѣ, наконецъ, передъ самымъ отправленіемъ въ походъ „словами промовляетъ“:

Digitized by Google

«Который будетъ козакъ отцевскихъ и матернихъ обѣдовъ
ложидати,
Будетъ меня за восемь миль отъ города Черкаса доганяти».

Всѣ эти моменты или сокращены, или спутаны, или совсѣмъ опущены въ другихъ варіантахъ.

На славной Украйнѣ, въ городѣ Корсунѣ [1]),
Тамъ жилъ корсунскій полковникъ панъ Филонъ [2])...
Якъ сталъ въ охотное войско выражати,
Сталъ охотника выкликати,
Крикнетъ, покрикнетъ на винники, на броварники,
На пьяницы, на костерники [3]):
«Которому не хочется по винницяхъ горелокъ курити,
Которому не хочется по броварахъ пиво варити,
Которому не хочется въ кости играти,
Дурно гулити,
Идите вы со мною, корсунскимъ полковникомъ, въ охотное
войско гуляти,
Пидъ городъ Тягиню [4]),
На Черкень-долину,
За вѣру христіанскую одностайне стати,
Рыцарской славы заживати!»
То тее словами промовляе,
У пятницу до города Черкаса [5]) поспѣшае,
Въ суботу рано пораненко цвѣтную короговъ крещату
выставляе.

---

[1]) Корсунь—бывшій полковой городъ, нынѣ мѣстечко на берегу р. Роси, въ 100 верстахъ отъ Черкасъ.

[2]) Полковникъ Филоненко, говоритъ Костомаровъ, дѣйствительно существовалъ въ первой половинѣ XVII в. и извѣстенъ, какъ товарищъ Гуни и Остранцы въ возстаніи противъ Поляковъ: вмѣстѣ съ предводителемъ возстанія онъ, кажется, ушелъ въ Московское государство (Исторія козачества... Отд. оттискъ, 67).

[3]) „Что въ кости играютъ"—примѣчаніе записавшаго думу.

[4]) Мѣстное турецкое названіе Бендеръ—нынѣ уѣзднаго города въ Бессарабіи. Мѣстоположеніе Черкень-долины мы опредѣлить не можемъ.

[5]) Черкасы—бывшій полковой городъ, нынѣ уѣздный, на берегу Днѣпра, въ 287 верстахъ отъ Кіева.

Digitized by Google

То вже крикнетъ, покрикнетъ на сотники, на полковники,
На отаманы, на осаулы,
На козаки молодые
И на слуги войсковые:
«Що вы, сотники и полковники,
Отаманы и осаулы!
Идите со мной, корсунскимъ полковникомъ, въ охотное войско гулати,
На Черкень-долину,
Подъ городъ Тягиню,
За вѣру христіянскую одностайно стати,
Будемъ рыцарской славы доставати,
Будемъ мы саньяновы боты топтати!»
То вже въ городѣ Черкасѣ жила вдова,
Старенькая жена,
По имѣнію Гриціха,
По прозванію Коновчиха,
Мала себѣ сына Ивана Коновченка,
Единаго вдовиченка.
Она его до зросту лѣтъ держала,
Въ наймы не пускала,
На стираніе чужимъ рукамъ не давала,
Она изъ его по смерти славы, памяти сподивала.
То вже Иванъ Коновченко на рынокъ выхожае [1]),
Что корсунскій полковникъ, панъ Филонъ, словами промовляетъ,
Въ охотное войско выкликаетъ,
То Иванъ Коновченко до матери своей старой прихожае,
Словами проговоряе:
«Мати моя, старенькая жено,
Коли бъ ты, мати, добре дбала,
Четыре волы чабаныи и два коня воронын изъ стада выручала,
До жида орендаря отгоняла,
И ще бъ стозлотыми грищы доплатила,
Да мини доброго коня купила,
Що моя душа козацка-молодецка подобила и влюбила,
Піду я, мати, на Черкеню-долину гулати,
За вѣру христіянскую одностайне стати,

[1]) Здѣсь пропущенъ стихъ, который долженъ былъ оканчиваться словомъ „зачувае“.

Digitized by Google

Рыцарской славы доставати,
Козацкихъ звычаевъ добре знати».
Удова, старенькая жена, тое зачувае,
Словами промовляе:
«Сыну мой, сыну, Ивась Коновченко!
Чи у тебе ничего испити або пзъисти,
Чи у тебе ни въ чему хорошенько ходити,
Чи тебе мирская старшина не почитае,
Чи тебе козацкая громада зневажае?[1])
Лучше ты будешъ тіи четыре волы чабаные и два коня
вороные въ плугъ запрягати,
Будешъ по рилье хлѣба пахати,
Будешъ козаковъ и мужиковъ на хлѣбъ и на соль къ себѣ
зазывати,—
Будуть тебя козаки войсковыхъ потребовъ, козацкихъ обычаевъ
научати».
Ивась Коновченко тое зачувае,
Словами промовляе:
«Мати моя, старенькая жено!
Не хочется мнѣ, мати,
На волы козацкимъ гласомъ гукати,
Не хочется мнѣ, мати, въ пыли китайку пылити,
Хочъ я буду козаковъ до себе зазывати,
Будуть меня козаки домаремъ, гречкосѣемъ прозывати,—
А то лучше я, мати,
Пойду на Черкень-долину гулять,
За вѣру христіянскую одностайне стати».
Въ недѣлю рано-пораненько
Вдова, старая жена, до Божіей церквы отходила,
Всѣ оружья въ комнату позамыкала,
Только семипядную пищаль-ружье оставляла,—
То Иванъ Коновченко изъ постели вставае,
На рынокъ выхожае,
Що корсунскій полковникъ, панъ Филонъ, словами промовляетъ:
«Который будетъ козакъ отцевскихъ и материнихъ обѣдовъ дожидати,
Будетъ меня за восемь миль отъ города Черкаса доганати».

---

[1]) „Осуждаетъ“—примѣчаніе записавшаго думу.

Digitized by Google

Сусѣды въ церковь уходили,
Вдовѣ сказали:
«Ты, вдова, въ церквѣ стоишъ, ничего не знаешъ,
Что твоего сына Коновченка въ дому немае».
То вдова изъ церкви приходила,
Ивана Коновченка въ домѣ не застала,
Ругала его и проклинала:
«Чтобъ ты, сынъ мой Иванъ, щастя и доли не имѣлъ,
Какъ ты меня, вдову стареньку, на господарствѣ покидалъ!»
Рано въ понедѣльникъ вдова отъ сна прочинала
И словами промовляла:
«Бѣдна, побѣдна моя вдовина голова,
Що я своего сына ругала и проклинала,
Щастье его, долю козацкую потеряла».
Тогда она добре дбала,
Четыре волы чабаные и два коня вороные изъ стада доплатила,
Своему сыну добраго коня купила,
Что его душа козацкая-молодецка сподобила та влюбила,
Ище семъ кипъ козакови на жупанъ давала,
Ище своему сыну добраго коня переслала.
То козакъ на добраго коня сѣдаетъ,
За дванадцять миль отъ города Черкаса корсунского полковника догоняе;
Скоро полковника догналъ,
Межъ пѣхоту вбѣгалъ,
Ивана Коновченка межъ пѣхотою позналъ,
Добраго коня ему въ руки подалъ.
Иванъ Коновченко на добраго кона сѣдаетъ,
То ще словами промовляетъ:
«Я жъ думалъ, братцы, что обо мнѣ мати не знаетъ и не вѣдаетъ,
Ажъ она обо мнѣ великое милосердіе маетъ,
Що мнѣ добраго коня купила,
Що моя душа козацкая-молодецкая сподобила да влюбила.
Коли бъ мнѣ Господь милосердный далъ изъ сего похода выходити,
Могъ бы я знати,
Якъ свою неньку старенькую почитати,
Могъ бы я ей 12 турокъ-янычаръ на послугу посылати!»

Digitized by Google

То ще якъ сталъ корсунскій полковникъ пане Филоне на Черкень-долину подъ городъ Тягиню прибувати,
Сталъ до козаковъ словами промовляти:
«Козаки, панове-молодцы!
Который межъ вами козакъ оберется, чтобъ на добраго коня сидати,
Чтобъ изъ Крымцами да Нагайцами на распутьи погулять?»
То всѣ козаки замолчали,
Только обозвется одинъ Ивась Коновченко,
Единъ сынъ вловыченко:
«Благослови ты мнѣ, панъ Филонъ, на добраго коня изсидати,
Съ Крымцами да съ Нагайцами на поединкѣ погулять!»
То корсунскій полковникъ словами промовляетъ:
«Иванъ Коновченко!
Ты дѣтина молодая:
Ни на поле, ни на море не бувала,
Козацкой крови не видала,
Какъ ты кровъ христіанскую узришъ,
То ты самъ вякаешъ».
Иванъ Коновченко словами промовляетъ:
«Корсунскій полковнику, панъ Филонъ!
«Пойди ты на рѣку, да поймай ута старое и малое,
Та пусти ты на рѣку,—есьли не поплыветъ малое, какъ старое».
Корсунскій полковникъ отвѣчаетъ:
«Иванъ Коновченко!
Когда могъ ты мнѣ загадку такую загадати,
Благословляю тебя на добраго коня сидати,
Съ Крымцами да съ Нагайцами на поле погулять».
Коновченко на коня сѣдаетъ,
Отъ козаковъ благословеніе принимаетъ,
Межъ Крымцы и Нагайцы вбѣгаетъ,
66 Крымцевъ да Нагайцевъ съ коней збиваетъ,
Сплечъ головы снимаетъ,
14 рычарей (sic) турецкихъ на арканъ хватаетъ,
Живьемъ до козацкаго намѣту пригоняетъ.
Корсунскій полковникъ, панъ Филонъ, то зобачаетъ
И промовляетъ,

Digitized by Google

Коновченка братомъ называетъ:
«Иване Коновченко, брате мой сердечный!
Коли могъ ты рыцарской славы достати,
Благословляю тебя въ своемъ намѣтѣ спочивати».
А Иванъ Коновченко тое зачувае
И великую радость мае,
Что корсунскій полковникъ братомъ его называетъ.
То винъ словами промовляетъ:
«Корсунскій полковнику, пане Филоне!
Благослови мнѣ оковитой горелки напиться,
То я могу еще и лучше съ Крымцами да съ Нагайцами побиться!»
Полковникъ словами промовляетъ:
«Иванъ Коновченко!
Я слыхалъ отъ старыхъ людей,
Что сия оковитая горелка барзо вадитъ,
Не одного человѣка съ сего свѣта збавитъ».
У той часъ и годину
Десь корсунскій полковникъ отгодився,
Иванъ Коновченко довольно горелки напився...
На добраго коня сѣдаетъ,
Саблю изъ рукъ выпускаетъ,
Межъ Крымцы да Нагайцы вбѣгаетъ,
70 человѣкъ съ коней збиваетъ,
Сплѣчъ головы снимаетъ.
Стали безбожныи бусурманы козака въ хмели познавати,
Стали отъ табора козацкаго далѣ отбивати,
Скоро отъ табору козацкаго отбавляли,
Округъ его оступали,
Тамъ его посѣкли, порубали,
Смертельными ранами даровали,
Только козацкаго коня не поймали.
Конь козацкій по табору играетъ,
Нибы ясенъ соколъ лѣтаетъ,
Корсунскій полковникъ тое забачаетъ,
И промовляетъ:
«Недармо нашего Коновченка конь по табору играетъ,
Знать, его въ живыхъ немае...
Вы, панове, сами не добре учинили,
Що пьянаго человѣка съ своихъ рукъ испустили.

Digitized by Google

Добре вы, братця, дбайте,
На кони козацкіе сѣдайте,
Козацкое тѣло позбирайте,
До козацкаго намѣту привизите».
Тогда козаки добре дбали,
Що козацкое тѣло позбирали,
Суходолъ саблями копали,
Шапками, приполами землю выносил
Изъ оружія стрѣляли,
Козацкую славу прославляли,
Семиперстную могилу высыпали ..
Въ городѣ Черкасѣ
У вдовы, старенькой жены,
По имѣнію Грицихи,
По прозванію Коновчихи,
Приснился сонъ чуденъ-пречуденъ,
Барзо дивенъ да й предивенъ...
Вдова отъ сна прочинала,
На рынокъ выходила,
Съ сосѣдами говорила:
«Приснился сонъ чуденъ да пречуденъ,
Что видится, мой сынъ въ войнѣ оженился,
Поналъ себѣ жену туркеню горду да пышну,
Въ зеленомъ сукнѣ подъ бѣлыми позументами,
Она панщины не робитъ,
Подачки не даетъ,
Никто ее въ углы не толкаетъ,
Только она себѣ правдиваго судіи Господа съ небесъ желаетъ».
Сусиды тое зачували,
Вдовѣ той сонъ отгадали,
Только правды не сказали:
«Вдова небога!
Будетъ твой сынъ изъ войска прибувати,
Будетъ тебя казацкимъ кармазиномъ даровати».
Вдова тогда не убога бувала,
4 бочки горелки и 6 меду на брамѣ становила,
На свиту недѣлю козаковъ изъ похода сподѣвалась.
То козаки съ походу идутъ,
Якъ пчелы гудутъ,

Digitized by Google

То первая дивизія выступаетъ,
Вдова Ивана Коновченка, своего сына, пытаетъ.
То козаки тое добре знали,
Вдовѣ правды не сказали.
Другая дивизія наступаетъ,
И тамъ вдова сына пытаетъ,
И тамъ козаки добре знали,
Вдовѣ правды не сказали.
«Вдова небога, не журыся
Твой сынъ ввойнѣ оженился,
Понялъ себѣ жену туркеню, горду да пышну невѣсту».
Вдова тое зачувала,
Каждаго козака частовала
И словами промовляла:
«Хвалю жъ тебѣ, Господи, что я себѣ тихой да веселой невѣстки дождала!
Хоть буду козакамъ курени подмѣтати,
Аби мене могли при старости лѣтахъ у себѣ держати».
То уже третяя дивизія идетъ,
Корсунскій полковникъ коня въ рукахъ за поводы ведетъ.
То вдова, старенькая жена,
Якъ скоро тее узрила,
То барзо умлила,
На ногахъ не устояла,
Къ сырой землѣ грудью упала,
Въ гору руки поднимала,
Полковника проклинала:
«Полковникъ, панъ Филонъ!
Бодай ты счастья-доли не малъ,
Якъ ты моего сына изъ всего войска потерялъ».
Полковникъ самъ не пышенъ бываетъ,
Съ коня вставаетъ,
Вдову, старенькую жену, съ земли поднимаетъ
И промовляетъ:
«Вдова-небога!
Не проклинай меня,
Щастья моего и доли козацкой не теряй:
Ты сама недобре починала,
Что своего сына въ охотное войско не пускала,

Digitized by Google

Щастье его и долю потеряла,
Ты его проклинала»...
Тогда вдова не убога ся мала,
Сорокъ тысячъ козацкаго войска въ дворъ свой зазывала,
Трое сутокъ ни пити, ни ѣсти хлѣба-соли не поборонила,
Всѣхъ козаковъ, какъ боляръ, даровала,
Давала рушники тканы и вышиваны,
Заразомъ похороны и веселья отправляла,
Козацкую славу прославляла.

8.

Иванъ Богославецъ, гетманъ запорожскій [1]).

По мнѣнію Костомарова, въ эту думу перенесенъ изъ думы о Марусѣ Богуславкѣ разговоръ Ивана Богуславца съ невольниками: „сходство образа темницы и сидящихъ въ ней невольниковъ, говоритъ онъ, и еще болѣе, быть можетъ, сходство именъ *Богуславецъ* и *Богуславка* произвели это смѣшеніе“ [2]). Съ равнымъ основаніемъ, конечно, можно утверждать и обратное. Что касается сходства именъ, то, по нашему мнѣнію, обѣ думы— ничто иное, какъ два отрывка изъ недошедшаго до насъ въ цѣлости обширнаго эпоса о судьбѣ дѣтей одного семейства, можетъ быть, проживавшаго въ г. Богуславѣ. Въ варіантѣ, напечатанномъ въ I томѣ Историч. пѣсенъ Антоновича и Драгоманова, разсказывается о Богуславцѣ, что онъ сперва отказался отъ предложенія пани Киздевской принять вѣру бусурманскую, когда же она приказала связать его „сырою сырицею“ и положить его передъ „праведнымъ сонечкомъ“, которое „стало прыгриваты, а сырая сырыця стала ссыхаты“, тогда Иванъ Богуславецъ отрекся отъ вѣры христіанской и зажилъ

---

[1]) Дума эта дошла до насъ всего въ двухъ варіантахъ: одинъ напечатанъ въ I т. Истор. пѣсенъ малорус. народа, Ант. и Драг. 241—242, другой болѣе полный варіантъ въ рукописи Котляревскаго.

[2]) Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго пѣсеннаго творчества, (стр. 31, отд. отт. съ).

Digitized by Google

съ пани-Кизлевской. Итакъ, въ этомъ варіантѣ Иванъ Богуславецъ никто иной, какъ ренегатъ.

Ведетъ онъ себя, какъ подобаетъ ренегату, и въ думѣ Вересая о похищеніи изъ турецкой неволи [1]). По всей вѣроятности, въ то время, когда писалась извѣстная исторія Руссовъ Конисскаго, ходила въ народѣ иная дума о Богуславцѣ: изъ нея авторъ этой исторіи могъ почерпнуть извѣстіе о писарѣ Богуславцѣ, который въ концѣ XVI в. „захваченъ былъ турками въ плѣнъ при г. Козловѣ, но послѣ запорожцами былъ вырученъ помощію Семиры, жены паши турецкаго: Семира выѣхала вмѣстѣ съ Богуславцемъ въ Малороссію и была его женой“ [2]). Ближе всего къ этому предполагаемому нами варіанту стоитъ варіантъ Котляревскаго. Здѣсь Богуславецъ не увлекается „роскошью турецкою“ и тоже бѣжитъ на родину. Наружнымъ образомъ онъ принимаетъ вѣру бусурманскую, чтобы освободить себя и товарищей своихъ изъ неволи. Изъ ренегата онъ превращается въ героя: не только не увозитъ „Алканъ-пашевую, пани молодую“, но за оскорбленіе личной чести мститъ туркамъ, жителямъ города Козлова, и убиваетъ свою любовницу. Такимъ образомъ, если допустить, что во всѣхъ этихъ думахъ Иванъ Богуславецъ есть одно и то же лице, то мы имѣемъ предъ собою всю исторію его: въ такомъ случаѣ варіантъ Котляревскаго, какъ наиболѣе разработанный, могъ возникнуть только послѣ появленія думъ, изображавшихъ первоначальную исторію Богуслава.

---

1) Въ городѣ Козловѣ [3]) стояла темница каменая,
7 сажень въ землю въ мурованная (sic),
У той темницѣ пробувало 700 козаковъ,
Бѣдныхъ невольниковъ.
5) Межъ ними безъ старшины козацкои не бывало,

---

[1]) Записки юго-зап. отдѣла кіевскаго географ. общества, I, 16—18. Въ изслѣдованіи Костомарова эта дума названа думой о соколѣ.

[2]) Исторія Руссовъ, Конисскаго, 31—32.

[3]) Козловъ—нынѣшняя Евпаторія, уѣздный городъ Таврической губ.

Digitized by Google

Бувъ одинъ старшій старшиною Иванъ Богославецъ [1]),
Гетманъ запорожскій.
Они десять лѣтъ пробували въ неволи,
То Иванъ Богославецъ сидя соби думаетъ да гадаетъ,
До козаковъ словами промовляетъ:
«Козаки, панове молодцы,
Що у насъ сегодни за день великая субота,
Завтра будетъ святый день—Великъ-день,
Будутъ наши отцы рано вставати,
До Божого дому приступати,
Божіе слово выслухати,
Насъ, бѣдныхъ невольниковъ, поминати».
То всѣ невольники тое зачували,
Дробными слезами обливали,
Иванца-Богославца лаяли-проклинали:
«Бодай ты себѣ, Иванецъ-Богославецъ, щастья и доли не малъ,
Що ты намъ сей праздникъ отказалъ».
Иванъ-Богославецъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Не лайте мене братцы, не проклинайте,
Може намъ, братцы, Богъ милосердный буде помогати,
Чи не будемъ мы съ неволи выступати»?
То въ недѣлю рано-пораненько
Алканъ-пашева турецкая отъ мужа зоставала,
Свого мужа поховала,
До темницы прихожала,
Темницу отмыкала,
Помежъ невольниками похожала,
Иванца-Богославца за бѣлую руку брала,
Ще словами промовляла:
«Иванче-Богославче!
Коли бъ ты свою вѣру христіанскую поломалъ,
А нашу бусурманску на себи бралъ,
Уже бъ ты въ городѣ Козловѣ пановалъ...
Я бъ твоихъ невольниковъ всѣхъ изъ темницы выпускала,

[1]) Согласно съ исторіей Русовъ Конисскаго, Максимовичъ думалъ, что Иванъ Богуславецъ участвовалъ въ походѣ Скалозуба противъ турокъ въ 1583 году, см. Украинс. народ. пѣсни, 1834, 8°.

Digitized by Google

Въ землю христіанскую хорошенько провожала».
Иванецъ-Богославецъ тее зачувае,
Словами промовляе:
«Алканъ-пашова, пани молодая!
Якъ не будешъ ты мнѣ христіанскою вѣрою урѣкати,
Буду я тебя за жену до себе брати».
То вже Алканъ-пашова, пани молодая,
7 недѣль хмелю не заживала,
Христіанскою вѣрою не урѣкала,
Всѣхъ невольниковъ изъ темницы выпускала,
Въ землю христіанскую хорошенько провожала.
Якъ стала на восьмой недѣле хмѣль заживати,
Стала съ молодыми турецкими панами гулять,
Стала Иванчевы-Богославцевы христіанскою вѣрою урѣкати:
«Дывится, панове,
Якій у мене мужъ прекрасный,
Та винъ у насъ побусурменился для роскоши турецкой».
Иванецъ-Богославецъ тое зачувае,
До Чернаго моря швиденько прибѣгае,
Въ лодку сѣдае,
Козаковъ середъ Чернаго моря догоняе,
До козаковъ въ судно вступае.
Алканъ-пашева, пани молодая, до Чернаго моря прихожае,
Иванца-Богославца въ суднѣ забачае,
Дробными слезами обливае:
«Иванче-Богославче!
Бодай тебе Господь милосердный на семъ свѣтѣ избавилъ,
Якъ ты мене, молоденьку, зрадилъ»!
То ще якъ стала темная ночъ наступати,
Стали козаки до города Козлова назадъ прибувати,
Стали на турокъ на сонныхъ набѣгати,
Стали ихъ рубати,
Городъ Козловъ огнемъ—мечемъ воевати,
Стали турецкіе лехи разбивати,
Сребро-злато, дорогую одежду забирати,—
Сталъ Иванецъ-Богославецъ Алканъ-пашевую,
паню молодую, рубати,
Стали отъ пристани Козловской поспѣшати,
И ще до свѣта до города Сѣчи прибувати,

Digitized by Google

Въ городѣ Сѣчи сокровища турецкія раздѣлати,
Стали уже козаки словами промовляти:
«Иванче-Богославче, гетмане запорожскій!
Десять лѣтъ ты въ неволѣ пробувалъ,
Ни одного козака не утерялъ»!
Вызволь, Господи, невольника изъ неволи
На край веселый,
Между миръ христіанскій!

9.

Кишка Самыйло [1]).

Вопросъ о происхожденіи этой думы остроумно поставленъ и разрѣшенъ В. П. Науменкомъ [2]). На основаніи лѣтописныхъ извѣстій о Самыйлѣ Кишкѣ онъ пришелъ къ заключенію, что „плѣненіе Самыйла Кишки турками—фактъ историческій, который, по всей вѣроятности, случился въ началѣ XVII вѣка около 1620 года,—фактъ же бѣгства его изъ неволи ничѣмъ не можетъ быть удостовѣренъ". Сопоставляя затѣмъ содержаніе одной италіанской брошюры, изданной въ Римѣ въ 1643 году, съ содержаніемъ думы о Самыйлѣ Кишкѣ, онъ нашелъ, что герой брошюры, нѣкій знатный офицеръ русинъ, по фамиліи Симоновичъ, овладѣвшій турецкой галерой и освободившій себя и 207 невольниковъ христіанъ изъ польской Руси, подъ влія-

[1]) Долгое время эта дума считалась unicum, не имѣвшимъ варіантовъ. Въ первый разъ напечатана она была Лукашевичемъ въ 1836 г. (Малорус. и Червонорус. думы и пѣсни 15—27), но разъ послѣ того она была перепечатана, какъ образецъ думы, самой обширной по объему и богатой по содержанію (Сборн. Украинск. пѣсенъ Максимовича, 1849, Изв. Акад. наукъ, т. II. 1853 г.; Историч. пѣсни малорус. народа Антон. и Драгом., т. I, 1874 г.). Только въ 1880 г. явились отрывки изъ варіантовъ ея въ изслѣдованіи Костомарова: Исторія козачества въ памятн. южнорус. народ. пѣсен. творчества, (отдѣльный оттискъ, 16—30): одинъ изъ нихъ—печатаемый ниже варіантъ Котляревскаго, другой—отрывочный и скудный—сообщенъ былъ Костомарову г. Зайкевичемъ, который записалъ эту думу въ Лубен. у. Полт. губ. Наконецъ въ Кіевс. Старинѣ за 1882 г. (декабрь, 505—507) напечатанъ былъ варіантъ, сходный съ варіантомъ Зайкевича, записанный г. Горленкомъ въ г. Лохвицѣ Полт. губ.

[2]) Кіевс. Старина, 1883 г., іюнь.

Digitized by Google

ніемъ разсказовъ объ этомъ событіи невольниковъ, возвратившихся на родину, пріуроченъ къ народному герою, Самыйлѣ Кишкѣ, о плѣненіи котораго существовалъ уже раньше рядъ сказаній. Эти соображенія подкрѣпляются варіантами Зайкевича и Горленка, въ которыхъ ренегатъ—дидъ Бутурлакъ представляетъ полнѣйшее сходство съ ренегатомъ брошюры, по имени Микулой: и тамъ, и здѣсь ренегаты, оставаясь въ тайнѣ вѣрными христіанской религіи, только лицемѣрятъ передъ турками и proprio mutu содѣйствуютъ своимъ единоплеменникамъ овладѣть галерой. Оказывается, что болѣе искаженные варіанты ближе стоятъ къ первоначальной редакціи этой думы, если допустимъ, что на образованіе ея имѣли вліяніе разсказы невольниковъ, освобожденныхъ Симоновичемъ, котораго подвигъ приписанъ Самыйлу Кишкѣ. Нужно сказать однакоже, что и варіанты Лукашевича и Котляревскаго представляютъ многія черты древности въ подробностяхъ, утраченныхъ варіантами Зайкевича и Горленка: таковы, напримѣръ, всѣ реальныя подробности, относящіяся къ описанію турецкой галеры и жизни невольниковъ на галерѣ,—таково въ особенности описаніе въ варіантѣ Лукашевича дѣлежа турецкой добычи, которое могло быть составлено только пѣвцомъ, близко знакомымъ съ дѣйствительностію. Что касается до сравнительной цѣнности обоихъ этихъ варіантовъ, то намъ она представляется въ такомъ видѣ. 1) Въ варіантѣ Котляревскаго рѣзче очерченъ типъ ренегата, суроваго и безпощаднаго: ренегатъ, изображенный въ варіантѣ Лукашевича, принадлежитъ къ разряду людей нерѣшительныхъ, колеблющихся, представляя переходныя черты отъ тайнаго врага турокъ (варіанты Зайкевича и Горленка) къ преданному и вѣрному слугѣ ихъ, котораго по возвращеніи на родину козаки убиваютъ безъ всякой жалости (варіантъ Котляревскаго). 2) Самъ Самыйло Кишка въ варіантѣ Котляревскаго напоминаетъ отчасти Ивана Богуславца: притворно, какъ и этотъ послѣдній, онъ „христыянську виру ламае, а Бога мылосердного въ сердци соби мае“.—По этому случаю Ляхъ-Бутурлакъ пьетъ и гуляетъ съ нимъ, что болѣе естественно, чѣмъ въ варіантѣ Лукашевича, гдѣ Ляхъ-Бутурлакъ послѣ отказа Кишки отъ принятія бу-

Digitized by Google

сурманской вѣры и послѣ наказанія его за это дѣлится съ нимъ напитками, присланными на галеру Алканъ-пашей. 3) Вообще варіантъ Котляревскаго менѣе подвергся амплификаціи, чѣмъ варіантъ Лукашевича. Сильное вліяніе на этотъ послѣдній оказала дума объ Иванѣ Богуславцѣ.

Оно очень замѣтно: а) тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о выходѣ козаковъ изъ галеры на берегъ для избіенія сонныхъ турокъ,—выходѣ неестественномъ и несогласномъ съ обстановкой событія, изображаемаго въ думѣ о Самыйлѣ Кишкѣ,—б) тамъ, гдѣ дивка Санджаковна, уже послѣ избіенія ея единоплеменниковъ, посылаетъ, стоя на пристани, упреки Алкану-пашѣ за ранній отъѣздъ его, не догадываясь, что онъ тутъ ни при чемъ. Справедливо говоритъ Костомаровъ, что „образъ пани Турецкой перенесенъ изъ думы объ Иванѣ Богуславцѣ въ думу о Самыйлѣ Кишкѣ по варіанту Лукашевича и приложенъ къ дѣвкѣ Санджаковнѣ неумѣстно“,—впрочемъ, не потому, что дѣвка Санджаковна ведетъ себя не по турецки, а по украински: какъ въ той, такъ и въ другой думѣ, турецкимъ женщинамъ усвоены черты мѣстныя, украинскія.

Такимъ образомъ, въ четырехъ варіантахъ думы о Самыйлѣ Кишкѣ мы имѣемъ двѣ редакціи ея. Объ онѣ могли образоваться скоро послѣ событія, о которомъ повѣствуетъ итальянская брошюра, на почвѣ поэтическихъ преданій о Самыйлѣ Кишкѣ, несогласныхъ между собой въ изображеніи ренегата. Если допустить появленіе въ то время сперва одной редакціи, а потомъ другой, то преимущество древности нужно отдать полузабытымъ и искаженнымъ варіантамъ Зайкевича и Горленка. Но весьма можетъ быть, что первоначально всѣ варіанты этой думы составляли одинъ цѣльный текстъ, распавшійся на двѣ редакціи, изъ коихъ каждая въ настоящее время имѣетъ по два варіанта.

---

1) Изъ города Козлова до города Трапезона
Гуляла галера цвѣтковзна-малевана,
Четырьма цвѣтами процвѣтанна,
Первымъ цвѣтомъ процвѣтанна—

Digitized by Google

Синими кындяками обвиванна,
Другимъ цвѣтомъ процвѣтанна,
Турецкою червоною габою обвиванна,
А третимъ цвѣтомъ процвѣтанна —
Христіанскою кровью фарбованна,
Четвертымъ цвѣтомъ процвѣтанна —
Неволниками осаженна,
Козацкими гарматами обрыштована.
У той галерѣ пробувало 700 турокъ-янычаръ,
Межъ ними булъ старшій старшиною Алканъ-паша,
Трапезонское дитя молодое.
Около той галеры пробувало 350 козаковъ-неволниковъ.
Уже они 40 лѣтъ въ неволѣ пробуваютъ,
Объ землѣ христіанской ничего не знаютъ.
То межъ ними безъ старшины козацкой не бывало,
Только одинъ бувъ старшій старшиною,
Кишка Самыйло, гетманъ запорозскій [1]),
Другій бувъ старшій старшиною
Судья черкаскій Марко Грачъ [2]).
То вже тогда Алканъ-паша, трапезонское дитя, добре
винъ дбае,
На невольниковъ по два, по три кайдановъ набывае,
Березиною по голыхъ рукахъ христіанскихъ затинае,
Кровью христіанскою слѣды заливае:
«Добре вы, невольники, дбайте,
Скорейше галеру до города Трапезона [3]) доганяйте!»
Тогда невольники за опашны руками хватали,
Изъ глыба (sic) морской воды доставали.
Швыдко галеру Черным моремъ погоняли,
До острова Тендера [4]) приганяли,
Противъ Кефы [5]) города на опочинокъ ставали,

---

[1]) Историческія справки о Самойлѣ Кошкѣ, кошевомъ запорожскомъ, см. Историческія пѣсни Антон. и Драгом., I, 227, а также статью Науменка: „Происхожденіе малорусской думы о Самойлѣ Кошкѣ“ (Кіев. Старина, 1883 г., Іюнь).

[2]) Объ этомъ второстепенномъ лицѣ думы мы не имѣемъ никакихъ историческихъ свѣдѣній.

[3]) Трапезунтъ — резиденція паши, начальника эйалета (намѣстничества).

[4]) Тендеръ — низменный песчаный островъ противъ Кинбурской косы.

[5]) Кефа — городъ или же Кафа — нынѣшняя Ѳеодосія.

Digitized by Google

Тамъ вони соби заночевали.
То Алканъ-паша трапезонскому ополночи приснился сонъ чуденъ да пречуденъ,
То Алканъ-паша отъ сна прочинае,
Промежду турками-янычарами похожае:
«Который бы межъ вами могъ сей сонъ отгадати,
Могъ-бы я его великимъ паномъ наставляти,
Що приснился мнѣ сонъ чуденъ да пречуденъ:
Видится, козаки-невольники моихъ турокъ-янычаръ всѣхъ порубали,
Въ Черное м(ре вкидали,
А видится, Кишка Самійло, гетманъ Запорозскій, мене на руки бралъ,
Мени силечъ (sic) головку снималъ,
Въ Черное море вкидалъ».
То межъ турками-янычарами никто не могъ сего сна отгадати,
Только бувъ межъ ними старшій старшиною Ляшъ (sic) Бутурлака [1]),
Полковникъ переяславскій,
Недовѣрокъ христіанскій,
А винъ клюшникъ галерскій,
Той могъ сей сонъ отгадати,
Сталъ словами промовляти:
«Велю я тебѣ, пане молодый, изъ невольниковъ старые кайданы снимати,
А новыхъ по два, по три набивати,
То будетъ твоя галера въ цѣлости пробувати».
Тогди турки-янычаре изъ невольниковъ старые кайданы снимали,
Новыхъ по два, по три набивали
И скоренько до города Трапезона поспѣшали,
До дѣвки Санжакивны скоро приѣжжали [2]).

---

[1]) Ляшъ Бутурлака—собственное имя изъ нарицательнаго *потурнакъ*—отурченный, потурченный.

[2]) „То есть къ невѣстѣ“—примѣчаніе въ текстѣ рукописи. По варіанту Лукашевича *дивка Санжакивна*, дочь губернатора Козловскаго. Санджакъ состоялъ изъ нѣсколькихъ *хилычей*—уѣздовъ.

Digitized by Google

Стали до города Трапезона приѣжжати,
Стали галеру до берега припинати,
Сталъ Алканъ паша молодый до дѣвки Санжаковны прибувати,
Усихъ турокъ-янычаръ съ собою брати,
Тылько клюшника галерского въ галерѣ оставляти,
То тамъ сталъ пити та гуляти,
Только двохъ турокъ-янычаръ сталъ на подслухи посылати,
Що буде Ляхъ Бутурлака изъ гетманомъ Самійломъ розмовляти.
Тодѣ Ляхъ Бутурлака до Кишки Самила словами промовлялъ:
«Колы бъ ты, Кишко Самійло, свою вѣру христіанску поламалъ,
А нашу бусурманску на себе взялъ,
Ужебъ я тебя съ кайданывъ расковалъ
И съ собою за однимъ столомъ сажалъ».
То Кійшко (sic) Самійло свою вѣру христіанскую будто поламае,
А Бога Милосердного въ сердцѣ себѣ мае.
Ляхъ Бутурлака Кишку Самійла изъ кайданывъ росковалъ
И съ собою за однимъ столомъ сажалъ,
Про козацкіи звычан роспиталъ.
То турки-янычари тогди тое выслухали,
До Алканъ-паши прибували,
Словами промовляли:
«Теперъ, пане молодый, пый та гуляй,
Только Ляха-Бутурлака не забувай.
Алканъ-паша пье та гуляе,
Въ галеру напитки посылае.
Якъ сталъ Ляхъ Бутурлака напиватн,
Сталъ гетману запорожскому по три чарки горилки даваты,
То Кишка Самійло по одной чаркѣ выпивае,
А по другой въ рукава выливае,
А третію чарку черкаскому судьи посылае.
То въже Ляхъ-Бутурлака якъ упывся,
То на лижко свалился,

Digitized by Google

То Кишка Самійло отъ его пьяного съ запояса (sic) ключи отобралъ,
Увсѣмъ (sic) невольникамъ въ руки подавалъ:
«Вы, братцы, сами себя отмыкайте,
Бризку не учините,
Ильяша (sic) Бутурлака не збудите».
Тогда невольники сами себя отмыкали,
Бризку не учинили,
Ляша (sic) Бутурлаки не збудили.
Тогди Кишка Самійло Ляшу бутурлацы (sic) ключи до пояса привязалъ.
О полночной годинѣ Алканъ-паша, дитя молодое, отъ дѣвки Санжакивны изъ турками до галеры прибывае,
То вже самъ лягае,
Спочивае,
И только двухъ турокъ ради осмотрѣнія кайданъ посылае.
То турки межъ невольниками похожали,
За кайданы руками не хватали,
До Алканъ-паши прибывали,
Словами промовляли:
Теперъ ты, пане нашъ молодый, спочивай,
«Только Ляша Бутурлаки не забувай».
Турки пьяны бували,
Великимъ сномъ крѣпко спали.
Кишка Самійло изъ рукъ, изъ ногъ тогди кайданы спускае,
До невольниковъ словами промовляе:
«Невольники, изъ рукъ, изъ ногъ кайданы спускайте,
Бризку не учините,
Турокъ-янычаръ не збудите,
Сабли булатные въ руки хватайте,
Туркамъ головы снимайте,
Въ Черное море вкидайте,
Только Ляша Бутурлака не займайте,
Для порядку козацкаго оставляйте.
Кишко (sic) Самійло Алканъ-пашу, трапезонское дитя молодое, на руки бралъ,
Сплечъ (sic) голову снималъ,
Въ Черное море вкидалъ,
Словами промовлялъ:

Digitized by Google

«Алканъ-паша, трапезонское дитя!
Що тоби во снѣ снилось,
То тебѣ на яви пзтявилось».
Тогда уже Кишко Самійло, гетманъ запорожскій, до козаковъ словами промовляе:
«Ну-мо жъ мы, братця, сію турецкую галеру отъ пристани трапезонской далѣ отгонати».
Якъ стали Черным моремъ поѣжжати,
Стало ясне сонце снихожати (sic),
Сталъ Ляшъ-Бутурлака отъ сна прочинати.
Тогди по галерѣ поглядаѣ (sic),
Що ни одного турка немае,
Тогди до козаковъ словами промовляе:
«Козаки, панове-молодци!
Нехай бы я могъ знати,
Кого межъ вами паномъ назвати».
Козаки словами промовляли:
«Лише Бутурлако,
Полковнику Переяславскій!
Ты и самъ добре знаешъ,
На-що ты насъ пытаешъ»?
Тогди Ляшъ Бутурлака съ лижка вставае,
До Кишки Самыйла приступае:
«Ей, гетмане запорожскій!
Зрадивъ ты мене старого,
И мого пана молодого».
Кишка Самійло словами промовляе:
«Якъ будешъ ты мени сее говорити,
То буду я тебе въ Черное море живьемъ укидати,
А то я тебя могъ для порядку козацкаго оставляти».
Въ обѣдней годинѣ стало ихъ 9 галеръ турецкихъ зострѣчати,
Сталъ Ляшъ Бутурлака словами промовляти:
«Кишко Самыйло,
Гетманъ запорожскій!
Половыну козаковъ въ кайданы забивай,
А половину въ турецкое платье наряжай».
Тогди Кишко Самійло половину козаковъ въ кайданы забывае,
А половину въ турецкое платье наряжае,
Лихъ Бутурлака на чердакъ выхожае,

Digitized by Google

Турецкую короговъ выставляе,
До турокъ-янычаръ словами промовляе:
«Турки-янычари, не близко вы проѣжжайте,
Цытте (sic), не кричите,
Молодого пана моего не збудите,
Бо мій панъ цѣлу ночъ съ дѣвкою Санжакивною гуляль,
А теперъ винъ спочивае».
Тогди турки-янычари тое зачували,
За три версты галеры турецкыи отвертали.
Тогди Ляшъ Бутурлака словами промовляе:
«Ей, ну-те жъ, козаки, галеру швыденько до Сѣчи приганяйте,
Щобъ не могли турки того дознати,
Назалъ галеры привертати».
Стали козаки галеру до города Сѣчи приганяти,
Стали сѣчовые козаки тое забачати,
Стали вони изъ пушокъ гремати:
«Ну-мо мы, братця, сію турецкую галеру розбивати,
Щобъ могли турки въ Черномъ море (sic) потопати».
Ляшъ Бутурлака тое забачае,
До Кишки Самыйла словами промовляе:
«Кишко Самыйло,
Гетманъ Запорожскій!
Ты межъ козакамы пробуваешъ,
Козацкихъ звычаевъ не знаешъ...
Цвѣтную козацкую крещату хороговъ на чердакъ выноси,
Будутъ сѣчевые козаки тое забачати,
Будутъ пашу галеру козацкую крюками за лавки хватати,
До берега ближе притягати,
А то намъ доведется на Черномъ море пропадати».
Кишко Самійло червону короговъ крещату на чердакъ выставляе,
Сѣчевые козаки стали познавати,
Стали въ лодки сѣдати,
Стали близчѣ приѣжжати,
За лавки галеру крюками хватати,
Стали до берега близче притягати,
Стали козаки съ галеры на берегъ выступати,

Digitized by Google

Семене Скалозубе гетмане до галеры ближче приступае [1]).
Гетмана запорожского Самыйла тамъ пизнавае,
И ще до его словами промовляе:
«Кишко Самыйло, гетмане запорожскій,
Сорокъ годивъ ты въ неволѣ пробувалъ,
Ни одного козака изъ войска своего не утерялъ».
Тогди Кишко Самыйло изъ галеры выступае,
Семена Скалозуба въ турецкую одежу наряжае,
На (sic) козакивъ словамы промовляе:
«Козаки, панове-молодцы! Ляша Бутурлаку изрубайте,
А то мы тогди его не рубали,
Що для порядку козацкаго оставляли».
Приѣхалъ Кишко Самыйло, гетманъ запорожскій, въ осени о Покровѣ,
Та умеръ въ Филиповку объ Николаѣ.

10.

Пирятинскій Поповичъ Алексѣй [2]).

Древнѣйшіе элементы этой думы указаны Потебней. Таковы поэтическіе образы въ самомъ началѣ ея, стоящіе въ непосредственной связи между собою: *море*, *бѣлый камень*, на которомъ сидитъ *соколъ*; онъ смотритъ на море и „квылыть—

[1]) Скалозубъ Семенъ, кошевой запорожскій, жившій во второй половинѣ XVI вѣка: см. замѣтку о немъ въ Историч. пѣс. малорус. народа. Антон. и Драгом., I, 228.

[2]) Есть много варіантовъ этой думы. Почти всѣ они помѣщены въ изданіи Антоновича и Драгоманова: Историч. пѣсни малорус. народа, 1874 г., 176—201. Здѣсь не достаетъ только 1) варіанта, довольно сжатаго, помѣщеннаго у Цертелева (Опытъ собранія старин. малор. пѣсенъ, 1819, 26—29), 2) варіанта Котляревскаго и 3) варіанта, помѣщеннаго въ сборникѣ пѣсенъ, изданныхъ Кирѣевскимъ, 1860 г., вып. IV, приложенія, стр. XXIII—XXVI, который отличается отъ всѣхъ варіантовъ нѣкоторыми особенностями: Алексѣй Поповичъ предлагаетъ козакамъ не просто бросить его въ море, но отрубить ему сперва голову, и потомъ бросить трупъ его въ море,—когда же козаки на это не согласились, то онъ самъ проситъ ихъ „хочъ на ливий руци" отрубить мизинный палецъ—и пустить въ Черное море кровь Христіанскую: когда море начнетъ „кровь хрыстіянскую учувати", говоритъ онъ, тогда „Господь Мылосердный буде насъ рятувати". Не сказано, сдѣлали ли это козаки, сказано только, что море утихло.

Digitized by Google

проквыляе", потому что видитъ на морѣ *бурю*, которая „*корабль* потопляе [1])". Особенно любопытно сходство поэтическихъ мотивовъ, лежащихъ въ основаніи нашей думы и болгарской пѣсни о Станкевичѣ Дукѣ, а также цѣлаго ряда Сербскихъ пѣсенъ [2]). Это послѣднее сопоставленіе переводитъ вопросъ о происхожденіи думы объ Алексѣѣ Поповичѣ на почву фольклорныхъ заимствованій, оставленныхъ Потебней безъ объясненій.

Не менѣе любопытны соображенія, высказанныя многими учеными о генетической связи между былиннымъ Алешей Поповичемъ и малорусскимъ Олексіемъ Поповичемъ [3]). Все это съ большею или меньшею вѣроятностію указываетъ на сложный составъ нашей думы, переработанный пѣвцами въ своеобразномъ стилѣ казацкаго эпоса. На малорусской почвѣ прозвище Поповичъ могло найти поддержку и въ томъ обстоятельствѣ, что творцу думы о бурѣ на Черномъ морѣ необходимо было грамотное лице, которое скрѣпило бы обычную семейную мораль, выраженную въ думѣ, авторитетомъ „святого письма", а имя *Олексій*, какъ извѣстно, пользуется большою популярностью между лирниками и кобзарями, поющими извѣстный стихъ объ Алексѣѣ, божьемъ человѣкѣ. Есть, впрочемъ, варіанты этой думы, въ которыхъ рѣчь идетъ не объ Алексѣѣ Поповичѣ, а о двухъ братьяхъ, застигнутыхъ бурею на Черномъ морѣ [4]). Въ минуту опасности они исповѣдываютъ другъ другу грѣхи свои, и буря утихаетъ. Грѣхи у нихъ тѣ же, что и у Алексѣя Поповича, нравоучительную мысль они высказываютъ ту же, что и Алексѣй Поповичъ. Конечно, варіанты съ именемъ Алексѣя Поповича имѣютъ преимущество древности, въ особенности тѣ изъ нихъ, въ которыхъ упоминается объ умилостивленіи бушующаго моря цѣ-

---

[1]) Объясненіе малорус. и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, II, 301.

[2]) Ibidem, 305—310.

[3]) Въ первый разъ высказаны они въ голословной формѣ Безсоновымъ въ приложеніяхъ къ IV выпуску пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ (XX—XXVII), повторены Л. Майковымъ и О. Миллеромъ,—развиты и научнымъ образомъ мотивированы А. Н. Веселовскимъ (Южнорус. былины, III—XI, 279) и Н. П. Дашкевичемъ (Чтенія въ историч. обществѣ Нестора Лѣтописца, 1889 г., кн. IV, 60—62).

[4]) Историч. пѣсни малорус. народа, Антоновича и Драгоманова, I, 190—200.

Digitized by Google

ною жизни Алексѣя Поповича. Не пускаясь въ обширную область миѳологическихъ сближеній, указываемъ на то обстоятельство, что въ думѣ преданіе о жертвѣ морю отозвалось въ смягченной формѣ: козаки приготовили Алексѣя Поповича въ жертву морю, но ограничились тѣмъ, что пустили только кровь въ море изъ его мизиннаго пальца.

На черномъ море,
На бѣломъ камени,
Сидитъ ясенъ соколъ,
Квилитъ, дуже проквиляетъ,
На Чорное море испилня поглядаетъ,
Что на Чорномъ море не добре починаетъ:
На святомъ небѣ всѣ звезды помрачило,
Половина мѣсяца въ тьму вступило,
Изъ чистаго поля буенъ вѣтеръ повѣваетъ,
На Черномъ море супротивну валечну филю изрываетъ...
Скоро супротивную валечну филю сорвало,
Козацкое судно на три части розбивало:
Первую часть отбило,
Въ дунайское гырло забило [1]),
А другую часть отбило,
Въ Арапскую землю заносило,
Третію часть середъ Чорнаго моря потопило...
На той части потопаетъ триста пятьдесятъ козаковъ,
Межъ ними безъ старшины козацкой не бывало,
Только былъ одинъ старшій старшиною Грицко Зборовскій [2]).
Гетманъ запорожскій Коломіенко [3]),
А другой былъ старшиною Алексѣй Поповичъ Пирятинскій,

---

[1]) „Чортове окно"—примѣчаніе записавшаго думу.

[2]) Грицкомъ Зборовскимъ названъ въ думѣ извѣстный авантюристъ польскій Самуилъ Зборовскій, бывшій кошевымъ запорожскимъ въ восьмидесятыхъ годахъ XVI вѣка. См. о немъ Историч. пѣсни малорус. народа, Антон. и Драгом. I, 202, а также Pamętniki o Sam. Zborowskim, zebrane przez L. S., Poznań, 1844 г.

[3]) Коломіенко—тотъ-же Зборовскій, такъ какъ родомъ онъ былъ изъ Коломіи (изъ г. Злочева).

Digitized by Google

Козаче войсковый,
Писарь лійстровый.
То якъ стало судно потопати,
Сталъ Грицко Зборовскій на чердакъ выхождати,
Сталъ словами промовляти:
«Козаки, панове молодцы!
Который межъ вами козакъ найбольшій грѣхъ соби мае,
Може черезъ того наше судно козацкое потопае,
То добре вы, братця, дбайте,
Милосердному Богу, и Черному морю и всему выйску днѣпровому, и мнѣ, атаману кошевому, грѣхъ свой откривайте:
Нехай вы будете одинъ въ море потопати,
За собою войска козацкаго, запорожскаго не занапащати!»
То всѣ козаки замолчали,
Бо ни одинъ въ грѣхахъ не чували,
Тылько обызвется одинъ Алексѣй Поповичъ пирятинскій,
Козаче высковый (sic),
Писаръ лійстровый:
«Добре вы, братцы, дбайте,
Изъ мого тугого лука шелковую тетиву взнимайте,
Назадъ мнѣ рукп козацкіе завяжите,
До шеп тяжкій камень привяжите,
Чернымъ оксамытомъ мнѣ очп завяжите,
Та въ Черное море меня упустите:
Нехай я буду въ Черномъ море потопати,
За собою выйска козацкаго не занапащати».
Тогда козаки тое зачували,
Словами промовляли:
«Алексѣю, Поповичу Пирятинскій!
Ты святое письмо читаешъ,
Насъ, простыхъ людей, на все добре научаешъ:
На що соби великій такій грѣхъ уже маешъ?»
Алексѣй Поповичъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Хочъ я святое письмо читаю
И васъ, простыхъ людей, на все добре научаю,
Я соби найбольшій всѣхъ васъ грѣхъ маю:
Що я отъ отца своего, отъ паниматки изъ города Пирятина
въ охотное войско выѣжжалъ,

Digitized by Google

Я съ отцемъ и панiматкою прощенiя не принiмалъ,
Я отца своего и панiматку стременами въ груди отъ себя отпихалъ,
Старшого своего брата зневажалъ,
Старшую свою сестру сильно проклиналъ,—
Що я, панове, самъ не добре починалъ,
Что кровъ христiанскую безъневинно проливалъ,
По городу Пирятину поѣзжалъ, дѣтокъ маленькихъ добрымъ конемъ розбивалъ:
Отъ тѣмъ мене Господь милосердный на великой потребѣ покаралъ».
То Грицко Зборовскiй тое зачувае.
Словами промовляе:
«Козаки панове-молодцы,
Добре вы, братця, дбайте,
Алексѣя, Поповича пирятинского, на чердакъ выводите,
Справой (sic) руки пальца-мизинца урубайте,
Христiянскои крови въ Черное море впускайте:
Якъ будетъ Черное море кровъ христiинскую пожирати,
То буде на Черномъ море супротивна валечна филя утихати».
Тогда козаки добре дбали,
Алексѣя, Поповича пирятинского, на чердакъ выводили,
Справои руки пальца-мизинца урубали,
Христiянскую кровъ въ Черное море впускали...
Стало Черное море кровъ христiянскую пожирати,
Стала на Чорномъ море супротивная валечная филя утихати,
Стало судно козацкое, ниби руками, на берегъ выкидати,
Стали козаки изъ судна на песокъ выходити,
Стали въ четыре ряды на песку становити,
Сталъ Алексѣй, Поповичъ пирятинскiй, межъ всѣми козаками прохожати,
Сталъ до козаковъ словами промовляти:
«Щасливой то человѣкъ въ свѣтѣ бувае,
Отцевой-панiматчиной молитвы почитае,
Отца и матери молитва изо дна моря душу вынимае,
Отъ грѣховъ сумертвенныхъ (sic) откупляе,
Предъ Праведнымъ Судiею поставляе...»

11.

Атаманъ Матяшъ старый.

Мы не имѣемъ варіантовъ къ этой думѣ, поэтому о текстѣ ея ничего не можемъ сказать положительнаго. Замѣтимъ только, что едва-ли могла имѣть мѣсто въ первоначальномъ текстѣ думы сказочная гипербола о томъ, что Атаманъ Матьяшъ и его двѣнадцать козаковъ побѣждаютъ цѣлыя тысячи турокъ. Самъ Матьяшъ есть лице, неизвѣстное въ исторіи. Событіе, о которомъ рѣчь идетъ въ думѣ, относится къ числу заурядныхъ явленій въ пограничныхъ столкновеніяхъ козаковъ съ татарами и турками.

На устьи Самары—Богу [1])
Семенова козацкаго рогу [2])
Уси поля самарскія пожарами погорѣли,
Только два терны-байраки не горѣли,
Що подъ собой гостей великихъ имѣли:
Тамъ вробувало 12 козаковъ бравославцевъ-небувальцовъ [3]).
Межъ ними былъ Атаманъ Матяшъ старенькій.
Стали козаки вечера дожидати,
Стали терновые огни раскладати,
Стали по чистому полю кони козацкіе пускати,
Стали козацкіе седла отъ себе далеко откидати,
Стали козацкіе семипядные пищали по-за кустамиховати.

---

[1]) Костомаровъ, измѣнивъ слова подлинника (*на устьи Самарки-Богу*), предполагалъ въ Самарѣ рѣчку Савранку, впадающую въ р. Бугъ (Исторія козачества въ произведеніяхъ народ. пѣсен. творчества, отд. оттискъ, 48). По нашему мнѣнію, топографія думы затмилась въ сознаніи позднѣйшихъ пѣвцевъ ея.

[2]) Въ исторіи о козакахъ запорожскихъ кн. Мышецкаго находимъ интересную замѣтку объ этой мѣстности: „Вышелъ изъ Польши одинъ человѣкъ, именемъ Семенъ, на устье Бугъ рѣки, въ Лиманъ, на одну косу, которая коса и донынѣ зовется Семеновъ рогъ, для своихъ промысловъ, и будучи на оной косѣ одно лѣто, пришелъ домой, и какъ провѣдали тамошнее довольствіе ближніе его сосѣди, то предались къ нему человѣкъ болѣе ста для оныхъ промысловъ, а оного Семена стали у себя имѣть атаманомъ“ (стр. 1—2).

[3]) Козаки *бравославцы-небувальцы*, вѣроятно, *Браславцы*, не бывавшіе въ военныхъ походахъ.

Digitized by Google

Атамане Матяшъ старенькій тое зачувае,
Словами промовляе:
«Козаки, панове молодцы!
Не безпечно вы майте,
Козацкихъ коней изъ препона не пущайте,
Сѣдла козацкія подъ головы покладайте,
Бо се долина Кайнарская,
Недалече здесь земля татарская.
Тогда козаки съ Атамана Матяша насмѣхали:
Десь ты, Атамане Матяшу старенькій, межъ козаками не бывалъ,
Де-сь ты козацкои каши не ѣдалъ,
Де-сь ты козацкихъ звычаевъ не зналъ,
Що ты намъ козакамъ православцамъ, велпкій страхъ задалъ».
Тогда Атаманъ Матяшъ отъ нихъ далеко отступалъ,
Терновый огонь роскладалъ,
Коня свого козацкого оспдлалъ,
Биля себе препиналъ.
То саме въ ночи зождавъ малую годинку, невелику часпнку,
Якъ пе буйные вѣтры повѣвали,
Якъ турки-янычары съ чистаго поля въ долину припали,
12 козаковъ православцевъ-небывальцевъ въ полонъ забрали.
Атаманъ Матяшъ старенькій на добраго коня сѣдаетъ,
6 тысячъ турокъ-янычаръ побѣждаетъ,
Православцевъ-небывальцевъ изъ полону отбиваетъ,
Щей словами промовляетъ:
«Козаки православцы-небывальцы!
На кони козацкіе сидайте,
Мнѣ, старому, помощи давайте»!
Тогда козаки на кони сидали,
4 тысячи безбожныхъ бусурмановъ побѣждали,
Сребро и злото турецкое отъ нихъ забирали,
До города Сѣчи свиденько (sic) поспѣшали,
Въ городѣ Сѣчи безпечно себе мали,
Серебро и золото турецкое между собою раздѣляли,
За Атамана Матяша Господа-Бога прохали:
«Десь твоя мати въ небѣ пресвятилась,
Що тебе [1]) ..... породила,

[1]) Слово не разобрано. Кажется—„тебе *лицира да* породила“.

Digitized by Google

50) Що ты въ чистомъ полѣ пробувавъ,
Изъ насъ, бравославцевъ-небывальцовъ, ни одного козака изъ войска не утерялъ.

12.

Вдова Сирка Ивана.

Дума эта сохранилась только въ рукописи Котляревскаго. Но о сыновьяхъ Ивана Сѣрка были, вѣроятно, пѣснопѣнія народныя, судя по нѣсколькимъ стихамъ, уцѣлѣвшимъ въ думѣ объ Иванѣ Богуславцѣ, которая записана была г. Носомъ въ Конотопѣ; начинается она обращеніемъ къ Сирку Роману, о которомъ горюетъ мать его Сирчиха въ печатаемой ниже думѣ, какъ объ умирающемъ своемъ сынѣ:

«Ой Лымане, Лымане,
Ты, Сирку Романе,
Да гей же ты, Сирку Романе!
Ой що будемъ робыты,
Нема козакамъ по чарци горилки де взяты,
Да гей же, де взяты!» [1]).

Стихи эти не имѣютъ никакой связи съ дальнѣйшимъ содержаніемъ думы.

Трагическое положеніе матери-Сирчихи обрисовано въ думѣ Котляревскаго просто и сильно. Безъ всякаго сомнѣнія, Гоголь могъ ничего не знать о Сирчихѣ, но поэтическимъ чутьемъ своимъ, воспитаннымъ на малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ, понялъ состояніе души ея, когда разсказывалъ о женѣ Тараса Бульбы, которая „приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ, глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться.... На мигъ только она жила любовью, только въ первую горячку страсти, въ первую горячку юности, и уже суровый прельститель ея покидалъ её для сабли, для товарищества, для

---

[1]) Историческія пѣсни Антон. и Драгоманова, 1874, I, 241

Digitized by Google

бражничества“.... Съ Ивана Сирка какъ будто-бы писалъ Гоголь портретъ Тараса Бульбы. Тонъ думы документальный, но въ текстѣ ея есть слѣды искаженія (см., напр., стихи 48, 49, 50).

---

1) Въ городѣ Мерефѣ [1]) жила вдова,
Старенькая жена,
Сирчиха—Иваниха,
Она 7 лѣтъ пробувала
Сирка Ивана въ очи не видала [2]).
5) Только соби двохъ сыновъ мала,
Первого сына Сирченка Петра,
Другова (sic) сына Сирченка Романа,
Она ихъ до зросту держала,
10) Ище отъ нихъ славы—памяти по смерти сподивала.
Якъ сталъ Сирченко Петро выростати,
Сталъ своей мати (sic) старенькой питати:
«Мати моя, старая жено,
Сколько я у тебѣ пребуваю,

---

[1]) „Къ Дону“—вставка въ текстѣ рукописи. Мерефа городъ—нынѣ козацкая слобода, при р. Мерефѣ, Харьковскаго уѣзда.

[2]) О Сиркѣ Иванѣ см. выше. Въ дополненіе къ характеристикѣ этого знаменитаго героя Украины выписываемъ изъ лѣтописи Величка извѣстіе о смерти и погребеніи его: „Того жъ лѣта (1680) Иванъ Сѣрко, славный Атаманъ кошовій, въ Грушовцѣ, пасѣцѣ своей, чрезъ нѣколикое время поболѣвши, преставился отъ жизни сея августа 1, и припроваженній водою до Сѣчи Запорожской, и погребенъ чесно всѣмъ войскомъ Низовымъ Запорожскимъ въ полю за Сѣчою, гдѣ нынѣ товариство запорожское погребалося. Погребенъ тежъ знаменито августа 2, зъ многою арматною и мушкетною стрелбою и со великою всего войска Низового жалостію, яко по томъ вождю своемъ справномъ и щасливомъ, который отъ младости ажъ до старости своея военными бавячися промыслами, не тилко значне Кримъ воевалъ и нѣкоторіи въ немъ попалилъ гради, такъже и въ поляхъ дикихъ на розныхъ мѣсцахъ многіе татарскіе громилувалъ чамбули, и плѣненній ясиръ Христіянскій отгромилувалъ, але и въ Черное море лотками вылинувши, на розныхъ мѣсцахъ не малѣе Бѣсурманамъ чинилъ шкоди и раззоренія, а по морю Чорному кораблѣ и катареи, зъ Константинополя въ Кримъ, Азовъ и на инніе мѣсца плывучіе,—громилувалъ и зъ великими здобычами щасливе зъ войскомъ запорожскимъ до коша своего повертался, которого все войско зѣло любило и за отца своего почитало. Погребши же его, яко вышей рѣкомъ зъ жалостію, значную надъ нимъ могилу высипало, и крестъ каменній на ней поставило, зъ належитимъ имени и дѣлъ его подписомъ“. (Ст. 2, Стр. 497—498).

Digitized by Google

Отца своего, Сирка Ивана, въ очи не видаю:
Нехай бы я могъ знати,
Гдѣ своего отца, Сирка Ивана, шукати».
Вдова стара промовляла:
«Пошой (sic) твой отецъ до стародавняго
Тору [1]) пробувати,
Тамъ сталъ онъ свою голову козацкую покладати».
То вже Сирченко Петръ тое зачувае,
Пилипа Мерефіянскаго съ собою подмовляе,
Голуба Волошина за джуру [2]) у себе мае.
Стали вони до стародавняго Тору приѣжжати,
Атамана Торскаго, Яцка Лохвицкаго познавати;
Отамане Торскій, Яцко Лохвицкій, изъ курення выхожае,
Словами промовляе,
Сирченка Петра познавае:
Сирченку Петре, чого ты сюда приѣжжаешь,
Десь ты своего отца, Ивана шукаешъ»?
Сирченко Петро словами промовляе:
«Отамане Торскій, Яцко Лохвицкій [3])
Я 7 годъ пробуваю,
Отца своего, Сирка Ивана, въ очи не видаю».
То вже Сирченко Петро съ козаками опрощеніе приймае,
До трехъ зеленихъ байракивъ прибувае.
Козаки до Сирченка Петра словами промовляли:
«Сирченку Петре, не безпѣчно себе май,
Коней своихъ козацкихъ отъ себе не пускай».
А Сирченко Петро на тее не повѣряе,
Подъ тернами байраки (sic) легае (sic)—спочивае,
Кони свои козацки далеко отъ себѣ пускае,
Только Голуба Волошина до коней посылае.
Турки тое забачали,
Изъ терниивъ, изъ байракивъ выбегали,
Голуба Волошина у полонъ до себе брали,

---

[1]) „Рѣка“ вставка въ текстѣ рукописи. Торъ—заштатный городъ Славянскъ Харьковской губ., на р. Торцѣ: это была козацкая стоянка на границѣ между Московскимъ государствомъ и татарскою степью.

[2]) „Слуга“—вставка въ текстѣ рукописи.—Волошинъ—молдаванинъ.

[3]) О второстепенныхъ лицахъ думы—Пилипѣ Мерефіянскомъ и Яцкѣ Лохвицкомъ—мы не имѣемъ никакихъ историческихъ указаній.

Digitized by Google

Ище словами промовляли:
«Голубе Волошине! Не хочемъ мы ны (sic) твоихъ коней вороныхъ,
Хочемъ мы добре знати,
Щобъ твого пана молодого изрубати».
Голубъ Волошинъ словами промовляе:
«Турки!
Коли можете вы мене отъ себе пускати,
Могу я самъ ему сплечъ головку сняты»
Турки того дознали,
Голуба Волошина отъ себе пускали.
Голубъ Волошинъ до Сирченка Петра прибувае,
Словами промовляе:
«Сирченку Петре, пане молодый,
На добраго коня сѣдай,
Межъ турками поспѣшай!»
Не успѣлъ Сирченко Петре межъ турки-яничари вбѣгати,
Могъ ему Голубъ-Волошинъ сплечъ головку снати.
Тогда турки Пилипа Мерефіянскаго округъ оступали,
Сплечъ головку козацьку снимали,
Козацьке тѣло посѣкли-порубали.
Козаки стародавные тое забачали,
На добрые кони сѣдали,
Турокъ побѣждали,
Козацьке тѣло позбирали,
До стародавняго куреня привозили,
Суходолъ саблями копали,
Шапками-приполами землю носили,
Козацкое тѣло схоронили.
Атаманъ Торскій, Яцко Лохвицкій, тое зачувае.
До вдовы старенькой, Спрчихи-Иванихи, въ городъ у Мерефу
письмо посылае,
Сирчиха-Иванiха письмо читае,
Словами промовляе,
Къ сырой землѣ крыжемъ упадаетъ,
«Что вже теперь на моей головѣ три печали пробуває:
Первая печаль, что я 7 годъ пробувала,
Сирка Ивана въ очи не видала,
Другая печаль, что Сирченка Петра на свѣтѣ живого немае,
Третия печаль, что Сирченко Романъ умирае».

Digitized by Google

13.

Разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ.

За отсутствіемъ варіантовъ этой думы, а также указаній въ самомъ содержаніи ея на историческія лица и событія, мы не можемъ даже приблизительно опредѣлить первоначальную редакцію ея.

Питается Днѣпръ тихаго Дуная:
«Тихій Дунаю,
Что я своихъ козаковъ на тебѣ не видаю?
Чи твое дунайское гирло моихъ козаковъ пожерло,—
Чи твоя Дунай-вода моихъ козаковъ забрала»?
Промолвитъ тихій Дунай до Днѣпра-Славута (sic) [1]):
«Днѣпръ-батьку, славуто!
Самъ себѣ думаю да гадаю,
Что твоихъ козаковъ у себѣ не видаю:
Уже чтверь (sic) года три мѣсяца выбывае,
Якъ твонхъ козаковъ у меня немае,
Ни мое дунайское гирло твоихъ козаковъ не пожерло,
Ни моя дунайска вода твоихъ козаковъ не забрала,
Ихъ турки не постреляли, не порубали,
До города-царя въ полонъ не забрали...
Всѣ мои квити луговые и низовые цонидели,
Что твоихъ козаковъ у себя не видѣли.
Твои козаки на черкеской горе пробуваютъ,
Холодной воды въ барила набираютъ,
Шляхи и дороги замѣчали,
Городы бусурменски плюндрували,
Огнемъ мечемъ воевали,
Сребра-злата по достаткахъ набирали,
До рѣчки Хортеци прибували,
Велику переправу соби мали,
До стародавной Сѣчи поспѣшали,

---

[1]) *Славута*-Днѣпръ—старинный эпитетъ Днѣпра, перешедшій въ думы изъ поэтическихъ преданій кіевской эпохи.

Digitized by Google

У стародавной Сѣчи очертою (sic) сѣдали,
Сребро и злато турецьке на три части паивали.
Медъ и оковиту горѣлку подпивали,
За весь миръ Господа прохали...
Которие козаки чистымъ полемъ гуляли,
Рѣчки низовыя, помощницы днѣпровыя, добре знали»..

Подведемъ итоги наблюденіямъ нашимъ надъ текстомъ малорусскихъ думъ по рукописи А. А. Котляревскаго.

Собственно говоря, наглядно-документальный интересъ представляютъ въ ней три новыя думы, которыя не извѣстны были собирателямъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ. Что касается до варіантовъ къ извѣстнымъ уже думамъ, то они въ большинствѣ случаевъ *редактированы* позже, чѣмъ многіе другіе варіанты, *записанные* позже, поэтому не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и во второй половинѣ XIX вѣка не потухла еще въ пѣвцахъ народныхъ думъ поэтическая искра, въ которой довольно явственно можно различать отраженіе стариннаго поэтическаго творчества. Мы имѣли въ виду уловить это отраженіе посредствомъ сравненія думъ, помѣщенныхъ въ рукописи Котляревскаго, съ варіантами ихъ рукописными и печатными. Мы старались опредѣлить, такъ сказать, первоначальное гнѣздо каждой думы и такимъ образомъ приблизительно указать первоначальную редакцію ея, созданную мѣстными потребностями мысли и жизни. Само собою разумѣется, что, называя тотъ или иной варіантъ извѣстной думы первоосновой ея, мы желали только выдвинуть этотъ варіантъ, какъ наиболѣе близкій къ первоосновѣ, которая по свойству устнаго поэтическаго творчества никогда не можетъ быть открыта въ ея неприкосновенности. Вообще же при оцѣнкѣ разныхъ варіантовъ мы не переходили за черту тѣхъ данныхъ, которыя даетъ намъ ближайшая, собственно козацкая старина, предоставляя другимъ болѣе насъ компетентнымъ силамъ искать въ думахъ отзвуковъ старины болѣе отдаленной. Руководствовались мы въ своемъ трудѣ разными соображеніями.

Digitized by Google

I. Варіанты, въ которыхъ сохранились намеки на доказацкую старину, мы считали древнѣе тѣхъ варіантовъ, въ которыхъ при единствѣ и даже тождествѣ текста нѣтъ этихъ намековъ.

II. Варіанты, не отступающіе отъ основной темы и не осложненные подробностями, хотя бы и согласующимися съ темой, но, во всякомъ случаѣ, второстепенными, мы тоже считали ближе стоящими къ первоосновѣ думы.

III. Если въ пѣсняхъ развивается мотивъ семейный, обыкновенно замѣняемый въ думахъ мотивомъ общественнымъ, то отсюда мы дѣлали заключеніе, что дума образовалась изъ пѣсни, при чемъ ближе къ моменту образованія ея стоятъ, по нашему мнѣнію, тѣ варіанты, въ которыхъ менѣе развитъ мотивъ общественный.

IV. Думы, тождественныя по содержанію съ пѣснями, но съ обычной нравоучительной мыслью, мы считали переработкой пѣсеннаго матеріала, а тѣ варіанты думъ—болѣе дрезними, которые по своему содержанію ближе стоятъ къ пѣснямъ.

V. Если же фабула думы возникла независимо отъ пѣсенъ и только усвоила изъ нихъ тѣ или другіе поэтическіе образы, то на этомъ основаніи мы дѣлали противоположное заключеніе, полагая, что ближе стоятъ къ первоначальной редакціи такой думы тѣ варіанты ея, въ которыхъ нѣтъ вставокъ изъ пѣсенъ. Иногда подобныя вставки появляются не изъ пѣсенъ, а изъ другой какой-нибудь думы, гдѣ онѣ органически связаны съ ея главнымъ сюжетомъ: въ такомъ случаѣ намъ казались болѣе древними тѣ варіанты думы, которые вполнѣ свободны отъ всякихъ вставокъ.

VI. Впрочемъ, и въ варіантахъ, подвергшихся вліянію другихъ думъ и заключающихъ въ себѣ ненужныя изъ нихъ вставки, сохраняются иногда черты древности, всегда ощутимой въ реальномъ изображеніи мелочей жизни, которыя могли быть извѣстны только лицу, жившему въ очень давнее время. Иногда въ полузабытой и краткой редакціи есть слѣды первоосновы, которая въ давнее время могла распасться на двѣ редакціи. Чѣмъ рѣзче отличается одна редакція отъ другой, тѣмъ болѣе давнимъ нужно считать это распаденіе.

Digitized by Google

VII. Варіанты, изображающіе козака-воина въ суровой простотѣ козацкаго быта, по нашему мнѣнію, ближе стоятъ къ первоначальной редакціи думы, чѣмъ тѣ варіанты, въ которыхъ тотъ-же козакъ является уже въ болѣе роскошной обстановкѣ козацкой старшины.

VIII. Если въ цѣломъ рядѣ варіантовъ нравственныя черты дѣйствующихъ лицъ вырисовываются съ возрастающей ясностію и отчетливостію, и мы видимъ предъ собою какъ бы цѣлый процессъ обработки характеровъ, то варіанты менѣе обработанные мы должны были считать болѣе древними—конечно—при полномъ отсутствіи въ нихъ слѣдовъ искаженія и явнаго забвенія первоначальнаго текста.

IX. Иногда въ разныхъ варіантахъ одно и то же лицо изображено въ разные моменты его жизни, при чемъ измѣняются, какъ положеніе, такъ и поступки этого лица: въ такомъ случаѣ мы допускали исходный моментъ, а варіантъ, въ которомъ воспроизведенъ этотъ моментъ, считали древнѣйшимъ.

Однимъ словомъ, руководящею нитью въ анализѣ думъ служило для насъ то положеніе, что болѣе простое предшествуетъ болѣе сложному, а такъ какъ форма думы сложнѣе, чѣмъ форма обыкновенной пѣсни, то первоначальнымъ моментомъ въ литературной исторіи думъ нужно считать нравственную потребность пѣвцовъ воспользоваться пѣсеннымъ матеріаломъ для нравоучительныхъ или же общественныхъ цѣлей. Но, создавая новую поэтическую форму, они должны были обладать такимъ складомъ мысли, который заключалъ въ себѣ нѣчто новое, если не совсѣмъ чуждое народному пѣсенному творчеству, то мало присущее ему.

Подъ этимъ *нѣчто* мы разумѣемъ *рефлексію*, наклонность къ обобщенію явленій жизни, воспитанную книжными вліяніями, которыя изъ старинной южнорусской школы направлялись къ народной массѣ разными путями. На этой почвѣ взаимодѣйствія народнаго и школьнаго міровоззрѣнія, пѣсеннаго и виршеваго творчества, выработались техническіе пріемы *думнаго* творчества, о которыхъ мы говорили въ первой главѣ нашего изслѣдованія. Такимъ образомъ, въ этомъ послѣднемъ творчествѣ

Digitized by Google

мы должны признать литературный актъ, закрытый отъ насъ осложненіями устной передачи. Конечно, мы не имѣемъ возможности выдѣлить его въ видѣ указанія на самодѣятельную, личную, такъ сказать, книжность творца той или другой думы, тѣмъ болѣе, что на всѣхъ творцевъ думъ школа оказывала однородное вліяніе. Одно можно сказать съ полною увѣренностью, что сильнѣе выступаетъ этотъ актъ тамъ, гдѣ нѣтъ пѣсенныхъ мотивовъ. Таковы именно думы о Богданѣ Хмельницкомъ, какъ объ этомъ замѣтили мы выше. По всему видно, что это думы позднѣйшія, какъ по содержанію, такъ и по литературному складу, который началъ вырабатываться раньше, на почвѣ пересозданія пѣсеннаго матеріала.

Могла продолжаться и прежняя поэтическая техника, состоявшая подъ вліяніемъ пѣсенъ, но она не составляла уже господствующаго начала въ вѣкъ Богдана Хмельницкаго. Судя по яркому колориту думъ о немъ, видно, что онѣ слагались подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій, которыя глубоко врѣзывались въ народную память: между событіемъ и появленіемъ самихъ думъ не было посредствующихъ ступеней въ видѣ прозаическихъ сказаній или же пѣсенныхъ преданій. Вотъ почему онѣ почти свободны отъ анахронизмовъ и всякихъ несообразностей, присущихъ народному эпосу вслѣдствіе недостатка въ народномъ сознаніи исторической перспективы.

Можно полагать поэтому, что онѣ ближе стоятъ къ первоначальному тексту, чѣмъ думы болѣе ранняго періода, которыя долѣе обращались въ устахъ народа, поэтому и дошли до насъ въ большемъ количествѣ варіантовъ—сравнительно съ думами, изображающими дѣянія и подвиги Богдана Хмельницкаго. Впрочемъ, и въ думахъ давнихъ, менѣе сохранившихъ печать первоначальнаго творчества, не затерялись, какъ мы видѣли, слѣды непосредственныхъ впечатлѣній жизни, доказывающіе, что не только творцы, но и пѣвцы думъ могли быть свидѣтелями и даже участниками въ боевой жизни козачества. Сохранилось извѣстіе отъ 1711 года, что на Запорожьи слѣпыхъ музыкантовъ принимали въ полковую службу и выдавали имъ

Digitized by Google

жалованье наравнѣ съ зрячими [1]). Въ составъ этой полковой музыки могли попадать люди, одаренные искрой поэтическаго огня и въ то же время совмѣщавшіе въ себѣ книжное настроеніе съ народнымъ,—поэтому неудивительно, если тамъ же, въ запорожской Сѣчи, съ самаго основанія ея возникали мотивы многихъ думъ, изобиловавшіе реальнымъ содержаніемъ и, можетъ быть даже, воспроизведенные въ поэтической формѣ думъ, которыя разносились потомъ по всей Украинѣ, получая дальнѣйшую обработку въ полу-народной, полу-книжной средѣ, постоянно поддерживаемой шпиталями и народными школами.

[1]) Кіевская Старина, 1892 г., Ноябрь, 296.

Digitized by Google

Замѣченныя опечатки.

Стран.	8	*строка*	2 снизу: 1848 г.,	*слѣд.*	*читать:*	1849 г.
„ „	9	„ „	2 снизу: Жовтихъ,	„	„ „	Жовтыхъ
„ „	10	„ „	1 сверху: синку,	„	„ „	сукни
„ „	11	„ „	9 снизу: утикали,	„	„ „	утикалы
„ „	12	„ „	2 снизу: 1848 г.,	„	„ „	1849 г.
„ „	35	„ „	5 сверху: мало важную,	„	„ „	маловажную
„ „	84	„ „	18 и 20 сверху: тильки,	„	„ „	тильы
„ „	103	„ „	20 сверху: дужа,	„	„	дуже
„ „	115	„ „	17 сверху: ясность,	„	„ „	точность
„ „	115	„ „	25 сверху: культурнаго	„	„ „	дипломатическаго.

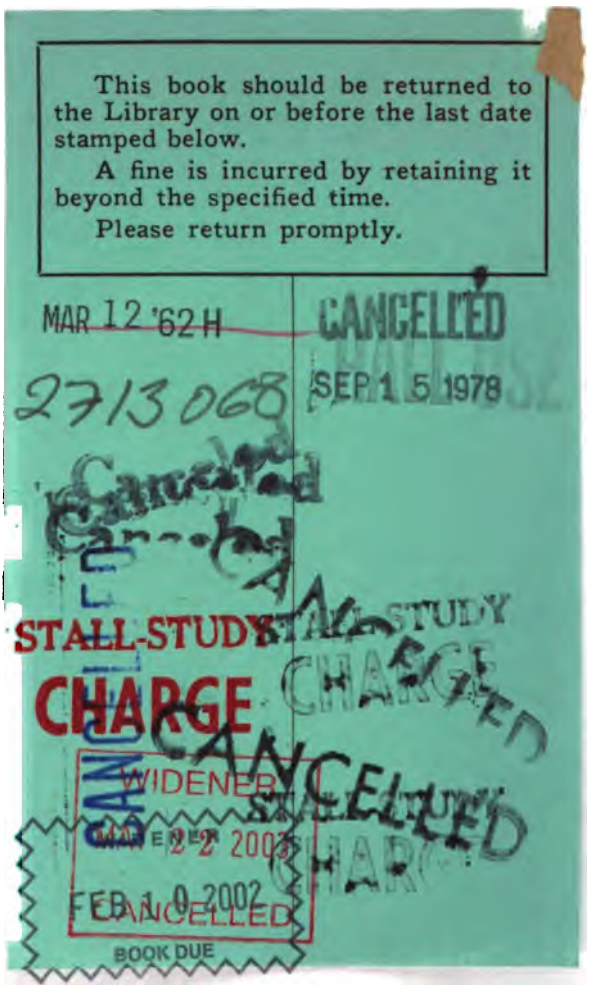
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google